

Уважаемые авторы и читатели изданий «Интеллигент»!

От всей души поздравляем вас с 70-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне! Сейчас не та ситуация, чтобы спорить, кто освобождал в годы войны города Европы, чей вклад оказался решающим в той Великой победе. Известно одно: плечом к плечу против фашизма сражались русские и украинцы, белорусы и армяне, грузины и молдаване, казахи и киргизы, дагестанцы и др. народы Советского Союза. Их подвиг бессмертен, их имена навечно вошли в нашу историю. Переписывать же историю, пытаясь возвысить или унижить вклад тех или иных национальностей — это надругательство над павшими воинами, заплатившими своими жизнями за свободу следующих поколений. Сегодняшний наш долг — отдать дань памяти Неизвестному солдату, на могиле которого увековечены слова: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен!»

Обращаем ваше внимание на экспериментальный выпуск сегодняшнего издания, который вобрал в себя черты двух наших журналов, а именно: «Интеллигент. Нью-Йорк» и «Интеллигент. Избранное». В настоящее время решается вопрос о возможности дальнейшего выхода журнала «Интеллигент. Избранное» именно в таком симбиозе, когда наряду с материалами альманаха, то есть с подборками авторов стихов и прозы, будут представлены новости общемировых культурных событий, статьи и очерки об интересных творческих людях.

В связи с тем, что к нам часто обращаются авторы, мечтающие попасть на страницы изданий «Интеллигент» без рекомендаций представителей и редакторского состава, просим таких авторов обратить внимание на условия публикации, размещенные на главной странице нашего нового сайта. Так

же мы не против коллективных обращений к нам зарубежных ЛИТО или различных литературных обществ регионов России, но условия публикации необходимо обговаривать заранее, а не перед самым выходом тиража. Это ведет не только к большим затратам, к ущемлению прав других авторов, теряющих свои печатные площади, но и к задержке выхода самих изданий. Напоминаем, что в медийной группе «Интеллигент» наступают летние каникулы, издательская деятельность возобновится только в сентябре. Поэтому у нас достаточно времени, чтобы спокойно обговорить условия публикации материалов, предложенных конкретными авторами или отдельными коллективами.

Благодарим всех учредителей, редакторов, представителей и авторов, приславших нам свои материалы, за плодотворную работу в подготовке этого номера журнала. Желаем всем приятного чтения!

Медийная группа «Интеллигент», соболезнует родным и близким Анатолия Иванова. СВЕТАЯ ПАМЯТЬ ПОЭТУ

Экспериментальный выпуск “Избранное”

Содержание

Слово учредителя.....	1	Александр Матусевич.....	54	
Содержание.....	2	Майя Шварцман.....	66	
Австралия				
Залман Шмейлин.....	3	Нижний Новгород		
Инга Даугавиете	5	Владимир Трушков.....	70	
Яков Маргулис.....	7	Работы для детей		
Юрий Вайсман.....	9	Тимофей Белозёров.....	73	
Александр Грозубинский.....	10	Анастасия Разина.....	73	
Люся Куликовская.....	11	Елена Игнатовская.....	74	
Бельгия				
Майя Шварцман.....	13	Санкт-Петербург		
Карелия				
Анатолий Иванов.....	20	Юлия Рудомазина.....	75	
Дина Лебедева.....	22	Андрей Балабуха.....	77	
Татьяна Дунаф.....	24	Ирина Нэртис.....	80	
Москва				
Светлана Савицкая.....	26	Екатерина Асмус.....	81	
Галина Барышникова (Вайгер).....	31	США		
Елена Ерофеева-Литвинская.....	32	Михаил Мазель.....	82	
Магадан				
Сергей Малашко.....	35	Олег Семенов.....	83	
Александр Соколовский.....	39	Украина		
Александр Сырченко.....	41	Игорь Квочка.....	84	
Евгений Сычев.....	42	Юлия Виноградова.....	87	
Николай Секушин.....	49	Валерий Паук.....	88	
Театр				
Александр Матусевич.....	52	Антон Мостовой.....	90	
Майя Шварцман.....	60	Эстония		
Светлана Савицкая.....	62	Елена Ларина.....	92	
Страница памяти				
			Алёна Воля.....	94
			Яков Коваленко.....	95

Австралия

Залман Шмелейн

Закончил Львовский Политех. В Австралии с 1996 года.

Печатался в различных российских и русскоязычных изданиях.

Публикации: «День литературы», «Дон», «Лауреат», «Интеллигент», «Новая Немига литературная», «Альбион», «Острова», «Витражи», «Арфа Давида» «Австралийская мозаика» и др. В 2012 году вышла книга стихов и прозы «На костре своих строчек...»

Главный редактор литературного альманаха «Витражи» г. Мельбурн. Финалист конкурса «Пушкин в Британии» 2007, 2012 гг., «Серебряное перо Руси» 2014г., Литературная премия им. Вениамина Блаженного 2014 г.

Я ей говорил – ты ангел,
Не задумавшись, от избытка чувств
А она мне в ответ – да ладно,
Во мне ангела лишь чуть-чуть.

Я ей говорил – ты дьявол,
И в этом вся твоя суть.
Она, отмахнувшись вяло,
Отвечала мне - Ну и пусть!

От нее я в полном отчаянии -
Кто же ангел она или бес.
Только мир с ней полон нечаянно
Совершающихся чудес.

Ты виновата, что я не ищу
сокровищ в далеком море.
Ты виновата, что я сам с собой
больше уже не спорю.

Ты виновата, что не стремлюсь
мир наш переиначить,
Что все звезды и все фонари -
в складках твоего платья,

Что все оттенки живых цветов
в меди твоего волоса,
Что все мелодии мира звучат
в тихом твоём голосе.

И если идти мне, как знать, по улице
К людям с протянутой рукой,
Я буду мечтать не о жареной курице,
А о самом будничном дне с тобой.

Мы совсем не очевидная пара -
Повстречались - шагай пошире.

Мне бы подошли времена динозавров,
А тебе - играть Нерону на лире.

Но случилось как раз то, что случилось.
Ну, рулил бы я не «Хонду», а «Ниссан».
Только б жизнь была – при жизни могила
И стишок бы этот не был написан.

РЕМЕСЛО

Чеснэ слово – цэ полова.

Кожаный фартук - мастеровой
Цеха пера и слова.
Как тебе дышится, дорогой,
Если твой хлеб – полова.

Гроза отгремела и ветер стих,
Опал чабрецом и полынью.
Время закатов – каждый из них
Вровень ценою с жизнью.

И, отстранившись (над строчкой горбась),
От серых, прогорклых буден,
Верую, если не будет тебя,
Закатов тоже не будет.

Перелистывая Набокова...

Тринтих

НАБОКОВ

Нервный припадок – которые сутки.
Ее ягодицы, живот – Она!?
Но спина?! – Спина проститутки
В раме расшторенного окна.

Она приходит, когда захочет,
Роется в своих платьях.
И я кричу ей что было мочи:
Хватит! Пора убираться!

Вещи на свалку - и все забыто,
Только у горничной вздрогнут бровки...
Она - две недели назад убита
Своим безумным любовником.

Ей назначалась любовь – чума
Пулей из недр нагана.
Скажут, - все было меж строк письма
Из ее незаконченного романа.

ЛЮБЛЮ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Люблю в последний раз,
Хочу сорваться с петель,
Расшевелить листву,
До самых корешков
Взъерошить, а потом,
Как ненасытный ветер,
Лизать, лизать, лизать
Шершавым языком.

Люблю в последний раз,
Хочу морским прибоем
Изнеженных лагун
Округлости ласкать,
Вернувшись вновь и вновь,
Их покрывать собою,
В чреде бессчетной лун
Желать, желать, желать...

Люблю в последний раз
Гольшиком младенцем
Хочу прильнуть к груди
Клещем – не оторвать,
Глотая полным ртом
Нагую откровенность -
Люблю, люблю, люблю, -
Что мне шептала мать.

АВТОПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА В РАМКЕ

Я приходила к нему убирать квартиру
Это было не сложно: ванна, кухня, пропылесосить ковер.
Перебросимся фразами, пока я посуду мыла -
Насчет погоды и прочих ходячий вздор.

Чтоб мне не мешать, он включал компьютер,
Говорил, сочиняет стихи, только это не факт.
На пыльных полках книги, книги и книги – круто,
Вот бы проверить, о чем он там пишет, но как?

Его родной язык – русский, в английском, похоже,
Он мультикультурно ни бэ, ни мэ
А я филиппинка, мой ленгвич тоже
Ни вашим, ни нашим, ву компромэ...

Он всегда предлагал выпить чашечку кофе:
«Ты устала, какой может быть разговор».
А я колебалась, уборщице – профи
Положено строго держать зазор.

Если я соглашалась, мы долго болтали,
(Как - не понятно), но тем замес
Его завораживал микродетальями,
Он мне говорил – в этом весь интерес.

Но однажды на вежливый стук, как учили,
Никакого ответа – молчанье ягнят.
Позже в офисе мне, извиняясь, подтвердили:
Что заказ на клиента снят.

НЕКТО КАМОЭНС...

Некто, возможно, Камознс
Говорил - в настоящих стихах
Совершается то, чему имени нет
Ни в наречиях, ни в языках.

Некто, возможно, Камознс,
Говорил, что в стихах
Плещет вода по поясу:
Все, что имеет имя:
Ритмы, догадки, глянец -
Мимо.
Поэзия – то, что останется.

Некто, но не Камознс, которого я не знал
По целому ряду причин,
Пишет стихи, как берут интеграл
От мизерных величин.

С налету покажется - «Ого-го!»
Вот пример, так пример!».
Но отчего же при отжиме
В остатке нет ничего...

ТАСМАНИЯ

Табуны лошадей закусил удила.
То слева скала, то справа скала.
И рвутся навстречу тасманские ели
Под свист хулиганский цыганской свирели
И рык разъяренной басовой струны -
Бегущих колес сквозь страну тишины.
Кружит, словно в вальсе, седая гора,
Сегодня любовник, чур, буду не я.
Скала подступает, душа в каблуке
И нить Ариадны зажата в руке.
Но если раз сто перевалишь гряды,
Но если проскочишь сквозь эту беду,
Отрадою станет полянка в лесу,
Разлитый жестяной фасольный суп,
Бумажный стаканчик с игристым вином
И чай в котелке с закоптившимся дном.
И будет журчать по-соседству река,
Деревья вершиной качать облака,
И очень душевно, под струн перебор,
Рассказывать будет без устали хор
Про горный распадок с названием «Рай»,
Что был так похож на покинутый край,
Где травы по пояс, где липы в цвету
И пчелы сосут медовую росу.

* * *

Подошел знакомый Зямыч
В куртке кожаной «реглан», -
На нем не смотрится.
А потом Иван Абрамыч
(У него сейчас роман)
С диабетом и своей пулеметчицей.

Стало, как в «однушке», тесно
Обсуждается изъян –
Разговор на повышенных.
Что-то с пузом у невесты
И к тому же где-то сан
Не прописанный.

Мнений – «Килька в маринаде»
Сомневается народ,
Изнасилованный теликом,
Есть ли шансы у команды
«Киевский хлебозавод»
Против «ЦЭ-ЭС-КА» и «Терека».

Инга Даугавиете

Родилась в Риге, 18 лет живу в Мельбурне.
Муж, двое сыновей, две собаки, два кролика...
две рыбки.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Помню, мама всё качала сестру -
“Будет принц тебе, красавица, спи...”
Обещали снегопад поутру,
станем завтра динозавра лепить.

- Сказку, мама! Где коза-дереза!
- Помню бабушку, иконы в углу...
Хорошо бы научиться вязать,
Будем петли пересчитывать вслух.

Сказку? Жил да поживал добрый царь...
От сестры четвёртый год нет вестей.
Перепутал наш Создатель сердца,
Дал не тем! И пользы что в красоте?

Мать на кухне допивает вино,
Скорбно смотрит (как всегда!) в потолок.
За конфетами пойдём в гастроном,
- Сказку?
Жил когда-то Бог... добрый Бог.

* * *

Можешь гадать (опять!) на кофейной гуще,
Или - по новой - перестилать постель.
В гулком дворе - бесшумно - котов орущих,
А в коридоре - вопли чужих детей.
(Не вспоминать, коридором какой больницы
Шла восемнадцать вёсен тому назад.
Сколько проклятых лет продолжают сниться
Доктора обезумевшие глаза)
К микрорайону тихо крадётся полночь,
Ладно, подружка, вышей. Потом - прости.
Кто был отцом? И цвета волос не помнишь.
(Если бы не порвался презерватив!...)
Не угадаешь. В гуще сюжетных линий -
Что-то удачно, а где-то - давало сбой.
(Если бы муж (второй!) не мечтал о сыне!
Если бы он потом не ушел к другой!)
Девочка, все - уходят. Всегда - уходят.
Папа и мама, дети, мужья, коты.
Лучше давай - в который раз - о погоде,
Кофе в китайской чашке давно остыл,
Карточный домик надежды бессильно рухнет
Под бесконечным “если бы..он.. а я..”
В эту минуту мы всё равно б на кухне
Вместе с тобою пили плохой коньяк.

СМИ

И скажет богатый - не в дЕньгах счастье!
И ты поперхнешься водой из крана.
Сметая осколки цветастой чашки,
Прислушаться - дочка играет гаммы,
Пожалуй, лучше б терзала Листа.
В невымытых окнах - огни пилона,
И толку в классном твоём английском,
Когда на билет - что на Марс, что в Лондон,
Не хватит. Глянь-ка - ломая руки -
Кинозвезда - о четвертом муже.
А мама... маме не только внуки,
Ей даже ты много лет не нужен.
И снова - диктор. И кто-то плачет.
...Принцесса едет в собор - венчаться,
Ликует Лондон. Соседский мальчик
Заходит к дочке.

Да Бог с ней, с чашкой!

* * *

- Помнишь, соседка была, говорила “Алла..!”
И замирала, к небу поднимая глаза.
В нашем квартале (пять минут от вокзала),
Жить без молитвы было никак нельзя!

Здесь Богоматерь на трех языках просили
(Все, говорят, дороги приводят в Рим!)
Выпив, кричал Иван, что светлей в России
Солнце.. седой раввин соглашался с ним.

Плыл над кварталом запах вина и хлеба,
Послевоенный запах, хвала Богам!
В городе нашем дороги взмывали в небо,
Бережно огибая последний храм.

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Вновь её голос в трубке - приезжай, поговорим,
Дескать, скучаю, давно не виделись и т.д.
(И дрожит струна, взводят курок (раз-два-три),
Пепел Содомы падает на Эдем).

Конечно, приеду. Деваться некуда - всё же мать,
Не сбежать (развестись и забыть - не муж),
Конечно, было бы проще - строкой письма,
И ни марки, ни адреса чтоб письму.

Приеду, шепотом - точнее - просто приду,
Ведь за углом и бываю там каждый день.
И услышу с порога (как всегда!), что я дура из дур.
И всё у меня абсолютно иначе, чем у людей.

И, опять - что говорят про меня, где и когда,
И тетя Маня, и - кузина Этель,
А я буду смотреть в потолок, так смотрят назад,
Считая столбы в убегающей пустоте.

И под ровный гул привычно-знакомых слов
Я помолюсь за Маню...в который раз...
Пусть ей будет там, где она сейчас, тепло,
Бездетная злыдня, но маме была - сестра.

Кузина Этель моет в больнице полы,
Зато в Нью-Йорке (дурдом - он дурдом везде),
Замужем! (муж зануден сильно и лыс,
Но дело не в этом, а в том, что я - не у дел.)

Часы на стене - почему-то совсем не ползут
Противные стрелки!...Внезапная тишина -
Она дрожащей рукой вытирает слезу,
И - последняя фраза - "Ведь ты у меня - одна! -

Ложится - камнем, точнее, последним штрихом,
Стежком в полотне, картине осеннего дня.
И, кутая горло связанным ею шарфом
Думать - одна... как и ты - одна у меня.

* * *

Расцветает вновь во дворе миндаля,
Пахнет воздух солью, а чем еще?
Загадать желанье (кругом вода!)
И швырнуть монету через плечо.
На любом языке умолять святых,
Потому что пятую ночь - без сна.
На румынской церкви дрожат кресты
И поет молитву свою волна.
Сколько их, молодых, уходило в ночь?
Пожелайте плаванья кораблю!
Подливает греческое вино,
Рассуждает о курсе чужих валют,
У него пятистенки - двойной кирпич,
А теперь - сыновей и жену - пора,
И ложится на стол (помолчи, стерпи!)
Тяжкий перстень старинного серебра.
(Заклеймят, а после - рожать рабов).
Пять судов в порту, проститутки - в бар...
Говоришь, вот это и есть - любовь?
Говоришь, вот это и есть - судьба?
Простыня полощется, словно бинт
(Честь невесты, дескать - снегов белей!)
Пусть не можешь выбрать, кого любить,
Только вправе всегда выбирать - с кем лечь!
(Полыхать тебе на ветру свечой.)
Опрокинут стакан, дребезжит кольцо.
Выдыхает море песок и соль...

Он - в который раз - проверяет счет.

* * *

в этом доме, городе, в этой, мой Бог, стране,
где всплывает солнце над крышами ровно в шесть,
произносят "о да, быть может", а значит - нет,
по ночам - блестит луна, что твоя мишень,

здесь другие забыли, ведь легче вот так - забыть,
то, что было каких-то несколько дней назад,
потому что быт - он в любой точке мира - быт,
и всего-то дел - готовить, стирать, вязать,

поливать столетний кактус у входа в дом,
(говорят - цветёт, да толку - что говорят...)
над пустым листом бумаги дрожит ладонь
раскаленным утром мертвого сентября.

* * *

Снова приснятся шпили и купола.
Где родилась? Вопросы немых анкет.
Это какой же надо иметь талант,
Чтобы всю жизнь - на единственном языке -
Петь, молиться, плакать и проклинать.
Чтобы земля и страна, и язык - одно?

...Вижу двадцатый год - в иноземных снах-
Шпили и купола накрывает ночь.
Господи! Я с тобою давно на ты,
Не на коленях, Отче, глаза в глаза.
Помыслы неуклюжи, слова - просты.
Но ведь зачем-то такую меня - создал?...
Тучи вдоль горизонта. Дождись грозы,
Дышит золой и дымом декабрьский час.

Только одно осталось - родной язык,
Слово - на слух и вкус, и строка - на глаз.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Серебром - смотри - оливы
Отливают на закате,
Тает солнце торопливо
Тонким ломтиком цуката.
Положив ладонь под щёку,
Спит уставшая Мария,
Луч заглядывает в щёлку.

Носит сына, говорили...

* * *

А выбора нет и не будет - носи, рожай.
На листьях оливы - смотри ! - серебрится пыль,
И снится камень, хищная плоть ножа,
Нашедшая цель. Стотысячный вздох толпы,
Всегда, ты слышишь? За веру, вождя и власть,
(Учить надеялась мальчика - алеф, бет),
Зачем богам превращать эту землю в плац,
Как будто мало для битвы им - всех небес?
Молился город на тысяче языков,
Швырял, смеясь, убогим свои гроши.

И снилось - солнце над миром стоит высоко.
Идешь босиком, на голове кувшин.

ОСЕНЬ

Чем дальше веришь - тише слова молитв.
Светлее ночь. Размереннее строка.
Невероятно яркое осенний лист,
И растекается в рамке небес закат.

Из города - все дороги ведут к воде,
(Чем ближе дюны - пронзительней синева),
И в янтаре тает короткий день.
Всё - забывай. Намеренно - забывай!

Касается края воды золотой клубок,
Идешь, почти не касаясь седой земли....

И вдруг понимаешь, как равнодушен Бог.
И как - нечеловечески - справедлив.

Яков Маргулис

Родился, рос и учился в Курске: школа, монтажный техникум, политехнический институт. Инженер-строитель, проектировщик. Служил в Саратовском стройбате. Женат, сын, дочь, два внука...

С 1991 года – в Австралии, заводской рабочий.

Рифмовать начал лет с пятнадцати, так это дело потихоньку и продолжается. Участвовал в нескольких сборниках, были небольшие публикации в австралийских русскоязычных газетах и журналах.

ТРИ ВСТРЕЧИ

1.

Вот-вот загрохочут над Волгой мои сапоги,
И полупустому купе напеваю про это,
Мир вырублен, за занавеской не видно ни зги,
Но пахнет антоновкой, значит, кончается лето.

Талдычится вечный вопрос поездов: – ты куда?
Пою, а себе задаю его снова и снова,
А еду начать всё сначала, а еду туда,
Где светит улыбка, похоже, из мира другого...

Итак, на разгоне в ночи «Симферополь – Москва»,
Освоил с попутчицей чуть не полбанки «Столичной»,
И где же, выходит, пустых обещаний слова –
В отрыве вести себя, минимум, в меру прилично.

Но поздно, но поздно, но поздно топить тормоза:
Коса золотистая, пухленький, бантиком, ротик...
И что-то непознанное обещают глаза,
И боже ж ты мой, ну какие тут могут быть «против»?

Мосты и туннели, практически, не тормозя,
Берёт шустрый поезд, как я, позабыв осторожность,
Мы с ним акрихинную горечь скупого «нельзя»
Залили медовой сладостью щедрого «можно».

И на воду вёсла, и пеной в лицо буруны,
И пройден порог, и скользим по зеркальному плёсу...
Залижутся мелкие ранки случайной вины,
Затянется ночь предрассветным туманом белёсым.

2.

Песня соловьиная, юная весна,
В майской роще ландыша стебелёк упругий,
Что была ты школьница – не твоя вина,
Что, как утро хороша, – не твоя заслуга.

Ухитрился от судьбы получить сполна,
Не упал и не сошёл, не покинул круга,
Что так долго был в пути – не моя вина,
Что как прежде ты глядишь – не моя заслуга.

Не допелась песенка, порвалась струна,
Третий голос – не мешай песне с новым другом,
Что тебе не весело – не его вина,
Что всё так же хороша – не его заслуга.

Добивай до шляпки гвоздь, допивай до дна,
Не смей нас, Купидон, стрелами и луком,
Расколосось, не сбилось – наша ли вина?
Отштормило, улеглось – наша ли заслуга?

3.

Даю порой прикуривать и сердцу и уму,
Качу до Растогоево, как тыщу лет тому,
Там ели подмосковные синеют вдалеке,
Лишь память рюкзаком на мне, считай, что налегке.

А вот и эта улица, а вот и этот дом,
И кот – не тот ли? – щурится в беседке под окном,
Кручу звонок-барашек я, и он – не обновлён,
Сейчас откроет барышня, что был тогда влюблён...

А воздух вдруг сгущается, непросто и вздохнуть,
Рука перемещается непрошено на грудь,
Шаги... Но будто кто толкнул – бегу, бегу назад,
Пока не встретил ту весну споткнувшийся мой взгляд.

Бегу, не покажу лица, и – за угол, как вор,
Не те: ни эта улица, ни дом, ни кот, ни двор...
Какого тут тебе рожна? Не выйдет ни черта –
Не та откроет барышня, не та, не та, не та...

Играет лихо времечко, всегда победный счёт,
С тем ледоходом речка к нам назад не потечёт.
Поймать такси до станции, и – ходу от «вчера»!
Пусть барышня останется такою, как была...

Даю порой прикуривать и сердцу и уму,
Качу от Расторгуево, как тыщу лет тому,
Ой, удаль молодецкая, не помню ни хрена:
А что ж у Павелецкого велела взять жена?

* * *

Спросили, а в чём ваша главная фишка,
Годится ли что-либо для пьедестала?
Наверно, годится. Есть в памяти книжка,
Сейчас вот достану – и перелистаю...

А там – всё наброски, штрихи да детали:
Орал кто-то гневно, глядел кто-то нежно,
Какой-то портвейн, вроде, предпочитали,
То ль левобережный, то ль правобережный.

Смешные и жалкие поползновенья:
Вот речи дефекты, вот диффуравненья,
Вот – третье место, вот – первое место,
Невеста ещё, и уже не невеста.

Наивность юнца. И листать-то неловко.
Всё думал – прикидка идёт, подготовка,
А главное – ждёт... Вот дойду до угла...
А главным – вся пёстрая жизнь и была.

КОММУНАЛКА

Соседи: Яшка, Ромка, Ванька, Зинка –
Смешной, под ноль остриженный народ,
На стол – один – четыре керосинки,
И гордость дома – кран. Водопровод!

А во дворе ещё соседей сколько!
И кролики, и даже есть индюк,
И вечные скандалы у помойки,
И не всегда обходится без ружья...

Яну

О тех годах, считай, сложился эпос.
Но стало лучше, стало веселей:
У каждого есть дверь в родную крепость,
А у кого – и несколько дверей.

Теперь уже планета вся видна нам –
А та же кухня тесная, как встарь:
На шар один – четыре океана,
Бензинно-керосиновая гарь,

И вечный бой в монбланах вечной свалки,
Оскал соседа с пеною у рта...
Невыездные мы из коммуналки.
И выезжать-то, собственно, куда?

Какой же там конторе настучали?
В какой охранке завели досье?
Казалось, бегал сам-себе. Вначале.
А оказалось – белкой в колесе.

Прикрылся независимости латами,
Уверен был – надёжными вполне...
Своих заслали, гады, соглядатаев,
Во мне уже бесчинствуют, во мне.

И, связана приличьями суровыми,
Меж ними где-то скуксилась душа.
И взвешивай до миллиграмма слово,
И выверяй до миллиметра шаг...

Сгоню с утра всех шпиков с мест непьющих
С их правилами, с их подходом трезвым!
Но зеркало глядит щекой намыленной,
И засекает свежие порезы.

У влажной кромки пляжа, на жаре
Строенье подсыхает, всем на диво.
Там девочка и мальчик, в той поре,
Какую лишь и можно звать счастливой

Строительство к концу. Смотреть занято:
Всё бегают к прибою и обратно,
Водой с ладошек заполняя ров –
Надёжно-неприступным будет кров!

Гнездо достроит радостная пара
В неведеньи беспечном – что потом?
Я б досмотрел, пускай сюжетик старый,
Но что-то разморило под зонтом.

За дремлюще прикрытыми глазами –
Развязка трижды пройденного сна:
Придёт неумолимая волна,
Совсем не обязательно – цунами.

И чувствую, игрушку жаль слегка.
Ну что же, с морем не схожусь во вкусе.
Возводят дети замок из песка...
Как славно, что они пока не в курсе.

Мир в цвете! – поклонюсь художникам
И малярам.
И радуге – восьмому чуду – должен,
Всем колерам:

Пионов неподаренному пламени,
Кармину роз, –
За тех, лелеявших надежды тайные,
Что всё всерьёз.

Оранжевости юных жарких дней,
Уроков пыла,
Что жгла и мучила, да к счастью не
Испепелила.

И тёплой солнечности-желтизне,
Пришедшей в мае,
С плодом в руке, чтоб соблазниться мне,
Пусть – прочь из рая.

И зелени лугов, что отразилась
В глазах судьбы.
Небес голубизне, явившей милость,
Чтоб детям – быть.

И сини моря, что без непогоды
Перенесла.
Той фиолетовости, где ни горя,
Ни года, ни числа...
И – отдаю, пусть с мизерным успехом,
Всем краскам спектра.

Дождь в прояснении. А попросту – слепой.
Прощальный плач по Фетовской грозе.
Стопа до дар зачитанных газет.
Весенний авитаминоз с собой
Принёс простуду, или «ОРЗ».

В хрипато кашле – твой больной вопрос:
Ломал себя каким богам в угоду?
С каким врагом ушла твоя свобода?
Там лёгкий флирт, иль всё-таки всерьёз?
Иль так, на перемену места мода?
Иль просто женская её природа?...

Но насморк – не путёвка на погост,
И ветреность мужских не стоит слёз,
И так уж всё ли через пень пень-колоду?

Прими своей перцовочки глоток,
Взгляни на мир в блеснувшее оконце,
Взбодрись сознанием – ты не одинок:
Там, в серых туч застиранный платок
Сморкается простуженное солнце.

Вся природа – из круговоротов, к примеру, воды.
И приходим из небытия, и туда же идём,
И толкуем, до крови, на разные очень лады,
И земля примиряет – не катаньем, так мытьём.

И земля плодоносит, как женщина, та – как земля,
И плоды подрастают, те – в детских, те – просто в садах...
Глубина рассуждения – на смех большим кораблям,
Да и свежесть: Хайям, иль какой-нибудь, вовсе, Плутарх.

«Царь природы»... Ну надо ж сморозить, пусть даже шутя,
Я на палубе в шторм вспоминаю, кто держит бразды:
Тучи мечут в пучину несчётные струи дождя,
Подтверждая наличие круговорота воды.

Скривила незнакомка ротик:
– Терпеть поэтов не могу!
Они и в жизни вечно лгут...–
И первой мыслью: «Ты в пролёте...»

И тут же следом: «Но позвольте,
У них, на дальнем берегу,
Кто может знать про тайный грех?
А здесь наметился успех...»

Но, наклонив с усмешкой локон,
Как током: – Вы ж из местных Блоков? –
И ты споткнулся на бегу...

О, как жестоко неуместна
Твоя широкая известность,
Пусть в самом узеньком кругу.

Юрий Вайсман

Родился в городе Калинковичи, что на Белорусском полесье. Окончил Рижский Политехнический институт по специальности инженер-строитель. С 1994 года живёт в городе Мельбурн.

Автор двух сборников: «Исповедь» (1989) и «Рубикон» (1991). Стихи публиковались в «Литературной газете», альманахе «Витражи», газете «Интеллигент», в поэтическом альманахе 45 Параллель, в журнале «Новая Немига Литературная», на порталах «Русская литература Австралии» и др.

Душой не запасёшься впрок,
Поэзия – сестра побега!
Глаза, отвыкшие от снега,
Забилы пыль чужих дорог.

Я здесь – за три материка,
За полвитка земного шара,
Где сны, как отблески пожара,
Не отгоревшего пока.

Где вырывается тоска,
Как погорелец к пепелищу,
Где не находит то, что ищет,
Её дрожащая рука.

Я здесь и к вам, издали
Мой голос плачет и смеётся,
Я здесь, на самом дне колодца,
Считаю в небе облака.

Я здесь – я в глубине листа,
Я пью вино и корчу рожи
Тому, кто кажется моложе
Моих, без малого, полста.

Я здесь... На шпильях петухи,
И слякоть, и огни вокзала,
И зал, и я иду из зала
На сцену, к вам – читать стихи...

Кого просить о пощаде
На небе или в груди?
Несчастье крадётся сзади,
Хотя оно впереди.

Мы долго играли в прятки.
Петляя. Меняя масть.
В начале пути – с оглядкой,
В конце – уже не таясь.

Какая была погоня!
Огонь заслонял огонь...
В прекраснейшей из агоний
Металась моя ладонь.

Скользя по ступеням шатким,
И падая, и крича...
Мы долго играли в прятки,
Но вот оно – у плеча.

И бестолку душу прятать,
И прятаться, и кружить.
Смешное слово – расплата.
Расплата – как способ жить!

А был у судьбы украден
Всего-то – затёртый грош...
Кого просить о пощаде
Когда пощады не ждёшь.

Кто придумал что осень - грусть
Тот был просто обманут грустью.
Ты проснёшься - я улыбнусь,
И сентябрь глаза опустит.

На окошко набросит дождь,
Прикрывая чужую радость
Он и сам испугает дрожь
Каждой клеточкой листопада.

И как юноша покраснев,
От смущенья и от рассвета,
Приревнует тебя ко мне,
А потом нас обоих к лету.

Ты воскликнешь: Какой смешной!
И с улыбкой добавишь: Милый,
Ты не помнишь как я весной
Но причудам твоим грустила?

Кто скучает о лете, пусть
Плачет в колкую зелень сосен!
Кто придумал, что осень - грусть?
Кто так глупо обидел осень...

НЕЖНОСТЬ

Ты обнимешь меня гвоздиками,
Я постель застелю тюльпанами.
Заповедное. Полудикое.
Неразгаданное. Желанное.

Всё ушедшее, всё не вечное
Откровением губ разорвано,
Лишь глаза мои сумасшедшие
И душа твоя беспризорная.

Кто разглядывал, кто укладывал,
Кто то мучил и звал это нежностью...
Приложи мне ладони ладанкой,
Долгожданные как подснежники.

Из улыбки твоей простуженной
Смотрит девочка - губки бантиком,
Вся воздушная словно кружево,
В чём то розовом как романтика.

Да, я помню о неизбежности,
Но как хочется, Боже, как хочется!
Бесконечно богаче нежностью,
Обречённые на одиночество.

Ты устала ночами вскрикивать,
Я не в силах себя обманывать...
Обними же меня гвоздиками,
Я постель застелил тюльпанами.

Александр Грозубинский

Родился в Харькове. С 1992 года живёт в Мельбурне.
Печатался в русскоязычных журналах и газетах Австралии, США и России («Витражи», «День литературы», «Интеллигент» и др.). Стихи Александра Грозубинского также вошли в сборник современной русскоязычной поэзии «Золотая книга», вышедший в Дюссельдорфе, Германия, в 2011 году

ПИСЬМО

У нас здесь суета и визг, и шум
Достиг предела.
Мон Шер Ами, я снова Вам пишу.
От не фиг делать.

Надеюсь что у Вас все хорошо
При муже новом.
Мон Шер Ами, я написал стишок,
Как мне хреново

О том, что я себя пережалел.
(С деньгами туго)
О том, что каждый день все тяжелей
Бежать по кругу

О том, как мне тоскливо на душе
И нет отрады
Вы мне не отвечаете, Мон Шер.
Ну и не надо.

Крупные беды гложут,
Мелкие тербят.
Был бы я помоложе –
Я бы любил себя.

Ну а теперь негоже.
Да и не хватит сил.
Был бы я помоложе –
Я бы себя убил.

В суть не ворвусь. Из пошлости не вырвусь.
Так мало сделал, а уже устал.
Я рос таким талантливый, а вырос...
Я был таким доверчивым, а стал...

На ласку не ведусь – боюсь обжечься.
Создав из одиночества уют,
Давно Поступок заменяю жестом
И в зеркале себя не узнаю.

Стансы Воскресного Вечера
Тишина изгибается смерчами
Пустота обступает химерами
Наказанье Воскресным Вечером
Мне уже полной мерой отмерено.

Принимаю последние почести
Тихой жутью Воскресного Вечера.
Обреченный на одиночество.
Исключенный из человечества.

Адрес есть и можно письма слать
(Это было прошлой весной).
Женщина, Которая Спасла,
Что ж, спасла и больше не со мною.

Адрес есть и можно письма слать.
Понимаешь, письма – это мало.
Женщина, Которая Спасла,
Для чего же ты меня спасала?

Адрес есть и можно письма слать
Может быть, ответишь. Нет, наверно.
Женщина, Которая Спасла,
Унесло тебя осенним ветром.

ДИАЛОГ

Тут можно о разном, но надо короче.
Раз время настало, подводим итоги.
- Тогда тебя все любили?
- Очень.
- И ты отвечал взаимностью?
- Многим.

И было ручное домашнее счастье
И ты острил: «Кама-Сутра» - не догма,
- Тогда тебе все прощали?
- Часто.
- И долго все это терпели?
- Долго.

А может не долго - не знаю сколько
И где-то решили не надо боле.
Тогда тебя предавали?
- Скопом
- Потом тебя добивали?
- Больно.

Да, ты во всем права
Далее и везде
Я виноват в А
Б, В, Г и Д.

Как алфавит прост.
Все уместилось меж
Не исполняем просьб,
Не оправданьем надежд.

А сколько букв в честь
Главной моей вины,
Что я такой, как есть,
И не могу быть иным?

Да. Это мой провал.
Всё. Это мой предел.
Я виноват в А
Б, В, Г и Д.

Люся Куликовская

Родилась на Украине в городе Донецке. В 1974 году — первая публикация в газете Литературная Россия. В 1991 — иммиграция в Израиль и первый сборник эссе под общим названием «Израиль, глазами близорукого». В 2002 году — иммиграция в Новую Зеландию, где были написаны романы «В поисках Родины» и «Сор из избы». Изданный в 2011 году, сборник повестей и рассказов, также, включает в себя тексты песен и романсов, положенных на музыку. В настоящее время готовится к публикации еще одна книга автора.

Как выйти замуж за иностранца

Конечно, принято считать, что инициатором зарождающихся отношений между мужчиной и женщиной обязан быть непременно мужчина. То есть, женщина, по вышеизложенной теории, должна поджидать избранника, сидя у окна, с вышиванием в руках.

А как быть, если вышивать она так и не научилась, несмотря на все старания бабушки, окно ее расположено на десятом этаже, а пролетающий мимо Бэтман заглядывает совершенно в другие окна?

И тогда сегодняшняя раскрепощенная женщина садится за компьютер, и ищет неземную любовь в тридевятом царстве тридесютом государстве, далеко за морями и океанами.

Интернет подключен, компьютер томится в ожидании, и фотографии для рассылки тщательно подобраны.

Понятно, что все шансы на стороне молоденьких, длинноногих девушек со знанием английского языка и красивым загорелым телом, не обремененных детьми и родителями.

Тем не менее, бороться за свое счастье нужно и должно, как говорится, «на всякий товар есть покупатель», так почему бы не попробовать?

С чего нужно начинать поиск заморского принца?

Прежде всего, следует подготовить себя к тому, что Ваш предполагаемый кандидат в мужья, на другом конце Интернета, будет общаться одновременно с несколькими претендентками и ни в коем случае, не огорчаться, если вдруг, по ошибке, придет сообщение с признаниями, адресованное кому-то другому. Лучше всего, просто сделать вид, будто ничего не произошло.

Выбор стоит начинать с определения места будущего проживания — страны, в которой хочется жить и умереть! Страны, которая приснилась Вам однажды.

Вы помните этот сон? Нет? Я Вам напомню. Это была страна с ласковым морем и загорелыми мужчинами. С шикарными авто и витринами дорогих магазинов, пестрящими этикетками знаменитых модельеров, с предупредительными швейцарами, гостеприимно распахивающими перед Вами двери изысканных ресторанов.

Красиво! Заманчиво!

Но неверно.

Помечтали и будет.

На самом деле, внимание нужно обратить на такие земные вещи, как, например, поиск работы по специальности после замужества.

В зарубежных странах мужчины экономные и содержать жену не входит в их планы. Все счета оплачиваются супругами поровну.

Исключения, пожалуй, составляют небольшие валентинки, в подарок ко Дню Влюбленных.

Сроки получения вида на жительство в той или иной стране тоже немаловажная деталь. В конце концов, претендента еще не существует и не все ли равно, будет он американцем или, скажем, французом.

Наконец, страна с подходящим климатом выбрана, предложения работы опережают спрос, теперь можно приступить к выбору самого «пропуска» в светлое будущее.

Наиболее серьезным вопросом на данном этапе поиска является возраст предполагаемого жениха.

Старого, ну, ох, как не хочется! Ворчун, пачкун и ревнивец с полным набором западных технологий по всему, неспортивному телу, как снаружи, так и внутри.

Молодого бы, спортивного! С торсом барса и грацией пантеры!

Но, как известно, все красавцы там либо голубые, либо просто не женятся до 50 лет.

Так как же быть? А вот тут нужно убрать руку с услужливой мышки и, заглянув в глубину своей любвеобильной души, задаться вопросом: «Так чего же тебе, родная, надобно? Любви, гражданства или сытости?»

Понятное дело — ответ один: всего вместе и поболее!

Но Золушка и Красотка, благополучно выйдя замуж, не оставили на нашу долю ни принцев, ни Ричардов Гиров, а потому, из трех необходимых для жизни векторов, выбирать нужно один-единственный.

Правильно! Гражданство!

Любовь появится со временем. Сытость? Да там все, как сыр в масле катаются! И лишь получив гражданство можно достигнуть всего.

Поэтому, в графе возраст лучше отметить от шестидесяти и выше. Больше шансов на успех.

Теперь о себе. Здесь писать нужно правду, правду и ничего, кроме правды! Как на Лубянке! Не врать ни в коем случае! При подаче документов на гражданство все равно

засветят и неудавшиеся браки, и приводы по пьянке в милицию.

Что значит, приводов не было?

А когда после выпускного вечера нажрались в парке и купались в фонтане, и не только купались?

Забыла?

Как подъехавший милицейский бобик доставил вас в отделение?

Что это вы милая заелозили в креслице? Вспомнили воспитательные меры родителей, после которых неделю стоя смотрели телевизор?

Ладно, об этом, пожалуй, и правда, лучше не стоит - авось не докопаются?

Далее, в графе знание иностранных языков лучше написать «Говорю со словарем». То бишь, с людьми говорить пока стесняюсь. Даже если в Аттестате за десятый класс по-английски пятерка.

Далеко не все иностранцы регистрируются на сайтах знакомств в поиске брачных уз. Для большинства из них – это игра, времяпрепровождение.

Зачастую, небритый и жалкий, сидит он, за покрытым толстым слоем пыли и затянутым паутиной компьютером, рисуя перед русскими искательницами женского счастья образ уверенного в себе, неотразимого и респектабельного джентльмена.

И слетаются они к нему, аки бабочки на свет.

Но вот, первый вполне нормальный отклик!

Мужчина за 60, подтянутый и моложавый, в хорошем дорогом костюме приветливо улыбается с фотографии всем желающим.

Не нужно много рассказывать о себе. Лучше больше задавать вопросов, а через денек-другой снова повторить их, вдруг проколется!

Очень важно выходить на связь в разное время суток, желательно ночью, дабы утвердиться в наличии, либо отсутствии законной жены.

Но, вот, наконец, долгожданное приглашение получено.

Остались позади бюрократы, завистливые лица подруг, разочарованная пьяная ряха соседа по коммуналке.

Роскошный лайнер взмывает в небо. Непривычная предупредительность стюардов, ненавязчивый сервис иностранного аэропорта и завораживающее предчувствие чего-то нового, необычного и прекрасного.

Морально следует подготовиться к тому, что первое впечатление от встречи с женихом может не оправдать ожиданий.

Ну, например, может оказаться, что присланная фотография не имеет ничего общего с оригиналом.

И вот, в Аэропорту, незнакомый помятый мужчина, отдаленно напоминающий молодцеватого средних лет, одетого в дорогой костюм джентльмена на присланной фотографии, без цветов и с вентиляцией на джинсах, всем своим видом выказывает нетерпение.

Не ищите глазами кого-то другого.

Это к Вам.

Не страшно! Главное сделано.

И пусть дом его окажется неубранным и холодильник пустым.

Стиснуть зубы, убирать, готовить, стирать!

Изображать примерную супругу.

Не позволять себе ничего лишнего.

Устроиться на работу и отдавать все деньги мужу.

Встречать его у дверей с улыбкой и свежим макияжем.

Во время просмотра телепередач игриво присаживать ся к нему на колени и на вопрос: «Ты что, заблудилась?» - реагировать не иначе, как милым смущением.

Примечание:

Последний совет должен учитывать габариты и вес Ваш и Вашего партнера.

Всем своим видом выказывать нетерпение и страсть в постели.

Не задавать лишних вопросов, тем более, что, как вы выяснилось, английский язык, изученный в школе, не имеет ничего общего с тем иностранным языком, на котором говорят в англоговорящих странах.

Попытаться принять местную культуру и осознать, что импортный жених не столь уж и плох. Что если бы не он, еще неизвестно, чем бы завершилась эта Интернетная авантюра.

Он не плохой, он просто из другого мира!

Не обращая внимания на мелочи, он радуется жизни и живет сегодня, без оглядки на завтрашний день. Он улыбается на улице незнакомым людям, и они улыбаются ему в ответ.

И желающим жить в этой стране необходимо тоже научиться ничего не значащим улыбкам, научиться интересоваться делами случайных знакомых, не дожидаясь ответа.

Научиться ходить на работу в костюмах, а в театр в потертых джинсах и шлепанцах.

Отвыкнуть от боевой раскраски на лице и привыкнуть благодарить водителя автобуса и продавца в магазине!

И терпеть, терпеть, терпеть!

Спрятать свою гордость в карман и снова терпеть, ведь о терпении русских женщин ходят легенды.

Не стоит разочаровывать мужа до получения гражданства.

Это уж после, получив заветный документ, подперев кулачками бока и прищурившись, Вы сможете на родном языке высказать своему драгоценному все, что накопилось в Вас за все это время.

Итак, пускаясь в авантюру под названием «Продаюсь в рабство, а там, как повезет», следует внимательно взвесить все «за» и «против».

Давайте-ка вместе попробуем составить таблицу, в которой будет всего две графы. Одна графа, под заголовком «за» и вторая соответственно «против».

Он – приобретает: Повариху, Уборщицу, Секретаря и Наложницу в одном лице, теряя при этом частично свою Свободу на ближайшую пятилетку.

Она – приобретает: Иностранное гражданство (в перспективе), теряя при этом: Свободу, Родину, Друзей и Знакомых, Независимость, Работу и Право голоса.

Конечно, вероятность того, что брак окажется удачным, существует.

Но это будет потом, когда-нибудь, если будет.

А тем временем в Интернете, в качестве очередной рекламы брачного Агентства будут приводить пример удачного брака с иностранцем, ссылаясь на героев этого рассказа!

БЕЛЬГИЯ

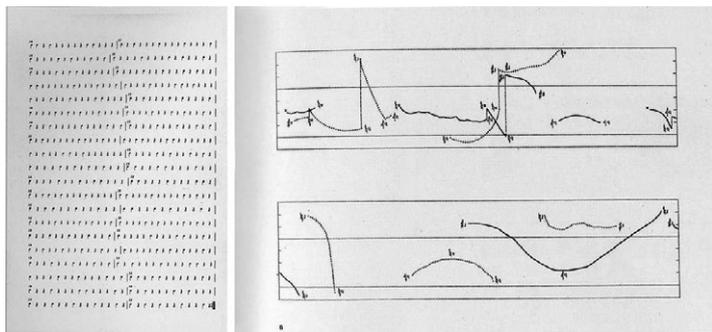

Майя Шварцман

МИНИМУМ О МИНИМАЛИЗМЕ

Искусство, при всей его необъятности и непознаваемости, вещь удобная. Прояви любой из нас фантазию и назови любое слово с окончанием на -изм, – и может оказаться, если термин ещё не занят, что спектр уже существующих в наличии разрозненных предметов искусства даст вполне достаточный базовый материал для нового течения. Всё это наводит на мысль, что за любой, солидно обосновавшейся в культурном ассортименте категорией не обязательно стоит первоначальный устав и принципиальные тезисы, разработанные отцами-основателями. Стихийность ещё никто не отменял, а поскольку стихия – это в какой-то степени элемент природы, стоит задуматься, что некоторые ответвления музыки (живописи, архитектуры, дизайна и т.п.) от общего ствола искусства растут произвольно, в противовес культивированному, то есть спрограммированному.

Минимализм, о котором пойдёт речь, вырос на удивительно богатой почве, где сплелись корни множества его предтеч.

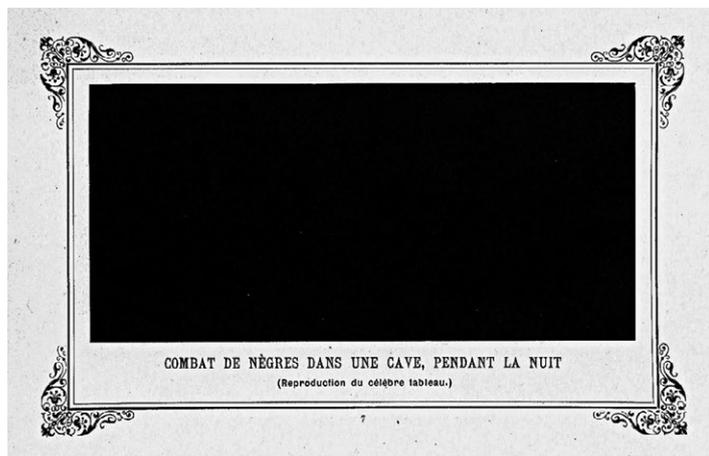

Партитура Джона Кейджа

Если кому-то довелось в детстве читать чудесную книжку Астрид Линдгрэн «Мы все из Бюллербю», может быть, он помнит эпизод, как заблуждаясь учительница просит самую серьёзную девочку в классе заменить её. Девочка пытается занять класс рисованием, никто не слушается, все делают, что хотят, а один из озорников, паясничая, подаёт ей свою работу: лист, сплошь покрашенный чёрным. «Что это такое? – спрашивает она с негодованием. – «Пять негров в чёрной комнате», – отвечает мальчишка. Линдгрэн, родившаяся в 1907 году, писала «Бюллербю» о собственном детстве; в 1915 году (а именно по семь-восемь лет детям из книжки) на далёком шведском хуторе никак не могли знать о появлении картины супрематиста К.Малевича «Чёрный квадрат». Кажется, что этот удачный трюк и, по сути, визуальный плагиат «Чёрного квадрата» Линдгрэн вставила в книгу только будучи взрослой, в 1947 году, когда писала.

Но и с уверенностью в авторских правах Малевича надо быть осторожным. Термин *supremus*, это направление в авангардистском искусстве, переводится с латыни как наивысший. Такие радикальные крайности могут и подвести. «Когда я думал, что уже достиг самого дна, снизу постучали», – написал Станислав Ежи Лец. Для равновесия можно продолжить: когда мы взобрались на самую вершину, вдруг сверху кто-то плюнул. Это к слову о наивысшем.

В 1893 году, за 22 года до Малевича, основатель авангардного течения под названием фумизм Альфонс Алле выставил среди прочих картину: наглухо покрашенный чёрным прямоугольник под названием «Битва негров в глубокой пещере тёмной ночью». К чести автора, он и не собирался дурачить публику заклинаниями о глубинной философии,

«Битва негров в пещере глубокой ночью»

заключённой в чёрном полотне, не сделал его единицей успеха, как это потом случится с полотном Малевича, а привлёк к нему внимание исключительно чувством юмора. Он мог порадовать публику и алым холстом с подписью «Апоплексические кардиналы, собирающие помидоры на берегах Красного моря». Фумисты (Э. Гудо, А. Сапек, А. Алле и др.) вообще были весёлые ребята, даже их самоназвание выросло из слова дым (fumée) для обозначения их отношения к искусству, как к виду деятельности человека и его умению пускать другим дым (по-русски – пыль) в глаза. Поскольку заниматься таким дымоиспусканием всегда приятнее на сытый желудок, они благополучно фумировали всей компанией в знаменитом кафе «Le Chat Noir» на Монмартре. И именно в подражание ему было открыто кабаре «Бродячая собака» в Санкт-Петербурге. Что ещё раз подтверждает: главное – найти незанятое слово для базового термина, а дальше всё пойдёт само.

Нет дыма без огня, но не для фумистов. После смерти рано угасшего Альфонса Алле заниматься дымовой индустрией продолжал один из его ближайших друзей композитор Эрик Сати. Он оказался столь умелым производителем туманных завес в искусстве, что изобрёл – нет, не минимализм, но «меблировочную музыку», суть которой состояла в том, что она укладывалась на слух как плитки на стену ванной: повторами одинаковых, симметричных музыкальных оборотов, раздражающих своей штампованностью и монотонностью. (Это принцип заевшей пластинки, возведённой в абсолют, если угодно.) Если верить воспоминаниям современников, Сати, с его язвительным и непростым характером, скорее всего, не провозглашал новый путь, а только яростно клеймил наступление века конвейера и штамповок (вспомним и «Новые времена» с Чарли Чаплиным, немногим позже появившиеся на экране).

Вообще фумисты-«основоположники», представляются больше юмористами и сатириками, чем циниками, решившими откровенно делать деньги из чего бы то ни было. Для заключения союза между фумизмом и коммерцией они были недостаточно бессовестны, поэтому все их игры словами, пикировки, шаржи, пародии и прочее дымотворчество осталось «чистым» искусством, не особенно перетекшим в чистоган, и после смерти основателя кабаре «Чёрный кот» сменило название и было перепродано. Чёрный кот фумистов канул в тёмную комнату, и никто его там больше не искал.

Умение быть серьёзным, то есть расчётливо отнестись к любой ерунде (имени, мнению, эгоистическому образу жизни) как к гипотетическому получению выгоды, блистательно показанное О.Уайльдом в знаменитой пьесе «The Importance of Being Earnest» в 1894, пришло к людям искусства несколько позже. Мудрый А. Алле подвёл ещё одну черту, сказав: «Не столь важно, что ты делаешь, гораздо важнее — как ты себя подаёшь».

(Или продаёшь, добавим шёпотом через сто мудрых лет.)

Эксперименты затронули, конечно, не только музыкальную составляющую искусства. Всевозможные «-измы» и их доведки в виде последующих течений с приставкой «пост-» бороздили

планету, перетекая из живописи, музыки и литературы в кино, прикладное искусство, дизайн, интерьеры, архитектуру, моду, рекламу. Собственно минимализм официально возник во второй половине двадцатого века, зато уж во всех направлениях. Наиболее прочно он закрепился в архитектуре массового строительства, избрав образцом утилитарный стиль: минимум изысков – максимум функциональности, как солдатские шеренги домов-коробок в любом спальном районе. В изобразительном искусстве минимализм заявил о себе, обратившись с несколько провокационным вызовом к собственному зрителю. В дублирующихся работах Д. Джадда, С. Андре, Д. Флэвина и множества других можно видеть одинокую линию на пространстве холста (она может и дерзко пересечься с другой, тогда это уже совсем другая концепция) или просто монохромно окрашенный кусок полотна, невзрачный кубик или металлическую решётку. Нужно уметь увидеть нечто, что скрывается за всей этой серийностью, извлечь большое из малого, а это действительно дано не каждому, особенно, если относиться ко всему серьёзно. В этой связи отличным примером может служить «Новое платье короля» Андерсена: попробуйте доказать, что мошенники-портные не были апологетами минимализма в искусстве моды, и что глупыми и неразвитыми, соответственно, объявлялись те, кто этого не увидели.

От радикального андерсеновского примера легко перейти к его музыкальному аналогу. Полное отсутствие одеяния на человеческом теле, т. е. тотальный, до нитки, текстильный минимализм, это нудизм. А вот как быть со звуками, вернее с их отсутствием? «Тишина, ты лучшее из всего, что слышал», – писал Б. Пастернак. И тут опять приходится вспомнить А. Алле. Его мышление было столь нестандартным, что в 1897 году он предложил обществу «музыкальное платье короля», скроенное по собственным лекалам, и это был «Граурный марш для похорон глухого» с партитурой в виде чистого нотного листа. Его отличие от сказочных портных было в том, что он и не думал наживаться на этом. Исполнение шедевра предполагалось один раз, для смеха. Теоретики искусства предлагают отнести сие деяние к началам концептуализма, а мне представляется, что всё вышеописанное вполне укладывается в столь всеобъемлющий жанр, как эксцентрика.

Через полвека после скорбно-глумливой эпитафии за подписью Алле на эту мало распаханную борозду завернул Д. Кейдж, предложив пьесу «4'33"» для произвольного состава музыкальных инструментов: исполнение пьесы представляло собой четыре минуты тридцать три секунды молчания. (Невольно напрашивается мысль: платили ли слушатели на премьере просто резанной бумагой или нет? И ещё: вот бы достать хорошую запись...)

Похожее осмысление экспериментальной музыки появилось в романе В. Орлова «Альтист Данилов», описанное, как тишизм. Одна из жертв депрессивного тишизма, Корнев, в романе заканчивает самоубийством; очевидно, для него, в отличие от Пастернака, эта тишина оказалась не лучшим качеством. Д. Кейдж совсем не пострадал от своих идей, а прожил весьма плодотворную жизнь, без усталости составляя свои – на сей раз слышимые – композиции из неких ячеек, чешуек, кусочков, брызг, как произвольную мозаику. Стоит увидеть хотя бы одну его партитуру, чтобы представить себе принцип композиции, потому что словами это передать трудно. Композитором он, по собственному признанию, решил стать примерно в 20 лет, перепробовав другие виды деятельности, когда уехал на пару лет в Европу после школы и услышал музыку Стравинского и Хиндемита, а заодно, впервые в жизни, и музыку Баха, что, на мой консервативный взгляд, несколько экзотично для 20-летнего, но что совсем не помешало ему завоевать репутацию одного из самых влиятельных американских композиторов XX-го столетия. Правда, это не меняет лично моего скептического отношения к его индустрии.

Не так давно психолог Ф. Рошер сделал открытие. Оказывается, прослушивание произведений Моцарта

улучшает математическое мышление людей. Даже крысы ориентировались в лабиринтах «быстрее после Моцарта, чем после шума или музыки композитора-минималиста Ф. Гласса», по утверждению экспериментатора. (Тут что-то либо с психологом, либо со мной. В лабиринтах мне бывать приходится нерегулярно, но, всю жизнь занимаясь музыкой и любя Моцарта, я ощущаю только патологическое понижение и без того невеликих математических способностей.)

Итак, Ф. Гласса принято причислять к минималистам. Хотя основополагающие принципы, а именно бесконечное повторение однообразного мотива (чаще – простого трезвучия) по методу композиции на основе простейших звуковысотных и ритмических ячеек — «паттернов», разворачивания бесконечного фрактала, возникшие ещё в «меблировочной музыке» Э. Сати, в произведениях Гласса безусловно присутствуют, сам он от минималистов упорно открестьяняется. Перу этого американского композитора, известного на данный момент широкому среднестатистическому российскому любителю искусства как автора музыки к фильмам «Елена» и «Левиафан», принадлежат многие опусы, относящиеся и к работам в кино, и к инструментальной музыке, и к оперной сцене.

Мне довелось послушать его оперу «Эхнатон» в опере Фландрии, и – в отличие от того же Кейджа – она меня поразила.

Музыка оперы задумана как замороженное вращение калейдоскопа, где каждый слушатель и зритель видит что-то своё, заново складывающееся из блестящих крупинки и отражающих их зеркал, причём, как мы знаем по собственному опыту, не имеющее аналога и индивидуальное для каждого визионера. Преимущественный ля-минор, даже подавляющий ля-минор, тихий омут ля-минора, доходящий до диктатуры, образно говоря. Музыкальные колыхания и переливы усыпляюще консонантных гармоний, движущихся от начала до конца в однообразных ритме и метрике, отсутствие скрипок в партитуре, и потому преобладание низкогоголосного тембрального сумрака оставшихся струнных и деревянных духовых, плавное передвижение и симметричные построения – вот, что такое трёхактный «Эхнатон», именно

этим и создающий сильное красочное и эмоциональное впечатление. Особенность этой оперы в том, что голос певца не является традиционно солирующим инструментом на фоне аккомпанемента оркестра. Вся эта опера суть аккомпанемент, подкладка жизни, звучащая философия, и все исполнители – знаки её партитуры, примитивно-однообразной только на первый взгляд.

Гласс, будучи собственным либреттистом, использовал аутентичные тексты на коптском, аккадском, древнееврейском, но при этом предписал, что определенные роли, как и Гимн Атону, должны исполняться всегда на языке аудитории. При безусловном интересе к древним текстам довольно скоро перестаёшь обращать внимание на субтитры над сценой. Монотонные повторы фонем, означающих «человек смертен и имя его переходяще» или «о, Ты, ведущий лодку Ра, укрепи паруса на ветру» не так требуют понимания следящей за действием публики, сколько способствуют её погружению в медитацию без уточнения смысла мантр. Часто певцы вокализируют на один-единственный гласный: «А!-А!-А!» или «О-О-О», лающе акцентируя их или вытягивая в нескончаемую лигу. Что это меняет? И что, казалось бы, может вообще нести в себе множественное повторение трезвучия или четырёхнотного мотива? Неужели таким образом и из упражнений Шрадика для юных скрипачей можно вывести основную формулу минимализма? Но линейные музыкальные заклинания, завораживающие распева гласных, затягивающая медитативность происходящего – всё разворачивается в целом в грандиозную картину.

Какой итог можно вывести из всех этих раздумий? «Портрету Дориана Грея» О. Уайльд предпосылает некий свод рассуждений об искусстве, заключаая их, как известно, выводом: «Всякое искусство совершенно бесполезно». Какой вывод можно сделать для себя после прослушивания многих образцов музыкального минимализма? Да никакого: ты слышишь не абстрактные «-измы», не искусство «представителя», но творчество индивидуума, и сила и масштаб личности могут оказаться непредсказуемо велики несмотря на минимально затраченный набор средств.

Фото: Annemie Augustijns

ТАКОЕ КИНО

Короткометражные заметки о нескольких мэтрах французской музыки

В кино существует жанр большой картины, состоящей из разрозненных историй, объединенных главной идеей, тонкими деталями или общим персонажем. Чтобы бегло рассказать о нескольких произведениях трех французских композиторов, надо избрать форму повествования, подобную этой, чтобы с удивлением обнаружить, как кинематографический прием поможет увидеть связь столь разных понятий, как классическая музыка и история.

Стремительное развитие кинематографа, пришедшее на начало XX века, сделало кино почти с младенчества серьезным конкурентом и одновременно партнером современных ему искусств. Как в свое время появление фотографии не помешало развитию живописи, а фонограф не перепел живые концерты и оперу, так и кинематограф не отменил театр, хотя и потеснил его. Бег этих соперников по соседствующим дорожкам с опережением и отставанием, с входением в фавор то одного, то другого соискателя лавров массовой любви обогатил и участников, и зрителей забега.

Едва появившись, кино, выдающееся изобретение прежде всего техники, а не искусства, привлекло и художников, и никто не избежал знакомства с новым видом развлечения: темного павильона с мельканием черно-серо-белых сцен на светящемся прямоугольнике.

«Кусок сахара на экране может разрастись до таких размеров, что закроет собой уходящую в бесконечность перспективу», – писал Сальвадор Дали, тогда студент, в 1920 году.

Кусок сахара здесь условен и даже абсурден, особенно для нас, избалованных экранами любой величины с функцией multi-touch. Возможность молниеносно видеть казалось бы нестыкующиеся между собой вещи, оказываться вместе с героями сеанса недолгой мелодрамы в самых разнообразных местах, от будуаров до балльных залов, наблюдать и масштабный морской прибор и (крупным планом) единственную слезу героини, прощающейся на фоне этого прибора с любовью всей жизни, – можно только догадываться теперь, какой встряской на рубеже XIX–XX веков это явилось для публики, заполучившей в качестве игрушки буквально машину во времени и пространстве. Это был настоящий виртуальный мир чувств и сопереживаний. Это был настоящий сюр и подъем над реальностью.

А музыка? Как восприняла она, будучи старше, влияние более молодого искусства, ничего общего с ней не имеющего: там зрение, тут – слух?

Удивительная вещь: слушать музыку (= созданный мир) – все равно что смотреть документальную хронику (= мир действительный) со всеми знаками эпох, с ассоциациями и атрибутами человеческого опыта на момент написания опуса. Речь не идет о звукоимитации, о «кукушках» и «прылках», громах, молниях, временах года и прочих звуковых ландшафтах и страстях, хотя и это – символы эпох и человеческих предпочтений. Инструменты, гармонии, организация музыкальной ткани, подача материала, стиль, цитаты и ссылки – все это пронизывают приметы времени. Прослушав минутный отрывок произведения, мы способны воспринять и безошибочно отождествить с точным историческим отрезком колоссальный пласт культуры, который за ту же минуту трудно было бы обозначить письменно – на это ушло бы слишком много слов – или визуально – километры киноплёнки и десятки фотографий. Мгновенная, прицельная слуховая ассоциация даст неизмеримо больше эмоционального впечатления о стиле и времени, чем энциклопедическая справка с датами и статистикой.

Музыка – подвижное свидетельство собственного рождения и архивариус собственных истоков; скользящий разворачивающийся показ временного отрезка без использования видеоряда; хроника, оснащенная минимумом титров и комментариев (разве что названиями), но оттого не менее убедительная.

Найти начало этому сплаву очень трудно: слишком много волокон теперь буквально вросло в этот мощный канат, тянувшийся некогда тоненькой пуповиной от первого «зернистого» фото «Вид из окна» Ж. Ньепса 1826 года к светочувствительным картинкам, отправившимися в движение в 1895-м. Но если потереть трос и выбрать хоть один узловато сбившийся кончик нити, воистину начатой Клото, и попытаться ее распутать, то можно на ощупь, а в случае музыки – на слух, пройти вдоль нее по небольшому отрезку истории французской музыки, служащей мостиком из девятнадцатого века в двадцатый в пору становления кино. Почему именно французской? Потому что так честнее, ведь именно во Франции зародился кинематограф, датой рождения которого традиционно считается первый киносеанс братьев Люмьер в «Гранд-кафе» в Париже.

Кинематограф, осчастлививший всех новинкой: пластичным жестом, меняющимся, сиюминутным, продолженным во времени, но зафиксированным, с подчеркнутым эффектом правдоподобия, с возможностью приближения и укрупнения, начинает приживаться, осваиваться и мимикрировать до неузнаваемости в других сферах искусства. Случайно ли становление стиля модерн происходит почти одновременно с развитием кино? Жизнь в зафиксированном жесте – разве не это читается в декоративных двумерных красавицах с афиш и реклам А. Мухи, опередившего кинематограф, но точно попавшего в мейнстрим: закусенная губа, подведенные глаза, заломленные руки? Плоский, но эффектный мир роковых страстей и томных взглядов – что это, как не немое кино? Крупный план счастливицы, затягивающейся дымом сигарет Job, – живопись, реклама или кадр из фильма? Предмет искусства или фон времени?

И здесь, на стыке понятий предмета и фона, нужно назвать имя, не особо оставшееся на слуху среднестатистических меломанов, имя человека, явившегося реформатором европейской музыки первой четверти XX века, оказавшего влияние на композиторов эпохи импрессионизма, модерна, а также явившегося первооткрывателем и предтечей минимализма:

Эрик Сати.

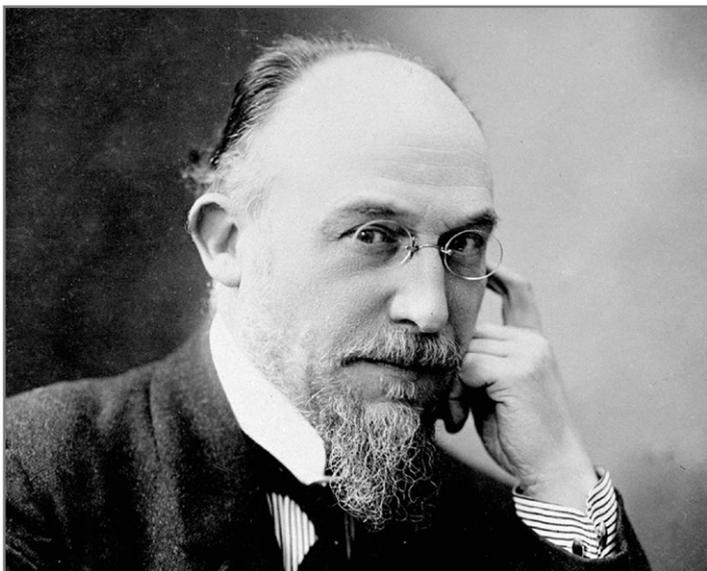
После его смерти в 1925 году в комнате, порога которой не переступал ни один гость за последние двадцать семь лет, был обнаружен чудовищный беспорядок. Вероятно, это могло

стать материалом для того, что позже превратится в Junk-art. Среди вещей были обнаружены восемьдесят четыре одинаковых шейных платка и двенадцать бархатных костюмов. Но главной достопримечательностью были два рояля, поставленные один на другой, причем верхний служил просто шкафом: для нот, бумаг, белья, вещей, барахла, зонтов. У него были десятки зонтов, он ненавидел солнце и экранировался от него во время прогулок. Технически слабый пианист, он дважды брал штурмом учебу в Парижской консерватории, но так и не закончил ее. В 1891 году Сати основал собственную религию: Мистический Орден Розы и Креста Храма и Грааля; в тот период это дало ему повод поэкспериментировать с «сыпучими гармониями» в предвидении Мессиана. Годом спустя он разорвал отношения с «Орденом» и через пару лет объявил себя основателем и единственным членом *Église Métropolitaine d'Art De Jesus Conducteur*.

Он был невероятно эксцентричен, его высказывания шокировали и озадачивали:

«...Я использовал фоноскоп и рассмотрел си-бемоль среднего размера. Я могу заверить вас, что я никогда не видел ничего столь отвратительного».

Он сам установил себе диету и ел пищу только белого цвета: рис, белок, молоко, цветную капусту, белый сыр, кокосы, сахар, жир. Белое вино он сначала варил, но пил остывшим.

Куда бы ни шел Сати, он носил в кармане молоток, чтобы защищаться от потенциальных бандитов.

Он стал изобретателем «меблировочной музыки» – той, которая является фоном и не требует того, чтобы ее слушали, то есть не предметом искусства, а бесконечным повтором одних и тех же ненавязчивых оборотов, которые тем не менее входят в ваше сознание по принципу «25-го кадра». Сам он называл ее «музыка для магазинов, сопровождающая покупки», предвосхитив появление рекламы на добрые десятки лет, – этикие музыкальные разводы, звуковые обои, повторяющиеся орнаменты и узоры, повисшие в воздухе. А короткую фортепианную пьесу 1893 года под названием «Волнения» он снабдил предписанием: повторить 840 раз.

В 1913 он сыграл шесть танцев к собственной пьесе «Ловушка Медуза» на впервые в истории «подготовленном фортепиано».

Он давал такие названия своим произведениям, как «Три пьесы в форме груши», «Засушенные эмбрионы», и мог бы конкурировать по этой части с Сальвадором Дали, называвшим свои картины «Отнятие от груди, питающейся мебелью-кормом», «Осенний каннибализм».

В 1917 году в театре Шатле состоялась премьера балета «Парад» на музыку Сати и стихи Жана Кокто (это имя станет скрепляющей нитью между музыкой, литературой и кинематографом). Хореографом и исполнителем главной роли стал Леонид Мясин, а Кокто в процессе работы был подправлен

Пикассо. Несмотря на созвездие имен, скандал получился грандиозным. Публика выступила против балаганных фигур, словно сошедших с экрана немого кино: Китайский фокусник, Малышка-американка, Менеджер-во-фраке, Менеджер-из-Нью-Йорка, Менеджер-верхом. Оркестр включал в себя пишущие машинки, горн, молочные бутылки, а часть костюмов была выполнена в кубистском стиле из картона; проще сказать, что это были коробки, ограничивавшие движения танцоров.

Для парижан такой авангард и геометрические изыски Пикассо ассоциировались с грубостью и агрессией, сродни немецкой, и выглядели предательством Франции во время войны. В зале начались крики, и закончилось все дракой.

Как водится, следующее представление балета в Лондоне двумя годами спустя превратилось в грандиозный успех.

Именно благодаря «Параду», который Аполлинер в программе спектакля описал как «своего рода сюрреализм», и родился этот термин, как и все культурное течение. Последствия будут стремительны: возникнет целая мощная группа сюрреалистов, к которой в свое время примкнет С. Дали, чтобы в 1929 году создать с другом юности Бунюэлем «Андалузского пса».

Что касается Сати, он ушел в «меблировочную музыку». «Мы хотим ввести музыку, созданную для удовлетворения “нужных” потребностей. Искусство в эти потребности не входит. “Меблировочная Музыка” создана из простого колыхания воздуха; она не имеет другой цели; она выполняет ту же роль, что свет, тепло & комфорт во всех его формах... Кто не слышал “Меблировочную Музыка”, не ведает счастья. Не отходите ко сну, не прослушав хотя бы кусочек “Меблировочной

Музыки», или вы будете дурно спать...

Я грубо набросал несколько примеров. За вами их упорядочить, расставить точки, дорогой Друг. Напишите, Дорогой Жан, десять строк, сухих & холодных на этот сюжет в форме товарного проспекта, не так ли? Очень «строго». Я буду счастливым вашим сотрудничеством».

(Сати – Жану Кокто, 1920)

За полгода до смерти Сати написал небольшую прикладную пьесу, киноантракт «Cinema», как аккомпанемент к немому фильму Рене Клера «Спектакль отменяется», заодно снявшись в самом фильме. Кинолента, созданная в сотрудничестве с дадаистами и сюрреалистами при участии авангардного композитора, не похожа ни на одно из последующих творений Рене Клера. Кто знает, не сожалел ли потом режиссер об уходе немого кино? «Трагедией немого кино были ненужные надписи, трагедия нынешнего – ненужные диалоги», – сказал он позже.

В первом же опыте киномузыки новатор Сати сразу выступил как провозвестник так называемого резонансного метода монтажа. Главной его идеей при написании сопровождения к немому кино была все та же повторяемость тематических оборотов и звуковых фрагментов – главный принцип мебелированной музыки. Психологическая точность, с которой Сати озвучил набор мизансцен буквально покадрово, еще только прочитав представленный ему режиссером синопсис, – ошеломительна.

Творчество столь одиозной личности как Сати оказало огромное влияние на множество композиторов – Дебюсси и Равеля, Стравинского, Шостаковича, послужило мотивацией для создания группы «Шести», в которую входили Мийо и Пуленк.

Первые ряды в кинотеатрах традиционно не считаются лучшими для просмотра – не всем современникам удалось хорошо разглядеть то, что творилось и кто творил у них перед носом. «Антигармоничный, психованный композитор пишущих машинок и трещоток Эрик Сати ради своего удовольствия вымазал грязью репутацию «Русского балета», устроив скандал в то время, когда талантливые музыканты смиренно ждут, чтобы их сыграли... А геометрический мазилка и пачкун Пикассо вылез на передний план сцены, в то время как талантливые художники смиренно ждут, пока их выставят», – написал критик в газете «La Grimasse» в мае 1917 года.

Что и говорить, Сати не любил критиков и они отвечали ему пылкой взаимностью.

Однако кто-то разглядел и другое:

«Сати был нашим фетишем. Чистота его искусства, ненависть к уступкам ради успеха, презрение к деньгам, непримиримость к критикам были для нас чудесным примером». Под этим стояла подпись:

Дариус Мийо.

Мийо, один из многочисленных индивидуумов поддерживавший «мебелированную музыку», шагнул еще дальше Сати, решив как-то создать вокальный цикл для голоса с ансамблем, используя текст каталога выставки сельскохозяйственных машин. Он действительно написал его в 1919 году. Неизвестно, какие еще реестры или инструкции привлекли бы его внимание, но в том же году он воплотил на нотной бумаге и свои впечатления от двухгодичной поездки в

Бразилию, где ему довелось работать секретарем дипломата

и поэта Поля Клоделя. «Бык на крыше» (чем не название для картины Дали?) – так он назвал небольшой балет, иногда, в зависимости от редакции, имеющий подзаголовок «киносимфония», где сплелось больше тридцати латиноамериканских мелодий, преимущественно в жанре «шоро». Написанная сюита была превращена в балет по совету все того же Жана Кокто, предложившего веселое развлекательное либретто.

Вот к этому-то балету, «немому кино» танца и мимики, стоит присмотреться и прислушаться. Национальный колорит создают традиционные латиноамериканские ритмы и мелодии, сдобренные веселым треском такой редкости, как инструмент güigo, относящийся к классу скребок (обычно это высушенная полая тыковка-калабас с насечками по внешнему боку), – словом, набор экзотики для зевак и туристов. На самом деле все гораздо интереснее и зрелищнее – особенно, если закрыть глаза и слушать.

Фантастический прием полифоничности, примененный Мийо в этом произведении, дает полное впечатление кинематографической съемки, эффект камеры, подвешенной и скользящей над несколькими очагами народного веселья. Ремажор струнных пересекается с си мажором деревянных духовых, и терпкий ре-диез, сталкиваясь с ре-бекаром, вспыхивает в воздухе почище иных спецэффектов. Много узнаваемых мелодий мелькает в кружении балета. Из пестрых звуков выныривает мотив, напоминающий «Рассвет» Леонкавалло. Почти с начальных тактов – звуковое напоминание о Стравинском: скрип его шарманки в «Петрушке». Камера на кронштейне снимает все – даже дома, окружающие площадь, где кружатся пары, – и словно скользит мимо окна, где кто-то (всего восемь тактов у вторых скрипок) уныло пилит упражнения по пустым струнам: не для всех на улице праздник, кому-то приходится и заниматься, такое кино... Музыка показывает хронику времени: в моде мелодии «латинос», саксофоны в американских барах, легкий джаз, расслабление после войны. Но главный сюрприз появляется прямо-таки воочию, как только – примерно в середине сюиты – валторна начинает без конца играть стеснительно-однообразный оборот, имитирующий подпрыгивающую походку маленького человека в больших башмаках не по размеру, а высокие виолончели заводят тему, до галлюцинаций напоминающую некий танец того же человечка, в котелке и с тросточкой. Так в музыке, как на удачном спиритическом сеансе, возникает дух Шарло, как называли тогда в Европе Чарли Чаплина – кинематографическая примета времени. Это не дословный перепев или цитата из фильма, но безусловный и узнаваемый образ, воочию показанный оркестром.

Чарли Чаплин был одним из тех, кто явно потерял что-то неназываемое, невозполнимое, невыразимое с уходом немого кино.

Он тоже высказался об этом, подав факты с неожиданной стороны:

«Все-таки жаль немого кино. Какое удовольствие было видеть, как женщина открывает рот, а голоса не слышно».

Этого удовольствия зрителей лишил композитор из все той же группы «Шести», написавший для сопрано монооперу «Человеческий голос», а именно –

Франсис Пуленк.

По аналогии, может быть и весьма далекой: так ли уж нуждается в тексте «Песня Сольвейг»? Или она говорит сердцу гораздо больше в немом оркестровом исполнении? Необходимы ли слова в «Ночной серенаде» Шуберта? По свидетельству Н. П. Огарева, автор стиха поэт Л. Рельштаб уверял, что Шуберт просто-напросто испортил его стихи. «Дурак нестерпимый», – добавлял Огарев.

Как бы то ни было, случилось так, что в 1930 году Жан Кокто, писатель, поэт, драматург, художник и кинорежиссер, переживал любовную драму. Его бросил Жан Деборде, решивший сойтись с женщиной. Гомосексуалисты сто лет на-

зад были еще столь пуритански скромны, что не стремились обнародовать свои чувства ни под видом персонажей театральной пьесы, ни на «Параде», хотя бы и в балете Сати. И Кокто, не отважившийся выступить от первого лица, написал изнывающий монолог женщины, по телефону прощающейся с бросившим ее любовником, скрыв таким образом, что на самом деле это мужчина звонил мужчине. Так получилась пьеса «Человеческий голос». Что было правдой, так это то,

что телефонная связь работала еще плохо, и разговор действительно мог быть прерван несколько раз из-за помех на линии, как это и показано в пьесе.

Она предельно мелодраматична и, чего уж там, откровенно немужественна. Текст «Человеческого голоса» ассоциируется с «Письмом незнакомки» Цвейга и «Письмами о любви» Барбюса. Три невероятно разных писателя-мужчины высказались от лица женщины удивительно и до банальности схоже: сентиментально, слезливо и вычурно: под стать позам немого кино.

В тридцатые годы кино пришлось проститься со своей великой немой — всему свое время, младенец подрос и научился разговаривать. Довольно было всплескивать руками и изъясняться жестами и мимикой. Искусство взрослело, и человеческий голос должен был прорваться сквозь тишину и обрести слушателя.

Прошло уже семь лет, как завершила свою карьеру надломленных поз (см. афиши А. Мухи) и умерла Сара Бернар, игравшая «Орленка» и «Гамлета» в мужской одежде. И трагедии Кокто, интонационно гримировавшийся женщиной, цепляющейся за любовника, к середине века мог и устареть. Наступали времена уже не бархата и драпировок Сары Бернар, а раскованной откровенности Эдит Пиаф.

Двадцатью годами позже Франсис Пуленк взялся за текст Кокто и перевел его на язык музыки, чем поднял «Человеческий голос» до высот редкой вневременной искренности. (Опера о разговоре по телефону — тоже примета ушедшего времени. Что писали бы сейчас: оперу 'sms'-ок?) Это был не первый композиторский опыт создания оперы на текст как он есть, без адаптации и помощи либреттиста. В 1863 году А.С. Даргомыжский писал: «Пробую дело небывалое: пишу музыку на сцену „Каменного гостя“ так, как они есть, не изменяя ни одного слова». Но то белые стихи, а «Человеческий голос» Кокто — даже не ритмизованный или акцентный стих: просто поток сознания, и довольно хаотичный. Но в этом-то и есть знак документальности, неловкого ощущения присутствия при чужой личной драме, когда участникам не до рифмовки. Эффект видеокамеры, установленной в комнате.

Пуленк признавался, что если бы не встретил певицу такого масштаба и дарования, как Дениз Дюваль, он не взялся бы за написание оперы. Работа с капризной Марией Каллас его не привлекала. Он не хотел сотрудничать с сопрано, вечно тянущей одеяло на себя: ведь героиня пьесы даже не имеет имени, это — Она. До Пуленка пьеса была сыграна на сцене драматической актрисой Берг Бови, Анна Маньяни снялась в этой роли в кино, и несколько композиторов уже использовали текст, в частности, немец Ганс Вернер Хенце. Но Пуленк написал оперу, Дениз Дюваль спела премьеру 8 февраля 1958 года и, по отзыву критика Гавоти, «нашла роль всей своей жизни».

Музыку отличают экспрессия и предельная натуральность: рваные речитативы, вздохи и паузы, запинки и торопливость; мелодекламация сопрано перемежается с равноправным участием оркестра, словно показывающего отсутствующую сторону, невидимого собеседника, мужчину, собирающегося жениться на другой. Это словно из его пространства доносится обрывок ресторанной мелодии, показывая: он-то там и в ус не дует; это его фразы, поданные оркестром, подхватывает или торопливо предупреждает Она. Весь этот рваный музыкальный монолог, эти душевные порывы, задвленные и невысказанные упреки, безмерная и бессильная любовь — кажется, это то, что могла бы через столько лет договорить, досказать, произнести вслух бедная Баттерфляй, будь она импульсивной француженкой, а не дочерью самурая.

В 1970 году режиссер Доминик Делюш снял фильм «La voix humaine». И хотя у Дениз Дюваль в это время уже были проблемы с голосом, фильм состоялся — по счастью, Дюваль удалось записать хорошую фонограмму.

«Кино — это жизнь, из которой вырезано все скучное», — сказал Альфред Хичкок. Красивая фраза, но речь здесь, думается, не только о кино. Разные виды искусства неизменно выступают в роли историков и хранителей времени, и музыка — один из них.

Майя ШВАРЦМАН

Иллюстрации:

Пабло Пикассо. Занавес к балету Эрика Сати «Парад»

Альфонс Муха. Реклама сигарет «Job»

Эрик Сати

Пабло Пикассо. Костюм Зазывалы к балету Эрика

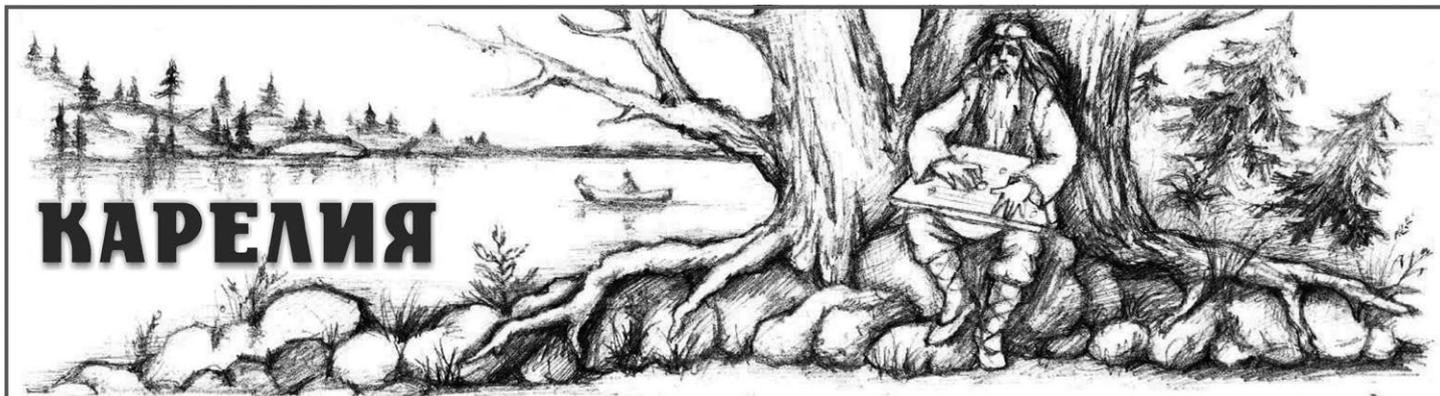
Сати «Парад»

Дариус Мийо

Франсис Пуленк

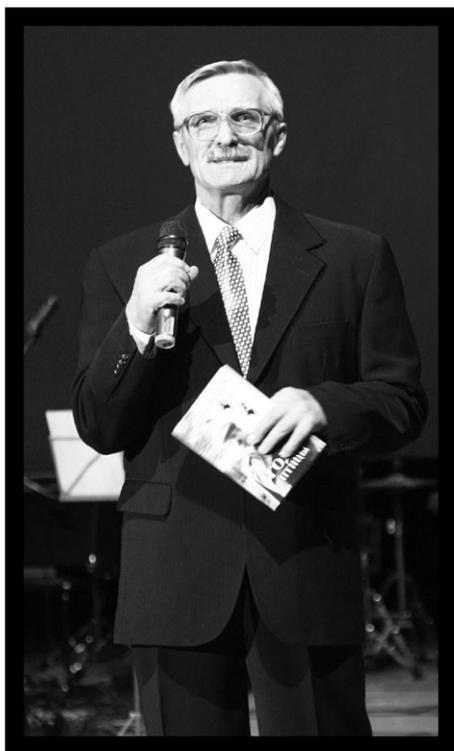
Дениз Дюваль в опере «Человеческий голос»

Анатолий Иванов

Родился в деревне Еськово Духовщинского района Смоленской области. Окончил историко-филологический факультет Смоленского пединститута. Работал учителем, редактором Северо-Западного книжного издательства (г.Архангельск), журналистом. Участник 8-го Всероссийского совещания молодых писателей в Ленинграде и 8-го Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве. Автор поэтических сборников «Возвратите подснежники», «Ностальгия», «Возраст любви», «Интимная лирика», «Годы-птицы», изданных в Архангельске, Петрозаводске, Санкт-Петербурге. Совместно с костомукшским композитором Анатолием Серко (Карелия) выпустил нотный сборник песен «Любовь моя, Карелия». Автор более 300 песен, написанных в соавторстве с молодыми композиторами В.Лучинским, А.Серко, В.Воликом (Костомукша), А.Нечунеевым (г.Духовщина Смоленской области), а также с профессором Московской консерватории Т.Чудовой (г.Москва), а также автор русских текстов к популярным песням зарубежных композиторов (Италия, Испания, Англия, США и др.). Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Лауреат различных песенных конкурсов для детей и юношества и взрослых исполнителей, проходивших в Петрозаводске, Санкт-Петербурге, Москве. Заслуженный работник культуры республики Карелия.

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

* * *

Я о любви сегодня петь вам буду.
О той любви, что в каждом сердце есть.
Что к нам приходит в жизни, словно чудо,
Какую ждем мы, как благую весть.

Я говорить сегодня буду с вами
О сокровенном, тихо, чуть дыша.
Смотреть в глаза и не играть словами,
Когда, как нерв, оголена душа.

Покуда есть и в этом мире новом
Все то, что день и ночь волнует кровь,
Что мы зовем любовью с вами. Словом,
Я эти песни написал для вас.

* * *

Небесные звезды красиво сияют,
Из далей высоких влекут.
Земные же звезды наш путь повторяют
И в сердце навеки живут.

И пусть мы порою глядим в поднебесье,
Где блещут ночные огни,

Но ближе, дороже нам наши Олеси,
Земные и ночи, и дни.

Марины, Татьяны, Анюты, Людмилы –
Имен их прекрасных не счесть.
Они – наша нежность, они – наши силы,
Они наши совесть и честь!

И если однажды на звездных скрижалях
Погаснут глаза их в ночах,
Мир рухнет,
Поскольку они лишь держали
Жизнь эту на хрупких плечах.

Небесные звездочки – Вега, Капелла –
О вас бы, далеких, мне спеть.
Но помнится только, как мама мне пела
В ночи колыбельную песнь.

Спасибо же вам, наши милые очи,
Спасибо за радость и боль.
Спасибо за дни и спасибо за ночи,
Спасибо за вашу любовь!

* * *

Мужчина и женщина –
 Две ипостаси,
 Два солнца, два мира,
 Два центра Вселенной,
 Две сущности жизни –
 Лампады бесценной,
 Горящей во мраке
 Пространства пустого.
 Два сердца влюбленных,
 Вкусившие сладость
 Запретного плода.

* * *

Всех женщин, когда-то любивших меня,
 Я помню улыбки, глаза, имена.
 Я помню их ласки и праведный гнев,
 И милые сказки моих королев.
 Все было со мной. Кругом шла голова,
 Порою не те говорил я слова,
 Но женщин, когда-то любивших меня,
 Я не позабуду до смертного дня.
 Мне зимние ветры виски серебрят,
 А сердце спешит оглянуться назад,
 Согреться опять у святого огня
 Всех женщин, когда-то любивших меня.

* * *

Что я запомнил из осени той?
 Сушью малость.
 Листьев березовых свет золотой,
 Как ты смеялась.
 Музыка Моцарта в чьем-то окне,
 Чайачьи споры,
 Да кораблей на вечерней Двине
 Переговоры.
 Скверик Петра, заметенный листвою,
 Тихий, печальный.
 Номер автобуса, номер шестой.
 Взгляд твой прощальный.

* * *

Календарь уже открыл весну,
 А в глазах еще стоит зима.
 Я из всех люблю тебя одну,
 Пусть о том и знаешь ты сама.

Пусть давно уже одной судьбой
 Измеряем мы земной наш путь,
 Радость делим вместе мы и боль,
 И с дороги этой не свернуть.

И, встречая новую весну,
 Я скажу открыто, не тая:
 Я из всех люблю тебя одну,
 Светлая любовь моя!

* * *

Февраль в середине. И пахнет весной,
 Привет посылающей с юга.
 Его молодящий, пьянящий настоем
 Мы пьем четверть века, подруга.
 Случайная встреча была на пути,
 Но что-то ведь было во взгляде,
 Что мимо не дало нам в жизни пройти,
 А быть столько лет с тобой рядом.
 Все было у нас – и разлука, и боль,
 И в сердце гнетущее жеженье.
 И все ж во главе всего – наша любовь,
 Двух душ, двух сердец притяженье!

ТОЛЬКО ТЫ

Только ты, покуда солнце светит,
 Только ты одна на белом свете,
 Только ты – мои надежды и мечты.
 Только ты – мое святое воскресенье,
 Только ты – моя любовь, мое спасенье,
 Только ты, везде и всюду – ты!
 Только ты! Я не могу сказать иначе,
 Только ты! Счастливых глаз не прячу,
 Только ты, и в мире лучше нет.
 Только ты среди других и разных,
 Только ты – и будний день, и праздник,
 Только ты уже так много лет.
 Только ты! И пусть молчат другие.
 Только ты – любовь и ностальгия,
 Только ты – на всю Вселенную одна.
 Только ты – мой сон, мое дыханье,
 Только ты со мною утром ранним,
 Только ты мне свыше суждена!

* * *

Я напишу тебе стихи,
 В которых голоса и краски.
 Пусть будут дни твои тихи,
 Пусть будут сны твои прекрасны.
 И пусть не омрачит лица
 И даже малый след печали.
 Мы будем вместе до конца,
 Как в первый раз, как и в начале.

ПРОСТИ!

За горькие слова прости,
 Что не от сердца, стгоряча...
 Сирени новой зацвести,
 Резвиться выводку скворчат.
 Листвою запахнет молодой,
 Зазеленеет все вокруг.
 Дождется ли поэт седой
 Вот этих дней, мой милый друг?!

Такая на душе печаль,
 Такая в сердце грусть-тоска,
 И видится иная даль...
 Ну а покуда, а пока
 Ты жизнью, сердце, насладись,
 Ты славу Господу скажи
 За этот мир, за эту жизнь,
 И песню новую сложи.
 Другие встанут на пути
 Заботы, думы, будто вновь.
 Но ты прости меня, прости
 В последний раз прости, Любовь!

* * *

Не буди меня, Радость, не надо.
 Не спалось, словно весь я в грехах.
 Только теплится тихая радость,
 Что воспел этот мир я в стихах.

Значит, жил и писал не напрасно
 И про радость души, и про боль.
 Ночь пройдет. Будет утро прекрасно.
 Будет день снова вместе с тобой.

Будет все, что от жизни досталось:
 Луг цветущий, земная любовь...
 Четверть века с тобой мы – не малость.
 Дай мне, Боже, и дальше с тобой!

Дина Лебедева

Родилась и живу в республике Карелия – красивейшем и удивительном крае, воспетом не одним поэтом. Стихи и прозу начала писать еще в школе. Печаталась в различных альманахах, газетах и журналах. В 2014 году в свет вышел авторский сборник стихов: «По кончику пера скользило Слово». Вхожу в редакторский состав медийной группы международных литературно-публицистических изданий «Интеллигент».

ПАМЯТИ МУЖА...

* * *

Не уходи. Разлука – это больно...
Тень одиночества с печалью впереди.
Ведь мы не отпускаем добровольно,
Невыносимо жить, когда один в пути.

Опустошен, разбит, иль только ранен,
Самостоятельно дорогу не найти.
Здесь каждый день к ушедшему приравнен,
В нем обрывается связующая нить.

Еще о прошлом снятся сны цветные,
Но просыпаешься, и снова серость дней.
Где кажется, что радости земные –
Уже не для тебя, ты словно без корней.

И не на кого больше опереться,
И нет возможности прижать к своей груди.
Не насмотреться вдоволь, не согреться.
Не уходи, прошу тебя, не уходи...

* * *

«Вне зоны действия сети» –
Где на вопросы нет ответа,
Февраль метет и моросит.
Мой абонент без связи где-то.

Роятся тысячи причин,
Но ни одна не перетянет.
Твой силуэт неразличим,
Он легким облаком в тумане.

Другие доводы не в счет,
Автоответчики не лечат...
А вдруг сейчас мне повезет?
Но голос робота – карточью.

Воспоминанья вместо слов,
И «да» и «нет» уже без смысла.
Неумолимый ход часов,
Весы на небе коромыслом.

Затянет влагой горизонт,
Мороз ослабнет на неделю.
Никто не знает наперед,
Когда и где нас ждут потери.

«Вне зоны действия сети» –
Попытка связи безуспешна.
Тебя мне страшно отпустить
И потерять в буране снежном.

* * *

Твой день последний серым был,
невзрачным.

Февраль срывал надежды ломоту:
Снегами пороша, дождями плача,
Стекал по крышам глухо в пустоту.
В нем было душно от бездушных окон.
Усталый взгляд от неба отводя,
Казался ты ужасно одиноким,
Хотя с тобой сидела рядом я.

Без голоса, лишь шепотом, чуть слышно,
Спросил число, как будто наперед
Почувствовал, что датою застывшей
Её с рождением кто-нибудь прочтет.
Через тире, в котором жизнь вместилась –
Большая жизнь, где были Я и Ты.
Ну почему с тобой я не простилась
У неизбежной, горестной черты...

Расплакалась в конце лишь, понимая,
Что мне не в силах чем-нибудь помочь.
Не обещая вземного рая,
Тебя СЛЕЗАМИ отпустила в НОЧЬ...

* * *

Февраль метет пока три дня,
А кажется, он дует вечно.
Жаль, разводить чернила нечем,
Иссохли слезы у меня.

Исчезли-высохли давно.
Под вьюги нудную пластинку
Готовлю февралю поминки,
Как на Руси заведено.

Он для меня не вьюговей,
В нем столько неприкрытой фальши!
Он – вор, разлучник и обманщик.
Не плакать хочется, реветь!

Он стелет мягко – жестко спать!
 Всем, кто уснул, уже не встать...
 И белоснежные бинты
 Не скроют скорбные кресты.

Где вечный сон, живым – печаль.
 Угомонись, прошу, февраль!

* * *

А мне бы в прошлое – на миг,
 По снегу черному – разутой
 На полчаса, на полминуты,
 Бежать к тебе, срываясь в крик.

А мне бы прошлого – глоток....
 Всего глоток, одну лишь малость.
 Чтоб дорожить тем, что осталось,
 И отодвинуть смерти срок.

А мне бы прошлого – чуть-чуть,
 Чтоб обещать тебе бессмертье.
 И, отмолив у страшной смерти,
 К живым губам успеть прилгнуть.

А мне бы... Поздно. Девять дней.
 Могилы холм под стылым ветром.
 Рак не бывает милосердным.
 И от того душе больней...

* * *

Едким дымом стелется разлука,
 Теплится осиновым костром....
 И ложатся под моим пером
 Строчки швами криво...

Близоруко...

Ставлю латки на своей судьбе,
 Черных датах, где мы были порознь.
 Штопаю свою былую гордость
 Поздним доказательством тебе.

Сглаживаю ложь свою и страх,
 Беспокойство, замкнутость, ранимость.
 Что с печалью в небе растворились,
 Но застыли строчками в стихах.

Из заплаток шью платок вдовы,
 Тот, что мне вручила неизбежность.
 Но навеки оставляю нежность,
 И любовь, что дарят для живых.

* * *

Я без тебя учусь, как прежде, жить:
 Не плакать ночью и скрывать тревогу.
 Иду уже проложенной дорогой,
 Держа в руках невидимую нить.

Которая ведет меня к тебе,
 Которая тонка, но безупречна....
 Но как бы ни пугало слово «вечность»,
 И тленна жизнь, не стану я слабей.

Кормлю, как прежде, под окном синиц,
 Дивлюсь уснувшим в теплых зыбках почкам.
 Укутываясь в память в одиночку,
 Холсты пишу из памятных страниц.

Лишь изредка бросает колкий снег
 Порывами в лицо карельский ветер...
 В тире одном: с рождения до смерти –
 Жизнь уместилась, будто бы во сне...

* * *

Что в одиночестве моем?
 Оно как выжженная пустошь,
 Где неустанно воронье
 Кричит о позабытых чувствах,
 О шумном мире за окном
 С решетками от лишних взглядов,
 О добрых книгах перед сном
 И запыхавшихся нарядах...
 Которые ни в мир, ни в пир,
 А просто так, чтоб душу грели.
 О строчках, выданных в эфир
 Отрезками, хоть раз в неделю.
 Где вроде все предreshено:
 Тревоги нет, как нет иллюзий.
 И... оглушение тишиной
 Как после боевых контузий...

* * *

Пряный запах по квартире,
 Тонкий аромат свечей...
 Я одна в подлунном мире –
 Пленницей земных ночей.

Ты – звездой на небосклоне,
 Ты – вселенной ровный пульс,
 На портрете как иконе,
 На которую молюсь...

Светишь ярко и не гаснешь,
 Блеском трогаешь глаза...
 Распахнется небо настезь,
 И на землю как бальзам –

Выльется с потоком света
 Знак любви твоей живой...
 Пропадут следы бесследно
 Лишь под утро с мостовой.

Ночь придет, все повторится:
 В небе яркая звезда –
 Будет литься, будет биться
 Пульсом Вечности. Всегда.

* * *

Я жду его который год,
 Ищу среди прохожих...
 Но не идет он, не идет
 И даже нет похожих.

Портрет остался на стене,
 Рубашка в клетку старая.
 Надежды, что вернется, нет.
 Но ждать не перестану я.

Такая участь у вдовы:
 Оставлена, не брошена.
 Порою хочется завить,
 Но мне нельзя, хороший мой.

Нельзя уйти за горизонт,
 Забыв тропинку в прошлое,
 Где время больше не течет,
 Лишь по крупинкам сложено.

Татьяна Дунаф

Родилась 26 января 1992 года. Живу в Карелии. Всероссийский конкурс «Подрост» (литературная номинация), 2 место, 2004 год (Москва). Первый республиканский литературный конкурс имени Миши Гоккоева «Это было в моей жизни», лауреат, 2004 год, 2005 год. Экологический форум «Зелёная планета» 2004 год (Москва). Всероссийских конкурс детских творческих работ «Лесные богатства России», участник, 2004 год, 2005 год. Районный конкурс, посвященный 60-летию Победы, 1 место, 2005 год. Конкурс молодых поэтов Карелии «Віршина 2006», дипломант. Четвертый республиканский конкурс юных поэтов «Северная Лира», лауреат, 2007 год. Республиканский конкурс детских творческих работ «Парус Надежды», 2 место, 2008 год. 2009 год «Северная лира» - дипломант и конкурс поэтов-студентов ПетрГУ.

МОНОЛОГ ПЛЮШЕВОГО МЕДВЕДЯ

Сижу я на диване целый день,
Медведь в помятой розовой футболке.
А у нее – учебники на полке,
И музыка, и все ей как-то лень,

Впустую тратит время, красит губы...
Поставит снова крестик на руке
И пишет, пишет, пишет в дневнике,
Ругается, бывает даже грубой...

Ее считают взрослой. Но смешны
И часто неоправданны надежды,
И вот она вздыхает и, как прежде,
По соннику разгадывает сны.

Ей хочется, чтоб ночи не кончались,
Чтоб хорошо все было у подруг,
Чтоб разорвался бесконечный круг
И те, кто ждут друг друга, повстречались.

Я так люблю, когда она поет,
Когда меня посадит на колени,
Нарядная, и выбирает тени.
А после жду – с улыбкою придет!

Так хочет быть счастливой и ничьей,
Но иногда глаза устало спрячет,
Меня обнимет тихо и заплачет
О чьем-то крепком ласковом плече.

О чьих-то темных угольных ресницах,
О хрупком счастье в лунный гололед.
О том, что этот кто-то не придет,
Но он ей обязательно приснится.

Она расскажет тайны всех обид,
Как холодно, темно и безответно.
И я ней плачу, плачу незаметно,
Хоть я всего лишь плюшевый на вид.

* * *

Я так устала от тревог,
В ночи являвшихся, и холод
Продрогших утренних дорог
В моей душе еще был молод.

Как искры, таяли во мгле
Осколки пережитой страсти,
И зыбкой дымкой по земле
Стелились прошлые ненастья.

Казалось, это навсегда...
Мой мир болел, стихами бредил.
Он ждал тебя... А поезда
Ему несли лишь только ветер.

Качаясь, к берегу мечты
Прибилась лодка вдохновенья.
Кружил январь, и сделал ты
Меня счастливой на мгновенье.

Я думала, что нам с тобой
Не суждено дожить до лета,
А неба купол голубой
Налился заревом рассвета.

И вот, едва коснувшись плеч,
Шальное солнце в елях тонет,
И мне так страшно не сбегать
В зиме тепло твоих ладоней.

И вновь стихи писать, спеша!
Марать бумагу рифмы ядом!
Но как же мне легко дышать
С тобой под этим снегопадом.

* * *

Улыбка и дрожь от холода,
Бледный свет.
И тайны у этого города
Больше нет.

Рассыпанные жемчужины
На перрон,
Прокуренный и простуженный
Крик ворон.

Отрывок никем не понятый,
Медь листвы
И профиль слегка приподнятой
Головы.

Осеннее вдохновение –
Та же грусть,
Я больше в твое забвение
Не вернусь.

Унылая и невзрачная
Смена лун,
А пальцы зовут прозрачную
Нежность струн.

Как утро звонком врывается
В сонный дом,
Так жизнь своим изменяется
Чередом.

Развеется и не сбудется,
Не вернуть.
Все стерпится, позабудется
Как-нибудь....

* * *

Чудилось прошлое сердцу тревожному,
Звезды остывшие в небе над городом
Тихо манили тоскою дорожною,
Дымкою серой укрывшись, как воротом.

Дорог ли тот, кто тобою не властвует,
Прячет глаза и сулит неизбежное?
Пусть в нем живет, процветает
и здравствует
Самое кроткое, светлое, нежное.

Пусть он запомнит тебя, как мгновение,
Искорку взгляда, без имени, отчества.
Ты же с собой заберешь вдохновение
И возвратишься домой в одиночестве.

* * *

Живи и не печалься. Мир жесток.
И пусть в твоих глазах сияет солнце.
Оно – всего лишь огненный цветок,
Рукой небрежной брошенный в оконце.

Твори, как будто кто-то до тебя
Разрушил все, что разум удивляло.
И робким сердцем прошлое любя,
Построй свое прекрасное начало.

Благодари страдание и боль
За твердый дух, опять готовый к бою.
И, Бога ради, душу не неволь –
Позволь ей просто быть самой собою.

Люби, как ты еще любить не мог!
И пусть в твоих глазах сияет солнце.
Оно – всего лишь огненный цветок,
Так неслучайно брошенный в оконце.

ПАМЯТИ ДРУГА ДЕТСТВА

Ну, здравствуй, друг из сказочного детства,
Мальчишка рыжеватый, как весна.
А помнишь, мы ведь жили по соседству?
Играли и резвились допоздна...

Мечтали, часто ссорились, мирились.
И мчались незаметные года.
А помнишь, как мы первый раз влюбились?
Сейчас смешные, взрослые тогда.

А после юность в легкие клубами,
Гитары звук и белой ночи тишь.
И память эта вечно будет с нами.
Ответь!.. Но только ты теперь молчишь.

Обычный день, осенний и ненастный,
Меня обжог слезами на щеках.
Мой друг из детства, слышишь?..
Просто, здравствуй!
Но только ветер стонет в облаках...

До боли в горле горькая потеря.
И что в тот час лежало на весах?..
Уже темнеет. Верю и не верю.
Я на земле, а ты на небесах.

Светлана Савицкая

Журналист, сказочница, художник, мастер по изготовлению кукол, инициатор открытия новых музеев кукол не только в России, но и в других странах мира, председатель Международного национального литературного конкурса «Золотое перо Руси», главный редактор общероссийской независимой интернет-газеты «Молодежь Московии», входит в редакторский совет медиа-группы «Интеллигент», писатель - всё это Светлана Савицкая. Она легко шагает по жизни, одаривая окружающих оптимизмом, радостью, искренним теплом и позитивным взглядом на мир.

Притчи

Ubi nil vales, ibi nil velis (лат.) — «Там, где ты ничего не можешь, там ты не должен ничего хотеть»

МАТЬ МИРА

Вращалась себе планета. Развивалось на ней человечество.

Но однажды спустились на Землю инопланетные корабли. Стали инопланетяне выстраивать поселения, захватывать людей в плен.

Пришли умнейшие отцы к оракулу, спросили, как одолеть инопланетян. Ответил Оракул, что есть на земле талантливый ребенок. Изобретет он хитрую хитрость. И спасетесь.

- Как же нам найти этого ребенка? – спросили отцы.

- О нем вам мать скажет, - ответил Оракул.

Кликнули клич отцы всем матерям земли.

Многие матери привели из своих семей детей в надежде о великой славе. Но ни один их ребенок не знал средства спасения Земли. За ними пришли матери городов. Они выбрали самых талантливых. Но и они не смогли ничем помочь.

Наконец, к отцам пришла мать мира, она сказала:

- Я слышала, в далекой сибирской деревне есть ребенок, который способен видеть сквозь пространство и время.

Так Земля была спасена.

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ

Дом Поля был расположен недалеко от Эйфелевой башни. Жизнь в Париже казалась ему скучной. Те же кафе. Те же люди. Та же работа каждый день...

Подкопив денег, он пустился в путешествия на далекие острова. В Африку. В Россию.

Однажды на Арбате он разговорился с девушкой, которая знала французский.

- Откуда вы? – спросила девушка.

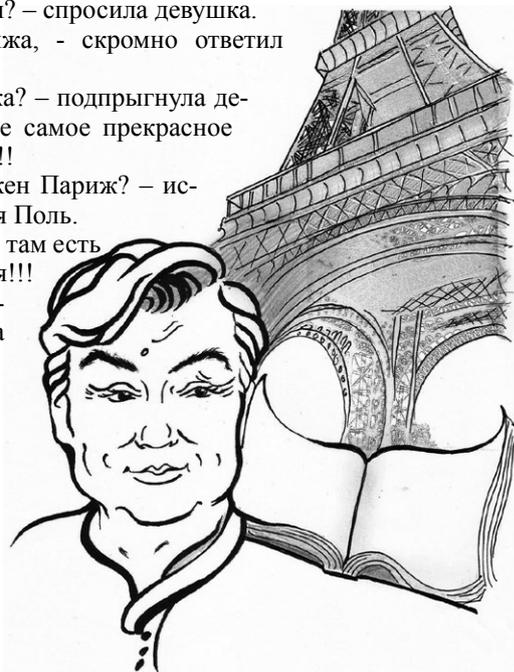
- Из Парижа, - скромно ответил Поль.

- Из Парижа? – подпрыгнула девушка, - Это же самое прекрасное место на земле!!!

- Кому нужен Париж? – искренне удивился Поль.

- Как? Ведь там есть Эйфелева башня!!!

- Кому нужна Эйфелева башня???

Vita sine litteris mors est (лат.) — «Жизнь без науки — смерть»

ИНОЗЕМНАЯ МУДРОСТЬ

Растолкала Полярная сова меж карликовых лесов Аляски березки. Уселась белой подушкой на возвышение из камней. Каждый день старательно по яичку откладывала, пока не снесла аж 17 штук!

Сидит, далеко на всю цветную тундру глядит. Хищников отгоняет. Ягоды шикши, что поверх деревьев скороспело вызрели, глотает. Вылупились птенцы под белоснежной периною крыльев. Хорошо им. Мать близ гнезда не охотилась. Далеко отлетала, чтобы добыть зайцев, горностаев, ежей, уток, куропаток. Иной раз рыбу принесет, а то и падалью не побрезгует.

- Деревья растут ниже. Ягоды выше. — наставляла она совят, черный клюв важно отворяя, - охотиться надо днем. Долгим арктическим днем. Чтобы накопить жир. А ночью спать! Под снежным одеялом...

Вырастила мудрая сова птенцов. Круглой головою повернула вокруг, желтыми глазами завращала, уши совсем в перья втянула, что и не видно: слушает тундру. Детей-то много. Да пищи на Аляске стало мало. Стала мудрая сова совят распределять. Одного отправила к тетке в Северную Америку, другого к снохе на Новую Землю, третьего на Северную Землю. Двоих на Новосибирские острова. Кого послала на Шпицберген, кого на Остров Врангеля, кого — на Землю Франца Иосифа и на остров Ян-Майен. Иным достались острова Берингова моря, Колгуев и Вайгач. Младшеньких — на Аляске оставила.

А сама ноги свои в пушистых штанишках подобрала, космы перьев причесала и подалась судьбе на встречу вон из гнезда. Только залетела в незнакомые места, перелетела по зимнику к Анадырю, и в силки охотникам попала.

Так и оказалась американка в Московском зоопарке.

Сидит себе на ветке красуется — белая-белая. Мудрая-мудрая. Рядом совы серые да бурые, что в Мещерских лесах выловили, глядят на нее, седину уважая.

Совы важничали больше всех обитателей зоопарка. Ведь на клетке табличка висела: «Сов опекает Академия наук России». У одной из них только-только выводок вылупился.

Окрас ее рыжеватый выводил американку из себя. А оранжевые глаза и подавно! Разве ж такие нынче носят? Но птенчики серенькие да буренькие понравились.

Расчувствовалась Полярная сова, и давай детишек наставлять:

- Деревья на воле растут ниже. Ягоды выше. Охотиться надо днем. А ночью спать...

Переполошились Мещерские совы. Завозмущались. Зауехали:

- Слышали мы от наших академиков, что в Америке науки нет, и детей черт знает чему учат, но такой чуши ни разу в жизни не слышали!

СВОЯ СТАЯ

Лишь сошел снег, вернулась из дальних стран к зеленым пастбищам стая гусей. Разлив реки привлек и новых гостей — серых цапель.

Два братца Гига и Гога присмотрели себе в невесты длинноногих красавиц Цапу и Цацу из чужой стаи. Увязались с ними на смотрины их сестры Гага и Галя. Влюбились в братьев невест своих братьев Цопа и Цора.

Не церемонившись со свадьбами, стали себе жить поживать две смешанные семьи на краю водоема.

Но пошли с первого дня неурядицы.

Ругают Цоп и Цор Гагу и Галю — вы мол, что притащили на ужин? Трава одна. Мясо где? Мы без мяса не наедаемся!

Жалуются сестрам Гига и Гога, мол с утра до вечера собирают они для своих длинноногих избранниц сочные луговые травы, овес, пырей, люцерну, а те пытаются кормить их бедных лягушками, насекомыми, хуже того, стыдно признаться — тухлою рыбою! Никогда и ни при каких обстоятельствах ни один порядочный гусь не станет прикасаться даже к едва заплесневелой пище! А тут...

Так и повелось, сидят теперь каждый вечер грустно гусыни рядком, глядят на заходящее солнышко, тихонько друг дружке жалуются:

- Ох! — гогочет Гага, - не повезло мне с мужем. Я ему то, я ему се, он все недоволен!

- Ах! — отвечает ей Галя, - Цапа и Цаца бедных наших братьев, красавчиков, совсем извели! Те им какого только разнотравья не дают — и тебе подорожник, и одуванчик, и молодая крапива. А цапли эти глупые нос воротят! Не понимают своего счастья!

ИВАН, ЧЕРНЫЙ ЗМЕЙ и ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Было все ладно, да складно. Да откуда-то взялся, на землю нашу навязался Черный Змей, и давай деревни и села жечь. Когти у Змея острые, что сабли, махнет - пополам человека перерубит! Пасть отворит - быка проглотит! А дохнет - метров на десять пламя! Собрались мужики с ним сразиться. Латы одели и шлемы. Взяли в руки копыя, мечи, цепи да палицы. Отрубил самый сильный богатырь Змею голову. А у того - три выросли. Отрубил он и три - а там уже девять!

Изловчились мужики, запутали Черного Змея тяжелыми цепями, опустили в пещеру глубокую. К камню приковали, узлами завязали тринадцать богатырскими. Головы туда же закинули. Написали табличку: «Убить Зверюгу нельзя. Опасна! Не поить! Не кормить! Авось сама издохнет!» И подались восвояси.

Прошел год, два, а может жизнь, проезжал мимо на добром коне Иван «Ни кнута ни сабли». Глядит - табличка на пещере странная. Услышал, кто-то стонет. Спустился и видит: Змей Черный плачет, к скале прикованный крепко-накрепко, крылья затекли, головы повисли.

- Что же ты плачешь Змей?

- Обидели меня мужики. Я лишь чуток поразгулялся, а они мне вон головы отрубили, на цепь посадили. Убить хотели, да не смогли. Бессмертный я. В воде не тону, в огне не горю. Летаю. Плаваю. Могу на облаках жить, на земле и глубоко под землю.

- Что прямо и управы на тебя нет?

- Управа есть. Вот пожалеешь меня, бедного-несчастливого черненького Змеюшку, принесешь воды, тогда скажу!

Ослушался Иван «Ни кнута ни сабли» доброго совета богатырей, пожалел Змея лютого. Принес воды. Выпил ее Змей

всю до капельки. А как выпил, сил в нем прибавилось, взмахнул крылами раз - порвал тринадцать богатырские узлы. Взмахнул два - отрубил Ивану обе руки по плечи. Заохотал:

- Глупый ты, Иван, а доброта твоя хуже смерти! На меня, Змея Черного управу может снискать лишь Золотое Слово, которое сам произнесу, только этому не бывать, поскольку слова Золотого я не знаю! Пришел ты без кнута без сабли, так умирай в муках!

Заплакал униженный и обиженный Иван, упал обессиленный в змеиные головы.

Проглотил Черный Змей Иванова коня, и полетел по округе осмотреться.

Лежит Иван в луже крови голов Змея Черного. Просочилась та кровь огненная через плечи ивановы, и вдруг выросла у Ивана рука, как была. Коснулся он голов другим плечом - и вторая отрусла. Смотрит - еще три головы лежат. Взял их в руки - а рядом с первыми руками у него еще руки выросли. И стало у Ивана по 9 рук с каждой стороны. И боль прошла.

Вышел из пещеры Иван «Ни кнута ни сабли». Черный Змей как раз облетел округу, и обратно вернулся.

- Спасибо тебе, Змей, за науку о том, как зло на добро злом отвечает.

Удивился Черный Змей многорукому Ивану, что предстал пред ним живым, да еще благодарит.

- Прости, брат, - сказал тут Черный Змей Золотое слово. - Прости, не знал, что ты такой же, как я!

Рухнули тут черные чары. Осталось у Змея одна голова. А у Ивана две руки.

- Нашел ты на меня управу. Готов тебе верно служить во веки-вечные, - поклонился Ивану «Ни кнута ни сабли» Черный Змей.

- А что ты умеешь делать?

- А умею я города и села жечь. Кровь проливать. Убивать людей и малых детушек.

- Не надо мне такой службы. Но и зла тебе делать не стану, - ответил Иван. - Верни ты мне лучше моего доброго коня. И улетай подобиру-поздорову туда, откуда взялся - на землю нашу навязался!

Выплонул коня Черный Змей невредимым. Сел на коня Иван «Ни кнута ни сабли», да и поскакал по своим делам.

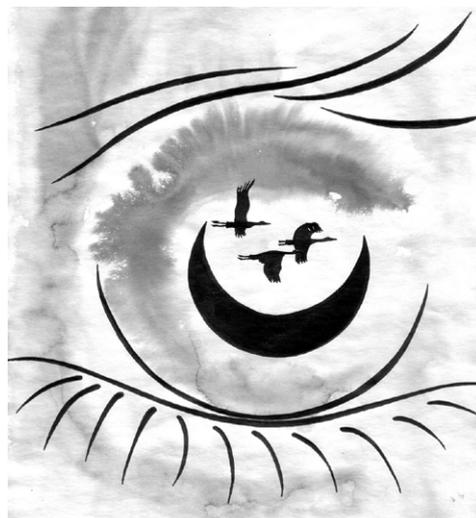
А Черный Змей полетел с глаз долой!

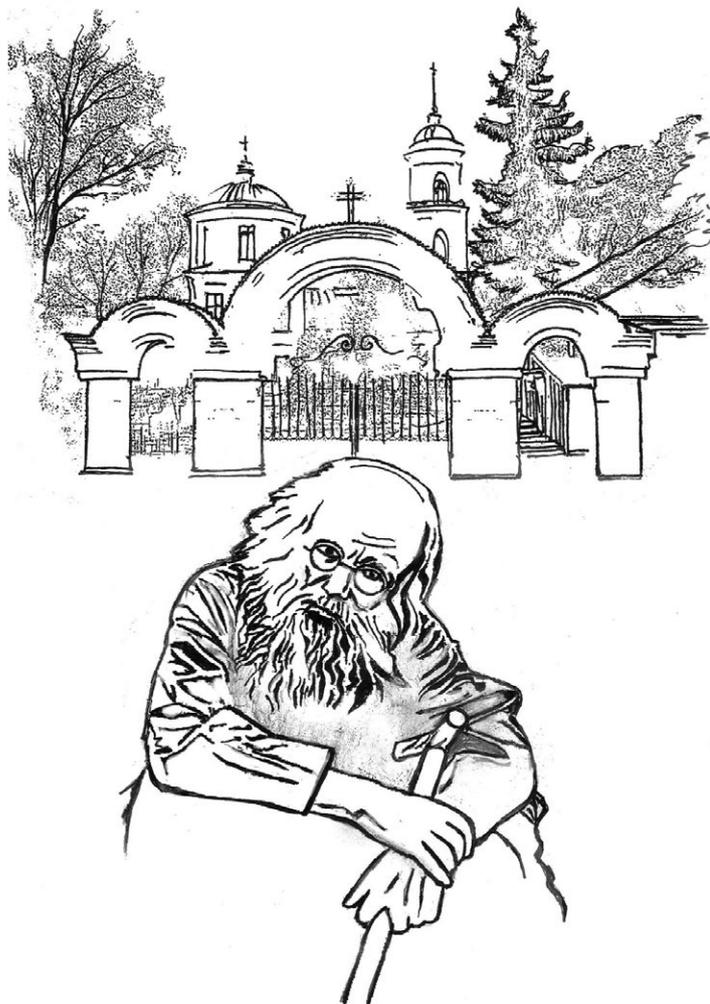
СИМВОЛ СВОБОДЫ

Полиэтиленовый пакет сорвало с земли. Он попал в теплую струю воздуха, и взлетел высоко над городом, где уже не было ветра.

Завис, любуясь собою.

Люди спутали пакет со своей мечтой о свободе, и сделали символом города.

СВЯТОЙ

Когда появлялось свободное время и лишняя копейка, Данила Петрович шел в фешенебельные магазины и покупал родственникам, друзьям и знакомым то, о чем мечтал каждый из них. Так, великого талантливого художника он мог обрадовать неожиданно-необходимым набором редких итальянских красок, стол многодетной соседки завалить сладостями, а Главу города удивить книгой в кожаном переплете. У всех сложилось впечатление, что Данила Петрович – самый богатый человек, его охотно приглашали на праздники, зная, что тот не придет без дорогого подарка. Люди привыкли к его заботе, рассказывали о проблемах и болезнях, иногда делали это корыстно, чтобы не самим приобретать лекарства. А некоторые даже осуждали Данилу Петровича, что он подарил менее ценную вещь, чем пригрезившаяся им в мечтах.

Когда Данила Петрович скончался, как оказалось от продолжительной неприятной болезни, черная весть мгновенно облетела город. Все ждали пышных похорон у какого-нибудь богатого особняка, а собрались у ветхой комнатенки, в которой стоял простой сосновый гроб, обитый дешевой красной тряпкой.

- Да, он нищий! – воскликнул Глава города.
- Он добрый, – возразила многодетная мать.
- Святой, – произнес пораженный художник.

РОССЫПИ РОСЫ

Там, за вчерашним днем, за солнцем-месяцем, за столетем-тысячелетием, там за тяжкими пластами времени жила ведьма Сон. Могла она любой куст, любой цветок или дерево крыльями обратить, подняться на облака и оттуда увидеть все, что захочет.

Много лет летала она на зеленых крыльях лета, на золотых крыльях осени и на белых крыльях зимы.

Очень часто, пребывая в замечательном настроении, выбирала ведьма благоухающие цветики сон-травы, багульников или белых ирисов, превращая их в дивный полет. Тогда множилось на Земле добро и счастье.

Но бывали редкие минуты, когда ведьма сердилась или даже гневалась. Под горячую руку попадались ей ядовитые олеандры, рододендроны или акониты, из которых получались крылья свирепой мощи. Поднимались ураганы, рушились дома, гибли урожаи.

Никто не мог сравниться в могуществе с ведьмой Сон.

И лишь один человек бросил ей вызов, ее единственный сын, богатырь Руслан, равного по красоте и силе которому тоже не было на белом свете.

- Полно тебе, - сказал он однажды своей ретивой матушке, - по белу свету летать, добрым людям вред приносить. Сидела бы ты дома.

Стала ведьма сыну пенять, что и добра она сделала для людей немало.

А он не унимается, перечит:

- Сиди сегодня дома! – и все тут!

Поняла ведьма, что вырос ее сын, раз голос на мать поднял. Захотела от него избавиться. А как? Думала она, думала и решила его женить. Уйдет сын за реки, за горы. И не станет ей мешать жить как прежде.

Ослушалась она сына, полетела выбирать себе невестку. И летала долго, пока не истрепались ее цветочные крылышки, и не опустилась ведьма Сон возле спокойного моря-озера.

Видит – дева сидит на бережку дивной красоты. Как слово слетает с губ – так жемчужина в море падает. Как песню поет – так целая россыпь!

- Как зовут тебя, девица милая? - спрашивает ее ведьма.

- Рось меня зовут, - ответила та.

- Есть у меня сын, богатырь Руслан. Красивый, да ладный. Не хотела бы ты стать мне невесткой?

- Не пристало мне в терему маяться. Люблю я свое море-озеро. Никуда от него не денусь, - метнулась Рось, да и уплыла в глубину быстрой русалкой.

Задумалась ведьма, вернулась домой, рассказала сыну о чуде, что видела на берегу моря-озера.

Взыграла в Руслане кровь. Захотел он добыть себе такую жену. И долго ли коротко, а оказался у спокойного моря-озера, где русалка живет.

Видит – дева сидит на бережку дивной красоты. Как слово слетает с губ – так жемчужина в море падает. Как песню поет – так целая россыпь!

Полюбил он ее крепкой любовью. Упал на колени:

- Выходи, - говорит, - за меня, красавица! Мне без тебя свет не мил!

- Выйду, коли догонишь! – засмеялась русалка. Нырнула в синее море. И нет ее!

Бросился за нею Руслан. Плещется на берегу. Догнать русалку не может.

А та хохочет. Дразнится.

- Ах вот ты как? – обиделся богатырь. – Ну и оставайся одна одинешенька! – махнул рукою и побрел домой не солоно хлебавши.

А дома затосковал. Не спит. Не ест. О Роси вспоминает.

Стала плести для него матушка сеточку из сон-травы, стала сеточку ту волховать-заговаривать:

- Ты плетись-плетись, сеточка шелковая. Бросит тебя мой сын богатырь в море синее. И поймает русалку быстрюю. Ты не рвись, моя сеточка! Не рвись. Не гнишь. Не дырявься. Помоги поймать для него, сеточка дивную русалку Рось.

Отдала мать сыну волшебную сеточку, наказала строго-настрого набросить ее, как только солнце взойдет. И снова стоит он пред красавицей дивной красоты. Как слово слетает с губ ее – так жемчужина в море падает. Как песню споеет красавица – так целая россыпь!

Подошел он ближе. Накинул заговорную сеточку. Хотел девицу поймать. Да поймал только капельки росы. Рассыпалась русалка на множество маленьких жемчужин сверкающих. Разлетелись они по всему свету. Не соберешь!

До сих пор, говорят, сын ведьмы Сон ловит волшебную русалку. Как только солнце над землею покажется, так и сеточку волшебную - заговоренную он на девицу набрасывает. И рассыпается она, смеясь.

Не веришь? Выйди в сад поутру! И ты услышишь ее песню. Как слово слетает с губ – так жемчужиной росинка на траву падает. Как песню споеет – так целая россыпь!

И ведьма Сон до сих пор живет, как жила. От богатыря-то она избавилась, хоть и не женила. А своего добилась. Может она любой куст, любой цветок или дерево крыльями обратить, подняться на облака и оттуда увидеть все, что захочет. Дарить людям видения разные.

Много лет летает она на зеленых крыльях лета, на золотых крыльях осени и на белых крыльях зимы.

Очень часто, пребывая в замечательном настроении, выбирает она благоухающие цветики черемухи, вереска или ромашек, превращая их в дивный полет. Тогда множится на Земле добро и счастье.

Но бывают редкие минуты, когда ведьма сердится или даже гневается. Под горячую руку попадают ей колючки шиповника или диких акаций, из которых получают крылья свирепой мощи. Поднимаются ураганы, рушатся дома, гибнут урожаи.

Никто не может сравниться в могуществе с ведьмой Сон!

Quot capita, tot sententiae (лат.) — «сколько голов, столько и мнений»

ОДНА МЫСЛЬ НА ДВЕ ГОЛОВЫ

Два бездельника вышли в свет побираться.

- Я великий! Подайте мне на бутылку пива! – сказал один, в голове которого родилась мысль.

- Да, он великий! – поддакивал второй, в голове которого не было ни одной мысли.

Им подали. Опыт пришелся по вкусу бездельникам. Так они и стали жить. Но в какой-то прекрасный момент люди перестали подавать. Тогда один расширил свою мысль и воскликнул:

- Я самый великий! Подайте мне на бутылку пива!

- Он самый великий, - подтверждал второй, и им снова подавали.

И снова до какого-то момента.

Тогда первый еще более расширил свою мысль, и стал просить так:

- Я великий из великих!

- Он великий из великих! – кивал второй. И им снова подавали.

Когда мысль полностью выработала себя, и уже никто ни при каких обстоятельствах не подавал бездельникам ни на одну бутылку пива, второй вдруг сказал первому:

- Да ты вовсе и не великий! – и подался восвояси.

Так родилась еще одна мысль на две головы.

Dimidium animae meae (лат.) — «половина моей души»

ПОЛОВИНА СЧАСТЬЯ

Прошел по степи табор. А последней – в обнимку молодая пара. Видят – половина подковы лежит. К чему бы этот знак?

- Не бери ее! – сказал юноша. – Нам не нужна половина счастья!

Идут дальше. Шили-шли. Шли-шли... Видят – вторая половина подковы на цыганской дороге валяется.

- Давай вернемся! – предложила девушка, - заберем первую половину, и будет у нас целое счастье!

Подобрали парень с девушкой вторую половину подковы, вернулись обратно, смотрят, а первой половины подковы и след простыл. Бросили они тогда и вторую половину.

Так и живут без счастья – горе мыкают.

Рисунки Светланы САВИЦКОЙ

Галина Барышникова (Вайгер)

Академик РАН, писатель, драматург, журналист, президент «Лиги Восходящего Искусства».

Родилась 14 мая 1965 года в городе Петропавловск-Камчатский, с 10 лет жила на Северном Кавказе в городе Черкесске, с 15 лет – в Москве и Московской области. Закончила МГИК (Московский Государственный институт культуры) В 1991 году была принята в аспирантуру вне конкурса. В 1994 году поступила в Литературный институт на семинар прозы в мастерскую Анатолия Приставкина, была старостой семинара. В 1999 году по решению Союза Писателей Москвы, по рекомендации Анатолия Приставкина и Риммы Казаковой, была принята в члены Союза Писателей Москвы. В 2008 году стала заместителем главного редактора журнала «София-премудрость Божия», издаваемого от монастыря

Оптиной пустыни.. Является автором многих других литературных и профессиональных изданий: альманаха «Апрель», журнала «Нева», «Наша улица», Психологического журнала «Развитие личности», «Духовно-нравственное воспитание», газеты «Культура» и журнала «Театральная жизнь», журнала «Кораблик» и «Вестника Боровского монастыря»... В 2009 году присвоено звание академика РАН (секция гуманитарные науки и творчество),

ПЕСНЯ СТРАННИКА

1

Сгушался свет над сумраком хранимый.
Хранимый ожиданием сердец, зовущих солнце.
Из-за черты,
Делящей плоскость жизни
На вечность неба
И черноту живущую земную,
Землёю названной,
Вдруг появился человек в одежде старца
Согбенный видом, но живой очами.
Над головой его второе солнце —
Свеча горела.

2

Он шёл не быстро походкой ровной.
Но было видно,
Какую радость питает старец
К зелёным травам,
В бутон закрытым и спящим макам.
Мудрец касался стопой нетвёрдой
Земли дарящей,
Очами заводь озёрной глади
Питал любовью.
Остановился.
И бодрым взглядом обвёл просторы:
Всходило Солнце.
Мудрец родился.
Он нёс знаменье свечи зажженной
И помнил ясно ту часть пространства,
Где зреет мудрость.

3

Он шёл недолго, но много думал.
Остановившись дорогой леса,
Он освещал своим гореньем ту часть пространства, где
мрак сгушался.
И с вольным ветром,
Идущим в страны уставшей мысли,
Он посылал бодрящий импульс:
Через него вещала мудрость
И шло спасенье уставшим душам.
Недолго шёл он. И возвращая
То, что являлось посильной ношей на время данной,
Он распрямлялся.
И шаг уставший

Стремился твёрже земли коснуться.
Свеча горела.

4

Когда он к людям вошёл неспешно,
Он был моложе.
Но срок рожденья ушёл настолько,
Насколько солнце в своём разбеге вперёд метнулось.
Он не был молод, он не был старец.
Ещё он помнил ту часть пространства,
Где зреет мудрость.
И вечерами, любя одним быть,
Он удалялся и слышал горы.
И слушал город людьми живущий.
И если город вдруг задышался,
Он отдавал ему часть дыханья:
Берущий сверху не оскудеет.

5

Он шёл по свету, и тень ложилась
Его огромная за плечами:
В зените солнце уже стояло.
Он помнил меньше,
Но больше делал добро руками, чем созерцаньем.
И были рады его увидеть в дороге люди.
Глаза прищельца светили ясно,
Но было видно:
Они считают с тоскою годы.
Он распрямился,
В изгибе тела стал стройно тонок.
Над головою свеча горела, но стала меньше.

6

Уже стояла черта другая у горизонта.
Он приближался к ней, став ребёнком,
Себя забывшим.
В глазах ребёнка была усталость,
Стояла мудрость в глазах ребёнка
Перед рождением иной природы.
Свеча погасла.
Но взгляд пытливый его увидел сквозь прорезь света
Свечу другую — он шёл на солнце.

7

Вокруг младенца, заснувшим в солнце,
Стояли люди: стояли старцы с глазами света, стояли младше,
Стояли дети, не понимая его ухода
В страну иную, где зрела мудрость, где шло рождение...
Светило солнце, и свет сгушался над горизонтом.

Елена Крафт-Павлова: «Всегда Верю В Лучшее»

Елена Крафт-Павлова словно пришла в нашу сегодняшнюю жизнь из Серебряного века. В ней есть что-то от блоковской Незнакомки и чеховских героинь. Это явление утонченной красоты и одухотворенной женственности. Она кажется нездешней, в каком-то смысле несовременной по своему облику, хотя очень современно ее искусство – Крафт-Павлова известная художница, галеристка, владелица художественных галерей в Москве, Женеве и Париже. Вместе с мужем, Валтером Крафтом, она создала Фонд развития русской культуры «Крафт-Павлова», основной своей задачей считающий поддержку и развитие современного искусства во всех его формах. «Мы строим мост, – говорит Елена. – Мост, не просто соединяющий страны, города и разные, на первый взгляд, культурные течения, а дающий возможность людям по всему миру становиться ближе и общаться посредством самого понятного и доходчивого средства коммуникации – языка искусства». Не случайно перед встречей с Еленой Крафт-Павловой я узнала о существовании у дочери Льва Николаевича Толстого Татьяны «Альбома признаний» – свода вопросов, которые она задавала своим гостям, собирая их ответы в особый альбом. Вот он, мост – между прошлым и нынешним временем, между давно ушедшей и современной культурой, забытой и актуальной модой. Мне было интересно – как женщина из XXI века ответит на вопросы женщины из века XIX? Думаю, что читателям это будет не менее интересно.

– **Главная черта вашего характера?**

– Оптимизм. Что бы ни было, какие бы события ни происходили, я всегда верю в лучшее. Всегда знаю, что нельзя опускать руки и впадать в депрессию, в негативные состояния. Иди вперед, и Господь в этом поможет. Сложностей в моей жизни было много. Чинили мне козни разные люди, особенно, когда мы с Валтером организовывали Фонд. Были моменты, когда можно уже было отказаться от своих намерений. Супруг говорил: «Достаточно, ты столько энергии трагишь, не надо этого». А я отвечала: «Нет, Валтер! Я не сдаюсь. Знаю, что все будет хорошо». Убеждена, что Господь ведет меня по жизни. Мы же все уроки проходим на этой планете. Нас проверяют в разных ситуациях, смотрят на наше поведение. Но добро всегда побеждает зло. С этим я живу, и Господь посылает мне замечательных людей, за что я не устаю его благодарить.

– **Какую цель преследуете вы в жизни?**

– Цель моя сформировалась не сразу. С возрастом она обрела четкие очертания. Раньше я многое пробовала, в разных направлениях, подчас совершенно противоположных – была и чиновником, и психологом-консультантом. Первое образование у меня экономическое, а потом я закончила психологический факультет МГУ по специальности гештальт-терапия. Но какое же это бесконечное счастье, когда ты в жизни открываешь свои двери! Так радуется душа, такое невероятное ощущение счастья! Я испытала счастье, когда начала писать картины, и за это я очень благодарна своему супругу. Моя главная цель – реализовать себя в творчестве, расти, как художник, и помогать другим творческим людям. Я душой болею, переживаю, чтобы у них все было хорошо, чтобы они продвигались, чтобы у них все получалось. Это люди, отмеченные искрой Божьей, творцы, через кисти которых говорит сам Бог. Великая радость быть с такими людьми, общаться с ними.

– **В чем счастье?**

– Для меня счастье, когда вся моя семья собирается вместе. Я редко вижу маму с папой, очень по ним скучаю. Рас-

стаюсь с дочерью, когда уезжаю в Москву. Но когда все дома – это великое счастье.

– **В чем несчастье?**

– Несчастье – когда нездоровится кому-то из родных. Особенно, когда болеет ребенок. Я тогда ни о чем другом не могу думать.

– **Самая счастливая минута в вашей жизни?**

– Когда родилась дочь Мария. Я так долго ее ждала, что почти потеряла надежду. Ходила в храм, молилась на коленях. Через два месяца после того, как я вернулась из монастыря, где просила Божью Матерь о ребенке, врач мне сказал: «А вы знаете, у вас черепашоночек». «Какой черепашоночек?» «Да вы беременны!» Выйдя из кабинета, я так плакала... Непередаваемое было состояние. Беременность и роды прошли благополучно, ребенок меня не мучил. Маша очень легко родилась.

– **Самая тяжелая минута в вашей жизни?**

– Когда уходила моя бабушка Валя. Я ее любила, как мать. Она родом с Украины, но я ее забрала в Москву, и она жила со мной. А потом, когда бабушка уже понимала, что уходит, она попросила меня отвезти ее на родину. Это был очень тяжелый момент в поезде... Она дала мне много тепла, много любви, заботы. Бесконечная такая, огромная душа. Бабушка всех любила.

– **Где бы вы желали жить?**

– Только в России. Только в Москве. В моей любимой России, в моей любимой Москве. Потому что только здесь, на этой земле, я чувствую себя художником, женщиной, женой, матерью. Я очень чутко ощущаю позитивную светлую энергетику этих мест. Если я лечу в Женеву, в Париж, в Монако, в другие европейские страны, мне там хорошо, но вскоре я опять хочу возвратиться в свою любимую Москву. Я не понимаю, что это. Какая-то метафизика, необъяснимые процессы. Мне здесь комфортно на всех планах – и психологическом, и эзотерическом. Моя Россия, моя Москва – вот что я могу сказать. Я человек мира, но здесь моя реализация – духовная,

творческая, человеческая. У меня был долгий опыт этого понимания. Я чувствовала, ощущала, приноживалась, писала стихи, писала музыку, писала картины и поняла, что все это возможно только здесь. Это мое место на земле.

– К какому народу желали бы вы принадлежать?

– В моем роду смешались Украина, Россия, Греция. Моя мама – гречанка, а папа украинец, родом из Одессы. Мама говорит по-гречески свободно, она общественный деятель, возглавляет общество греков на Украине в Донецкой области. Считаю, что она – самая красивая женщина во всем мире. Как сказать – кто я? Я люблю весь мир. Люблю Европу, люблю Россию, люблю Украину. Я открыта всему миру, у меня нет никаких предубеждений в отношении других национальностей. Считаю, что все мы свободные люди. Мой супруг Валтер Крафт – швейцарец, но он абсолютный космополит. Как говорят, подобное привлекает подобное. Как я открыта всему миру, без границ, без барьеров, таков же и мой муж, которого я в свое время придумала, и он появился в моей жизни. Я представляла его лицо, его внутренний мир, его образ, и все так и воплотилось в реальности. Он очень любит Россию, много о ней читал, очень много знает. Мы за мир, мы против войны. Считаю, что между народами не должно быть никаких конфликтов. Искусство объединяет всех людей. И это наша миссия, миссия нашего фонда – строить культурный мост между странами.

– Ваше любимое занятие?

– Писать картины.

– Елена, давайте на немного отвлечемся от вопросов Татьяны Львовны. Хочу задать вам свой вопрос – как вы стали художником?

– Искусство всегда шагало рядом со мной по жизни. Когда так сложилось, что я вышла замуж, и мне нужно было уехать из России, супруг мне сказал: «Закрывай все свои кабинеты, хватит тебе работать. Побудь дома с семьей и подумай: чего бы тебе очень сильно хотелось? Послушай себя». Он дал мне эту возможность. А хотелось мне заниматься творчески-ми людьми, художниками. Моей идеей было создание галереи. Мы начали приглашать художников в нам в гости в Женеву. Они у нас гостили, кто неделю, кто две, писали картины, и я в этой атмосфере просто летала от счастья. А сама писать картины я начала с приездом художника Натты Коньшевой. Это легендарная дама. Творчество ее мы очень полюбили, покупали с супругом очень много ее работ. Она приезжала в Женеву, писала картины, и на третий раз, когда она приехала, я ей говорю: «Натта, как же мне тоже хочется. Я просто почувствовала, что мне столько надо сказать людям». А она такая грубоватая, прямая, говорит: «Бери краски – вон сколько у тебя вокруг всего – и пиши!». Я говорю: «Ну, как же, я же

не училась. Какой из меня художник? Я могу только смотреть на то, как вы, профессионалы, пишете». А она свое: «Бери, да пиши!». Она человек резкий. Очень правдивая, что думает, то и говорит. Никогда не юлит, не лицемерит. И я написала свою первую картину, работала до четырех часов утра. Помню, утром спускается со второго этажа супруг и в восторге восклицает: «Натта, какая прелесть, как хорошо!» А она говорит: «Да это не я. Это баба твоя». Супруг не знал, что я написала эту работу, и его оценка была объективной. Для меня началась новая жизнь. Романтические отношения. Медовый месяц. После этого я не расстаюсь ни с кистью, ни с холстом. Причем я пишу, только когда рядом со мной супруг. Как-то раз я начала писать картину в Москве. Обычно я это делаю в Женеве, потому что Валтер меня очень сильно вдохновляет. А в Москве, вдали от него, у меня ничего не получалось. И я разозлилась на себя и стала писать работу «Так говорил Заратустра». У меня сейчас период увлечения Ницше, и мои образы из книги я попыталась перенести на холст. Что-то не шло. Обычно картину я пишу за час, полтора. Выплескиваюсь, и все. А тут час, два, три, я посплю, просыпаюсь, опять не идет. Зависла картина. На следующий день я знаю, что супруг сейчас в аэропорту, и он скоро будет рядом. И за тот период, что он ехал из аэропорта домой, я дописала картину полностью. Я чувствовала его присутствие. Думаю, что это эзотерическая история. Он мой вдохновитель, который помог мне открыть мою дверь в жизни.

– Вернемся к «Дневнику признаний». Ваше любимое удовольствие?

– С Машенькой вдвоем смотреть фильмы, именно ее подростковые, молодежные сериалы.

– Ваша главная привычка?

– Читать перед сном. С детства не могу заснуть без книги, без того, чтобы не прочитать хотя бы несколько страниц. Читаю разные книги – от классики до эзотерики. О судьбах великих художников люблю читать, особенно о великих женщинах. Меня очень вдохновляют эти истории. В последнее время увлеклась Ницше. Во время учебы в университете мы изучали его произведения, но тогда он не тронул меня так, как сейчас. Открываю пласт за пластом. Что-то начинаю по-новому понимать. Это очень интересный человек, балансирующий на тонкой грани сумасшествия и гениальности. Его книги заставляют глубоко задуматься. В планах – сделать выставку моих картин, посвященных Ницше.

– Долго ли бы вы хотели жить?

– Очень долго! Если будут разные ноу-хау, продлевающие жизнь, то конечно! Жизнь такая прекрасная. Я очень люблю жизнь. Сколько ты проживешь? Может быть, шестьдесят, может, девяносто? А может быть, сто? Начинаешь очень глубоко задумываться. Какая у тебя миссия на этой планете? Что ты можешь создать? Что ты можем привнести в жизнь других людей? Если ты понимаешь свою миссию, то можешь продлить себе жизнь.

– К чему вы чувствуете наибольшее сострадание?

– К старикам, пожилым людям, которые сейчас страдают. Они прожили такую нелегкую жизнь – войны, голод... Их действительно очень жалко. Мы с супругом помогаем по возможности. Конечно, мы не можем помочь всем нуждающимся, но стараемся делать то, что в наших силах.

– К какой добродетели вы относитесь с наибольшим уважением?

– К милосердию. К тем, кто помогает одиноким старикам. К тем, кто протягивает руку помощи от души, без всяких задних мыслей. Либо ты помогаешь от чистого сердца, либо не надо этого делать.

– К какому пороку вы относитесь с наибольшим снисхождением?

– К финансовым транжирам. Мы с Машенькой очень любим потратить деньги, сделать разные покупки. Нас Валтер иногда за это ругает, что мы слишком много себе позво-

ляем. Помню, мы как-то ездили в Мурано, городок под Венецией, где делают потрясающие вещи из знаменитого на весь мир стекла. И увидев всю эту красоту, мы с дочкой купили все, что смогли увезти. Муж сказал: «Я так и знал. Оставил вас без взрослых!»

– **Что вы больше всего цените в мужчине?**

– Искренность, честность. Молчаливость, мужественность. Часто бывает так, что мужчина молчит, а за этим стоит очень многое. Терпеть не могу болтунов, говорунов, пустословов. Категорически не приемлю вранья. У меня внутри словно стоит особый радар, распознающий ложь. Если я чувствую неискренность, человек быстро испаряется из моей жизни.

– **Что вы больше всего цените в женщине?**

– Те же самые качества, что и в мужчине. Еще бы добавила женственность. Для меня очень важен женский образ и поведение женщины. Сейчас доминируют феминистские нотки, что меня огорчает. Может, это модно, не знаю, но мне нравятся женщины женственные, мягкие. Обожаю то время, когда женщины носили шляпы! Если бы сейчас можно было так одеваться, с каким бы удовольствием я бы это делала! Это очень женственные образы. А мы, к сожалению, очень редко носим красивые юбки, красивые платья. В основном джинсы, брюки... Женщина может занимать большие посты, добиваться успеха, но при этом остается женственной и мягкой. Я видела таких женщин, преклоняюсь перед ними. Она говорит тихо, а все ее слушают, пятьсот человек в подчинении. Вот это класс!

– **Ваше мнение о современных молодых людях?**

– Считаю, что 70 процентов рождающихся сейчас людей – это дети индиго, которые понимают эту жизнь, этот мир совершенно по-новому, оценивают по другим критериям. Это люди, свободные от многих условностей. Я к ним очень хорошо отношусь. Вижу потенциал этих людей. Как они говорят! Они другие люди, более знающие, продвинутые, более мудрые. Вот моя дочка Мария. Иногда она говорит такие вещи по жизненно важным аспектам, и я думаю: «Господи, ей же всего 14 лет!» Я в ее возрасте еще играла в куклы, многих вещей не понимала. А моя дочь глаголет мне такие истины, что я невольно задаюсь вопросом: что же это такое? Это новые люди, это новая энергия.

– **Верите ли вы в любовь с первой встречи?**

– Верю. У меня такая ситуация произошла с моим супругом. Как только я его увидела, я поняла, что это мой мужчина. Вот бывает же так! Это, наверное, мой человек еще из прошлой жизни. Мы не случайно с ним встретились. Возможно, если бы не было Валтера, не было бы и моих картин. Он мне

очень помог открыть мои двери. Его послали ко мне. Нас соединили. Мы нужны друг другу.

– **Каких лет следует жениться и выходить замуж?**

– Мне кажется, до того, как выйти замуж, девушке следует получить образование, выучить иностранные языки, потому что это знание дает невероятную свободу. Очень жаль, что в наше время не работали такие институты, которые учат девушек подготовке к замужеству, потому что это большой труд, большая работа. Просто выйти замуж – это одно, а сделать это мудро – совершенно другое. Женщина не должна зависеть от супруга, быть бременем и обузой, иначе это будет непонятный брак. Важно, чтобы женщина была личностью, имела работу, профессию, прочно стояла на своих ногах. Она должна понимать, к чему она стремится в этой жизни. Для мужчины большая проблема, когда женщина не знает, чего она хочет. Моя сестра, которая младше меня на 18 лет, в этом отношении для меня образец. Я принимала участие в ее воспитании. Она окончила школу с золотой медалью, окончила институт, аспирантуру. Я ей говорила: «Учись! Пока есть возможность, пока тебя кормят и поят – учись!» Теперь в письмах она благодарит меня за это. Она добилась очень больших результатов, занимает хороший пост в прокуратуре, очень целеустремленная. Ей 22 года. Пока она не замужем, присматривается. «Что сейчас?» – спрашивает она меня. А я ей отвечаю: «Слушай свою душу». Когда есть эти киты, на которые можно опереться, послушай свою душу, кого ты хочешь любить. А мужчина должен жениться, когда он понимает, что он – мужчина, что ему предстоит обеспечить свою жену, своего ребенка, своих родителей. Только тогда, не раньше.

– **Что для вас лучше – любить или быть любимой?**

– Любить. Искренне любить. Это для меня важнее.

– **Покоряться или чтобы вам покорялись?**

– По-разному. И я могу доминировать, а потом быть женственной кошечкой, и муж может быть тигром. У нас возникают конфликты, как в каждой семье, но все это заканчивается очень быстро. Мы два Дракона, при этом муж Овен, а я Лев. Представляете, какая огнедышащая смесь? Вспышка длится минуту, а потом мы общаемся друг с другом, как ни в чем не бывало. Это нормально. Мы очень быстро приходим в себя. Энергия – куда же ее деть? Ее не спрячешь.

– **Ваш любимый писатель?**

– Лев Толстой.

– **Ваше самое любимое произведение в прозе?**

– «Анна Каренина».

– **Ваш любимый поэт?**

– Пушкин.

– **Ваш любимый литературный герой?**

– Чацкий.

– **А любимая героиня?**

– Анна Каренина.

– **Ваш любимый художник?**

– Хаим Сутин.

– **Ваша любимая картина?**

– У меня много любимых, трудно выделить какую-то одну.

– **Ваш любимый композитор?**

– Сергей Рахманинов.

– **Ваше любимое музыкальное произведение?**

– «Зимняя сказка» Шопена и «Элегия» Рахманинова.

«Элегия» – глубочайшее произведение, заставляющее задуматься. Когда я ее слушаю, не знаю, что происходит с моим внутренним миром – все переворачивается. Я словно начинаю жизнь сначала.

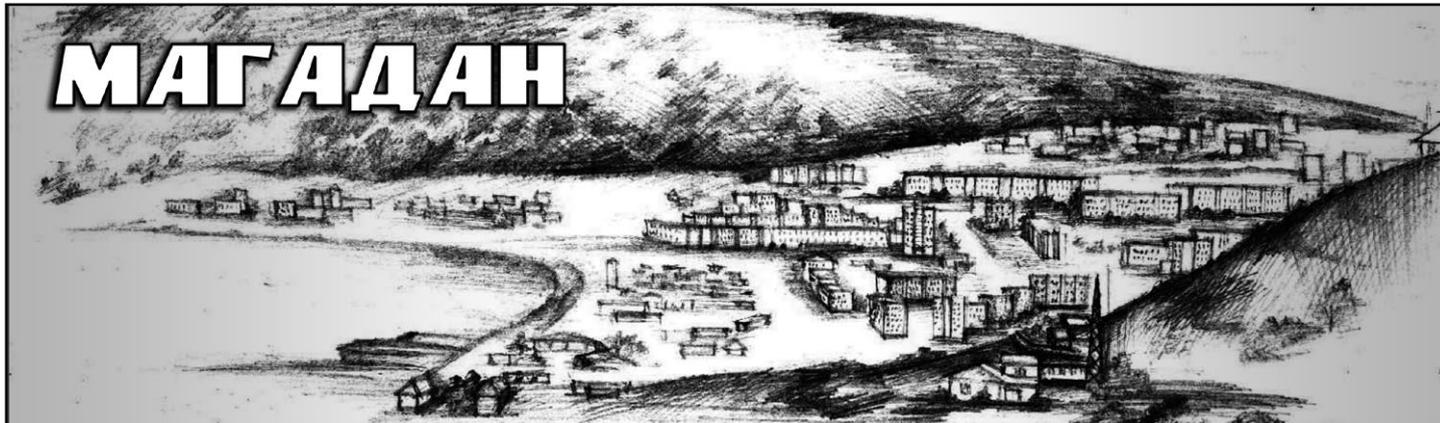
– **Какое ваше любимое изречение?**

– То, что не убивает нас, делает нас сильнее.

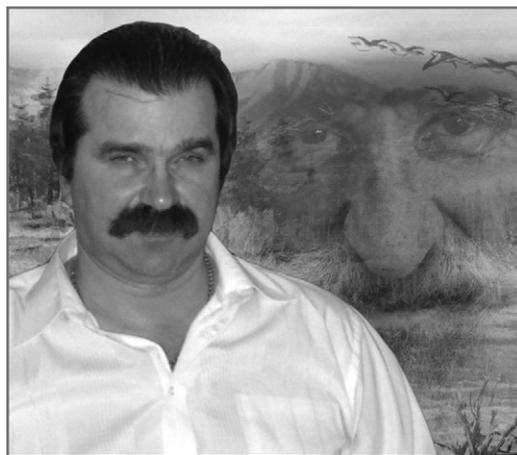
– **Следует ли всегда быть откровенным?**

– Нет, далеко не всегда. Слишком откровенный человек позволяет делать себе больно. Не стоит всем открываться. Только близким людям, родственникам, которые тебя поймут.

Беседовала Елена Ерофеева-Литвинская

МАГАДАН

Сергей Малашко

Родился в 1962 году в г. Зея Амурской области. Юношеское увлечение охотой стало его профессией. В 1984 году получил диплом охотоведа, работал по специальности в Хабаровском крае и Магаданской области. Публиковался в альманахах «Охотничьи просторы», «Колымские просторы». В 2008 году издал книгу «Весенняя охота на гуся или бегство от себя к себе». В 2009 году опубликованы четыре рассказа в книге «Неизвестный Магадан». Печатался в литературных сборниках Международного Союза писателей «Новый современник», в международных изданиях медийной группы «Интеллигент», Живет в Магадане. Лауреат «Серебряного Пера «Национальной Литературной Премии «Золотое Перо Руси» 2013 года.

Летний прибой декабрьским днем? В Магадане — легко...

В первых числах декабря 2008 года Магадан накрыл циклон. Он три дня подряд неистово показывал стоящему здесь городу свою дикую необузданную силу. Температура воздуха повысилась с минус 15-18 до минус 1-2 градусов. С крыш закапала весенняя капель, иронично напоминая о себе стуками об отливы окон. Возникали весьма противоречивые мысли о смене времен года. Дрожали стекла от порывов сумасшедшего ветра.

По воле циклона весь город на короткое время оделся в белое. Время его пребывания в белом очень коротко и, как правило, по воле человека белое очень быстро становится серым и грязным. Девственную белизну город сохранял в парках и скверах. Циклон, как всегда, доказал городу и людям своё непререкаемое превосходство. Они и не возражали, а со спокойствием истинных северян наблюдали за происходящим, твёрдо зная, что пройдёт и этот циклон. Они переживут его и будут обречены ждать следующего.

Когда же дикий ветер утихал, свинцовые небеса на грешную магаданскую землю и её обитателей посылали большие хлопья ласкового мягкого, пушистого снега. Этот снег не был злым. Он радовал северные людские души, ценящие любую ласку от природы, пусть даже и зимним декабрьским вечером. Большие мягкие хлопья снега в свете вечерних фонарей создавали иллюзию сказки.

Больше всех любому циклону, приносящему столько снега, радуются дети. Они с весёлыми криками прыгают

в свеженаметённый сугроб. Снег будто расплёскивается после падения, превращаясь в снежную пыль, после чего слышится озорной и довольный ребячий визг.

Меньше всего обилию снега радуются коммунальные службы города. Для них зима всегда приходит неожиданно вместе с циклонами. Если циклон суров как этот, то жители города вряд ли смогут скоро пройти по расчищенным тротуарам. В меру сил и возможностей люди пытаются передвигаться в этом снежном беспределе. На заметённых тротуарах и между домами появляются и вновь исчезают тоненькие ниточки человеческих следов, нарушающих снежно-белый покров. Эти ниточки — тонкие, беззащитные перед силой и мощью циклона. Это то небольшое, чем может ответить человек дикой силе. Горе путнику, которого эта кутерьма застанет в дороге. Всякое бывало за время нахождения здесь человека. Многим это стоило жизни. Увы, в такие моменты Север жесток и непреклонен!

Но рано или поздно устает даже самый сильный циклон. Постепенно ветер стихает, небо слегка светлеет, снег не идёт такой плотной стеной. По условно расчищенным дорогам и тротуарам начинают двигаться жители города, пытаясь не опоздать на работу. Понемногу оживает движение автомобилей, создавая массу трудностей из-за сужения проезжей части и, свойственного магаданским водителям, дорожного хамства. Понемногу город начинал оживать, возвращаясь в привычное течение.

ние жизни.

День третьего декабря для меня выдался довольно суетным. В первой половине дня пришлось побывать в нескольких местах. После этого циклона несделанной вдруг оказалась масса дел, почему-то требовавших немедленного решения. Решать их пришлось в компании Геннадия.

С его помощью и при самом деятельном участии мне всегда удавалось решать массу рабочих вопросов. Всё получалось легко и просто. Свойственная ему прибалтийская манера общения с людьми на основе вежливости, тактичности, предупредительности, доброжелательности просто подкупала. Всё это у него получалось органично, естественно и непринуждённо. Очень часто эти качества свойственны людям серьёзных габаритов, явно не обиженных Богом здоровьем. Они часто стесняются этого, стремясь никого не побеспокоить своим присутствием. Подёрнутые сединой волосы добавляли Геннадию дополнительного шарма. На многие вещи в жизни мы смотрели практически одинаково, и сочетание этого с непринуждённым общением создавало дополнительные предпосылки для успешного решения моих рабочих вопросов.

Во второй половине дня около четырнадцати часов возникла необходимость быть в располагающейся на берегу бухты Нагаева Инспекции по маломерным судам МЧС России. Полноприводная «Тойота-Калдина», послушная жёсткой воле Геннадия, местами царапая днищем в снежной колее, с трудом проползла к зданию Инспекции. Ветер к тому времени стих, облачность слегка приподнялась. Показались подножия Нагаевских сопек, ясно видимых при подходе к зданию. Снег продолжался, но падал вертикально и спокойно.

На коротком пути от машины до здания мне послышался странный, нетипичный для этого времени звук. Звук был поразительно знаком, но по каким-то причинам сознание отказывалось его воспринимать. Вероятно, это было нечто такое, чего не должно быть в это время года. Сознание продолжало активно протестовать, не позволяя сосредоточиться и понять природу этого звука. В таких сомнениях я и вошёл в здание. Вернулся минут через пять. Сразу же после выхода слух вновь уловил уже знакомый звук. Он распространялся волнами, в какой-то момент терялся полностью. Затем следовала длительная пауза, звук возникал вновь, усиливался, достигал своего апогея и вновь исчезал.

Я остановился, рациональное мышление требовало ответа на ставший навязчивым вопрос: «Что же это за звук, который так явно слышится, но пока не понятен?»

Снег продолжал падать вертикально, создавая иллюзию тишины и умиротворённости. Звук доносился со стороны моря, напоминал что-то до боли знакомое и родное для любого магаданца.

Нечто большее, чем любопытство, овладело мной, я развернулся и перешёл к забору, отделяющему территорию ГИМСа от прибрежного отвесного обрыва. Встав на бордюр, попытался заглянуть через забор и понять природу загадочного звука. Он повторился вновь точно также как и раньше — постепенно нарастал, достигал

апогея и исчезал, как кот на мягких лапах.

Увиденное и услышанное мной начало вступать в противоречие с устоявшимися за двадцать лет жизни в Магадане стереотипами мироощущения. Так не должно быть, но, тем не менее, это происходило. Происходило здесь и сейчас — на берегу бухты Нагаево — не самого ласкового на этой земле Охотского моря. Происходило в декабре 2008 года под немой аккомпанемент мягко падающих и тихо лежащихся на землю хлопьев снега. Весь двадцатилетний жизненный опыт на Колыме пока с трудом, но уже начинал дополняться ещё одной уникальной деталью. Сознание наконец-то смогло понять, что за звук послышался мне и так затруднил его восприятие. Оно было вынуждено признать свою капитуляцию в его борьбе с необычной реальностью. «Это же звук морского прибоя!» — окончательно капитулировало сознание, признавая его реальность.

Только сейчас стало доходить, что мне посчастливилось наблюдать, на мой взгляд, уникальное явление. Обычно в начале декабря бухта уже скована льдом, и даже трудно себе представить, что возможно услышать звук прибоя в это время. Слегка обалдевший от осознания услышанного, но пока плохо увиденного, я медленно подошёл к машине со стороны водительского сидения. Геннадий открыл стекло и встретил меня своей неподражаемой ироничной улыбкой:

— Сергей, что случилось, что тебя так удивило? — спросил он меня.

— Выходи из машины — услышишь кое-что необычное, — предложил я ему.

— Пока вылезать не буду. Ты хотя бы объясни, зачем.

Я занял своё место рядом с водителем и спросил его:

— Уважаемый, не хотели бы Вы прямо сейчас услышать морской прибой?

Прибалтийский рационализм его мышления отказался принять вопрос серьёзно. Он недоверчиво глянул на меня и слегка прищурившись, ответил:

— Какой прибой в декабре? До весны ещё далеко, до лета — тем более. Я знаю твою склонность к шуткам, но это уже слишком.

— Самый обычный, морской, почти как летний. Другого я сейчас не слышал. Для полного понимания сейчас едем на стоянку перед Пожарной частью Торгового порта. Там всё поймёшь.

На лице Геннадия бродили смутные чувства интереса и недоверия. Тем не менее, наша «Калдина», послушная его воле, отчаянно вгрызаясь в прорезанную колею всеми четырьмя колесами, упорно прорывалась к выезду на трассу. Наконец нам это удалось и мы практически по чистому белому нетронутому чужими колесами снегу подъехали к краю отсыпки. Мы вылезли из машины и разошлись в разные стороны, чтобы каждому по-своему увидеть и осмыслить происходящее. Снегу насыпало выше щиколотки, и передвигаться по нему в тёплых, но коротких ботинках было немного неудобно. Но этот лёгкий дискомфорт полностью был компенсирован уникальностью и величием открывшейся картины.

Перед нашими глазами предстало поистине неповторимое зрелище. Слегка поднявшаяся облачность открыла только подножия сопок бухты Нагаева. Их вершины были скрыты облачностью, Каменный Венец и мыс Чирикова были скрыты за свинцовой пеленой снегопада. Поверхность бухты просматривалась с берега не более чем на три —четыре километра. Вширь бухта была полностью доступна для обзора. Вода по всей поверхности, доступной для обзора, была полностью свободна ото льда. Я не заметил на ней даже малейших признаков шуги. Таковую по чистоте поверхности воду можно наблюдать только летом. Вода напоминала застывший и слегка окислившийся свинец. Вся видимая водная поверхность напоминала громадную стиральную доску, по которой мощно и неукротимо наступали на берег волны прибоя. Волны были не высоки, они шли подчёркнуто ровно и размеренно, барашков на гребнях не было. Свинцовые нити волн, покрывшие собой всю видимую поверхность бухты методично, по предопределённому Нептуном порядку приходили к берегу, изливались на него, издавая уже описанные выше звуки. Сверху изливающиеся на берег в бессилии волны посыпались вертикально падающими хлопьями снега. Вся прибрежная линия, куда с шумом изливались тёмно-свинцовые волны, также была чиста даже от всегда имевшихся в это время заберегов. Прибрежная галька была влажной и нисколько по внешнему виду не отличалась от той, которая принимала на себя энергию волн в привычные прибою летние месяцы. Только температура воздуха была явно не комфортной, да снежок посыпал сверху.

«Неужели буквально за несколько дней мир изменился так, что мне не удалось этого уловить», — слегка ошалело подумал я, наблюдая за упавшей на берег очередной волной. Я продолжал наблюдать за ранее невиданным зрелищем. В голове мелькнула шальная мысль, что морской прибой пришёл в нашу бухту откуда-нибудь от южных берегов, где лето круглый год. Мог же он просто взять и заблудиться между делом. Ошибся на четвертинку земного шара и заглянул в бухту Нагаева. Понимая всю нелепость этого предположения, я стремился запомнить всё увиденное и услышанное.

Волны по-прежнему продолжали с шумом омывать мокрую гальку Нагаевского пляжа. Взгляд переместился в район ГИМСА. Там по берегу одиноко бродили двое взрослых и двое детей. Только не могу утверждать, оценили ли они всю степень уникальности события, участниками которого стали. Они шли по пустынному берегу, по грани шумящего, как летом, прибоя.

Очередная упавшая на берег волна дала жизнь чарующему звуку — звуку лета и тепла, так ценимого магаданцами. И я продолжал впитывать в себя эти звуки. От них даже как-то стало теплее внутри.

К реальности меня начали возвращать звуки проходящего сзади КАМАЗа, под завязку гружённого углём и совершающего очередной рейс по маршруту Торговый порт —Магаданская ТЭЦ. В кузове он вёз, можно сказать без преувеличения, «чёрную жизнь». Без угля существование города будет просто невозможно.

Именно эта дорога разделяла сейчас мир на две ча-

сти: мир иллюзорного лета на море и мир реальной жизни большого города в условиях несладкой северной зимы.

Ещё один прошедший КАМАЗ окончательно вернул меня к действительности. К тому времени попавший в ботинки снег начал подтаивать, ощущение мокрых ног было малоприятным, поэтому я вынужденно двинулся к машине.

Геннадий стоял буквально метрах в трёх от машины. Взгляд был устремлён в море, непокрытая голова была припорошена мягким пушистым снегом. Его массивная фигура очень колоритно смотрелась на фоне шумящей летним прибоем в декабре Нагаевской бухты. В глазах много видевшего и пережившего человека застыло неподдельное удивление. Это было удивление тому, что увиденное и услышанное растопило устоявшийся стереотип: прибой может быть только летом. Моему товарищу, видевшему другие моря на разных континентах, было гораздо труднее сломать в себе этот стереотип и принять окружающую действительность.

— Геннадий, ты доволен? Согласись, зрелище только для посвящённых и тех, кому повезло?

— Очень точно подметил. Думал, уже перестал чему-то удивляться, но сейчас испытал искреннее удивление.

— Очень жаль, что не удастся это заснять на видеокамеру. Уже сумерки, и пока съездим домой, будет практически темно.

Он сочувственно вздохнул и ответил:

— Хорошо, что хотя бы увидеть удалось.

Я набрал телефон своего компаньона, находящегося на работе в магазине. Коротко рассказал об увиденном, дал послушать через сотовый телефон очередной звук декабрьского морского прибоя. Вначале он не поверил. Здорово удивился после прослушивания и предложил накачать резиновую лодку и поставить лососевую сеть.

Мы сели в машину, находясь под впечатлением от произошедшего. Согласитесь, звучит, по крайней мере, противоестественно: летний морской прибой во время календарной зимы? Но именно в этой противоестественности и есть главная прелесть.

Увидев такое, поневоле приходишь к выводу: в Магадане невозможное часто оказывается реальностью. Можно это объяснять глобальным потеплением или чем-то ещё более глобальным. Не в этом суть. Мы с Геннадием не стали утруждать себя обсуждением причин увиденного. Для себя единодушно решили, что нам здорово повезло: мы оказались в нужном месте в нужное время и смогли наблюдать события, которые остаются в памяти на всю оставшуюся жизнь. И это главное.

Буквально через два дня город накрыл очередной циклон. Более мощный, более злой и более тяжёлый для всех жителей Магадана. Циклон рвал город трое суток подряд, приведя его к снежному коллапсу.

После окончания этого циклона мне довелось вновь увидеть бухту Нагаева. Она уже была подернута тонкой ледяной плёнкой, распространявшейся на расстояние, видимое невооружённым глазом. Как будто и не было летнего прибоя в декабрьский день, посыпаемого сверху хлопьями зимнего снега.

Дорогие друзья! В сегодняшнем номере нашего журнала «Интеллигент. Избранное» впервые так широко представлены авторы из города Магадана. Прежде всего это, конечно же, заслуга Сергея Малашко, который с этого года стал одним из учредителей в нашем проекте. Также активная позиция творческих людей из Магадана — сделать свой край открытым для читателей разных уголков России способствовала и тому, что эти авторы будут опубликованы как в ближнем зарубежье, например, в Украине, так и в дальнем зарубежье — в Австралии. Медийная группа «Интеллигент» и раньше способствовала организации масштабных обменов для участия групп наших авторов из столичных городов Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Омска с различными зарубежными изданиями США, Австралии и Украины. Мы сотрудничаем с изданиями из различных регионов России, например, городов Краснодара, Красноярска и так далее. А разве в других регионах авторы не мечтают о таком же интересном обмене своими творческими изысканиями? Поэтому, прежде чем рассказать о магаданских авторах и их творчестве, хотелось бы обратиться к другим творческим коллективам из различных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Станьте активнее, займитесь продвижением авторского творчества своих земляков, несмотря на возможные сложности и затраты, хотя бы через наш проект! Порой люди наивно вкладывают огромные средства в личные издания книг, а потом не знают, куда эти книги девать. Иногда группы творческих людей создают лишь для себя некое замкнутое творческое пространство, но дальше этого не развиваются, не пытаются стать причастными к широким и высоким культурным течениям. Такие авторские группы никак не могут догадаться, что даже с минимальными затратами они могут занять свое достойное место в международном глобальном и уважаемом проекте, который имеет множество благодарностей, наград и призов по всему миру, что у них имеется возможность быть опубликованными рядом с довольно известными людьми высокой культуры, с различными творческими объединениями. Некоторые авторы наивно полагаются на интернет, но как иголка в стоге сена теряются в огромной массе различных авторских работ. Если кто-то проникнется нашим проектом, заинтересуется его изданиями, материалами и авторами, пожелает принять соучастие в нашем общем деле, может обращаться к нам. Мы рады новым именам и новым талантам!

ТВОРЦЫ СЕВЕРА

Что можно сказать о людях, живущих в этом суровом крае и по воле души рискнувших передать всю прелесть Севера пером или кистью?

Это люди особенные — сильны духом, чисты душой. Они разные по характеру, но объединяет их любовь к суровой Земле, ставшей для них родной. Пронзительная гражданская лирика стихов Александра Соколовского, тонкий и изящный лиризм работ Александра Сырченко, который вдобавок многие из своих работ положил на музыку и отлично их исполняет. Мне предоставилась возможность прослушать его песни и это оставило очень сильное впечатление. Зрелая создающая эффект погружения в процессы быта Севера проза умудренного жизненным опытом Евгения Сычева только дополняет эту литературную палитру. В довершение к произведенному впечатлению Николай Сикушин любезно представил нам репродукции своих замечательных, колоритных и ярких картин.

Хочу отметить, что упомянутые авторы печатаются не только в нашем издании. Буквально в январе этого года Сергей Малашко издал книгу в жестком переплете на 538 страниц. Обложку ее вы видите на этой странице. Лучшего подарка для любителя активного отдыха придумать трудно. Более того Сергей и Евгений издали совместный сборник «С теплом о крайнем Севере» повествующего о самых различных аспектах жизни человека на Севере — от описания картинок природы до поминовения трагически погибших друзей. Читая и просматривая их работы поневоле вспоминаешь слова из песни: «Напрасно называют север Крайним». Пока здесь живы такие люди нельзя верить сказать, что на севере живет грубый народ. Может души немного пытается остудить суровая природа, ибо теплая творческая кровь и высокий дух этих людей делают эти края жизненными и прекрасными. Прочтите их работы и гляньте на неповторимые краски, запечатленные на картинах и убедитесь в этом сами.

Учредитель Сергей ПАШКОВ

Александр Соколовский

Родился 15.08.1969г. г.Магадан. Инвалид 1 группы (по заболеванию)

Стихи пишу с 80-х прошлого столетия.

В 1997г. в Магадане вышел первый сборник стихов «Мои настроения».

В 1998г. публиковался в московском сборнике «Душа птица вольная», в который вошли стихи лауреатов Всероссийских фестивалей творчества инвалидов.

2000г.- соискатель, 2002г.- номинант международной премии «Филантроп».

В 2011г. в Магадане вышел второй сборник стихов «Такой же, как все...»

2012г. Напечатан в американском русскоязычном издании «ИНТЕЛЛИГЕНТ».

2012г. Номинант национальной литературной премии «Поэт года 2012».(Стихира.ру)

2012г. Лауреат 1-го межрегионального творческого фестиваля славянского искусства «Русское поле».

2013г. Получил благодарность от министра культуры РФ.

На некоторые стихи композитор А.Нагаев написал музыку, и появились песни.

Периодически издаюсь в региональных газетах.

Постоянно участвую в фестивалях творчества людей с ограниченными возможностями.

Стихотворение «Такой же, как все...» читаю на всех выступлениях в обязательном порядке!

Почему? Думаю объяснять не надо.

Такой же, как все,
Только хромой
Или в коляске,
Или слепой,
С сердцем больным
Иль рукою дрожащей,
Или немой,
Или лежачий.
Пусть инвалид –
Но душа-то ЗДОРОВА!
И она говорит
Снова и снова
О добре, красоте,
О любви и о вере,
О том, что ЖИВА
В измученном теле.

Летят по небу облака,
Парят неспешно над землей,
Летят сквозь время, сквозь века
Туда, где летом и зимой
Хранят сердечное тепло,
Туда, где в темноте светло,
И где в звенящей тишине
Звучит молитва обо мне.

ПРИВЕТ ИЗ ДЕКАБРЯ

Апрель. Весна. И снегопад.
Вы не поверите, конечно.
Я сам бы ошибиться рад,
Но город белые одежды

Вновь примиряет на себя,
Опять деревья тяжелеют
И, как привет из декабря,
Растут сугробы на аллеях.

СЕГОДНЯ ВСПОМНИЛ ПЕТЕРБУРГ...

Сегодня вспомнил Петербург,
Неву, ростральные колонны.
Передо мной явились вдруг
Дворцы, музеи и соборы.

И разведенные мосты,
Что смотрят в небо по ночам.
Еще могильные кресты
И памятники тут и там.

Конечно, вспомнились проспект,
Хранящий времени следы,
И власть, которой больше нет,
Страна проклятий и мечты.

МАГАДАН – ЭТО ...

Магадан – это город судьбы.
Он рожден среди сопок и моря
Покорителями Колымы
Со слезами счастья и горя.

Это край морозов, ветров,
Область ярко палящего солнца,
Край прекраснейших берегов,
Маска скорби, решетка в оконце.

Это край золотого песка,
Ход красно-серебряной рыбы
И судно издалека,
И волны о серые глыбы,

Идущее время вперед,
Навечно застывшие “Сталинки”,
Народ, который живет
С надеждой, верой и памятью.

* * *

Мне больно за друзей,
Обидно за врагов...
И руки опускаются подчас.
Опять считать пытаются
Нас всех за дураков ...
Опять всё повторяется
Уже не в первый раз.

* * *

Несмотря на потертости фраз,
на банальность измученных слов
и на пошлость, что слышим подчас,
каждый день просыпаемся вновь!
Испытав падение и взлет,
Мы с разбега берем высоту
И с улыбкой идем вперед,
Позади оставляя черту,
За которой смятым листом
Догорают обиды и боль.
Мы знаем вкус меда во рту
Потому что отведали соль.
И ничей истерический ор

Или грязь злых языков
Не заглушат наш разговор,
Не изменят значение слов.

* * *

Морские волны разбиваются о камни.
И небо утопает в облаках...
И сердце говорит о самом главном...
И первый снег в моих руках
Уже растаял, навсегда...
И время будто бы вода...
И ручейки текут, текут
Туда, где верят, любят, ждут...

ВСЁ НИ ТО И НЕ ТАК ПОЧЕМУ-ТО...

Всё ни то и не так почему-то.
Повторение старых ошибок?
Я бегу по кругу, как будто
Лошадь скачет в забеге улиток.

И опять сам себя обгоняя,
Уношусь, уношусь в неизвестность,
Очень многого не понимая
Бьюсь в конвульсиях целую вечность.

* * *

Я бегу босиком по зеленой траве!
Жаль, что это лишь сон.
Жаль, что это во сне...

ЛИСТВА БЕРЁЗЫ ШЕЛЕСТИТ...

Листва берёзы шелестит.
Вновь разгулялся свежий ветер.
И в небе облако парит,
И солнце ярко, ярко светит.

И пенье птиц ласкает слух.
Природа согревает душу.
И тополя роняют пух,
Который им уже не нужен.

ВОТ ОНА...

Вот она - стройная, чистая, белая.
Зимой она упирается своими тонкими пальцами прямо в небо, а летом машет пролетающим мимо птицам. Весной она молодая – зеленая, а осенью – в золоте, умудренная опытом прожитого лета, расстается со своей листвой. Правда, красиво? Диво...
Ветер-р-р-р!!!
И она, изгибаясь, уже рвет свою кожу.
Черные полосы, как шрамы на ее прекрасном теле.
Она кланяется земле, но не кричит, лишь шепчет свою молитву.
Вот она – символ России.
Русская березка.

ВСЁ ПРОЙДЕТ...

Всё пройдет в этой жизни, все скроется,
Растворятся страданий туманности.
И на небе Священная Троица
Улыбнется сквозь слезы от радости.

Александр Сырченко

Живет и занимается творчеством в г. Магадане.

ШАМАНКА

Взвихренный мотив тунгусских песен
за шатром из шкур всю ночь не смолкнет!
Я с красавицей раскосой вместе
зелье пью, а бубен жжет и стонет!

А красавица моя, как здешний ветер,
вся порыв бунтующий, свободный,
ни одна так женщина на свете
не отдастся с дикостью природной!

Без одежд, подрагивает медно,
в столах плясок сумасшедших ноты!
Я люблю тебя, шаманка! Ведьма!
Маленькая ведьма, кто ж еще ты!?

Изогнулась вся, впилась мне в губы,
бедро в бедра, скачка животами,
сплетены мы жаркими телами,
точно в ритме запредельном бубны!

Судороги штормового неба,
гром, еще... и коготки под кожей!
Медленно рассасываясь, небыль
возвращает быль на наше ложе.

Я и ты, в бессилье сладострастном,
за шатром умолкла песен мука,
пал туман, тяжелый и гривастый
и уснул. Над Севером ни звука.

ВСТРЕЧА

Наколдует зима, нашаманит мороз,
напророчат игральные кости
день,
когда только Вы,
из далекой Москвы
прилетите к нам в гости.

И закружится Мир
у одной из квартир,
той, что в страхе обходят невежи,
где, забыв про грехи,
прочитаю стихи
Вам,
сидящей на шкуре медвежьей.

В порт наш, впаянный в лед,
караван не зайдет –
обезволило море под льдами.
И во власти все мы
рассомахи зимы,
что зависла в прыжке над домами.

А когда ото сна
Мир пробудит весна,
Вы умчитесь голубкой с балкона,
словно древним мечом
начертаю лучом
солнца стылого:
«Счастья Вам, Нонна!»

ПРОСВЕТЛЕННЫЙ

Солнце медленно тает по капле
золотистой, сочась в Океан.
Ветра нет, только машет на камне
опахалами крыльев баклан.

Отдыхают уставшие ноги,
им заказаны тропы назад.
Мы в монастыре все одиноки,
только я одиночеству рад.

Я для нынешней жизни оставляю
все, что свято когда-то берег,
и в далеких скитаньях восславлю
целомудрие диких дорог,

непорочную прелесть зачатая
перламутрово-розовых зорь,
и из черного бархата платья
безутешно задумчивых гор,

неприступную спесь Океана
и величие Солнца над ним,
и роскошную проседь тумана,
и бескрайности северных зим.

МОЙ КАТАРСИС

Волнуя грозной красотой,
в объятьях блещущих морей,
лежит мой Север предо мною,
в холодной скупоности своей.

Ветра вихрастые тугие -
раздули серый небосвод
и в переливы колдовские
преобразаться начал он.

Над темной кромкой горизонта
из райских вишен брызнул сок,
и солнца два луча-осколка
воткнулись копытами у ног.

В злаченные венцы оделись
верхушки просветленных гор,
а в море, далеко виднеясь,
горит скалы столетний горб!

Все высшим полнится движеньем,
весь мир предчувствием томим.
И я, пронзенный вдохновеньем,
дрожу, соприкасаясь с ним!!!

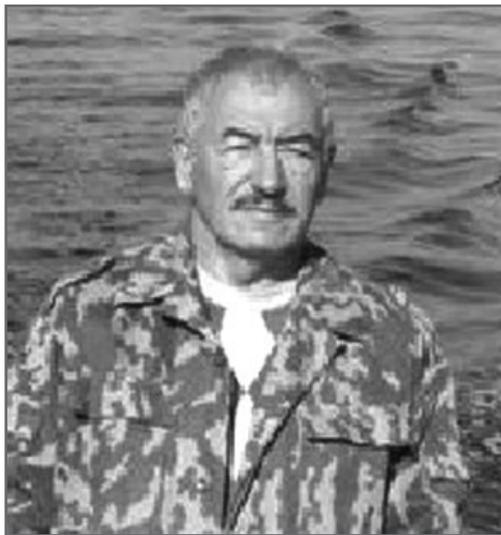
ЛЮБИМОМУ ГОРОДУ В ДЕНЬ ЮБИЛЕЯ

Магадан, Вам семьдесят и только!
Ваша тайна, как снега — нага:
наши судьбы, битые в осколки,
падали на Ваши берега.

И Любовь, и Ненависть и Вера
в ключья сердце рвали нам, когда
век двадцатый, тенью Люцифера,
наползал на мира города!

Стук кирки и шабер зэка в спину,
лик иконы, облики вождей,
обратит Господь обратно в глину
обесчеловеченных людей!

Но зерно до срока не нальется,
не погаснет золото Кремля,
а сейчас Осанна пусть поется
в честь твою, Колымская земля!

Евгений Сычев

Проживает в Магадане. Печатался в литературно-художественном общественно-политическом журнале территории «Колымские просторы». Является призером Конкурса короткого рассказа им В.М.Шукшина.

Автор этих рассказов в далеких 80-х годах прошлого столетия несколько полевых сезонов провел на Чукотке. Из них четыре года на острове Врангеля, начальником полевого отряда орнитологов, который в рамках международной программы изучал гнездовье белых гусей. Замечательным людям, чукчам и эскимосам с чувством глубокой благодарности посвящает автор эти небольшие рассказы, которые войдут в более расширенном формате в практически подготовленную книгу о Чукотке.

Отпуск на «материке»

О чем мечтает большинство колымчан зимой? Правильно, об отпуске. Особенно женщины. Во-первых, надоедает постоянный холод, отсутствие солнышка, во-вторых, можно ходить в легком платье, почувствовать себя свободной от домашних надоевших хлопот, в-третьих, есть возможность приобрести себе что-нибудь такое, отчего на работе просто ахнут. И, наконец, хоть немного побыть с мужем, который в Магадане вечно сбегает: то на охоту, то на рыбалку, то в гараж, а иногда вообще встречается непонятно с какими друзьями и приходит домой поздно и в изрядном подпитии. Надо еще вывозить на солнышко и на фрукты детей, а если они выросли — племянников, затем внуков. Да мало ли что надо сделать до отпуска и в отпуске — у настоящей женщины всегда хлопот хватает! И если у мужчин вся жизнь уместается в трех словах: родился, женился, помер, то у женщин она подразделяется на различные периоды, а каждый год тщательно спланирован и распланирован. И неважно, осуществляются ли ее планы на 100 процентов или на 50, могут и не осуществиться вообще (в чем, конечно, будет виновен муж) — главное постоянно стремиться вперед!

Поэтому, как только отгремят новогодние праздники — каждая магаданская семья начинает потихоньку готовиться к отпуску. Определяется маршрут, собираются деньги на билеты, уточняется состав отпускников, составляется первоначальный план дел, которые надо сделать в отпуске и, наконец, место, где просто можно позагорать, покупаться и предаться заслуженному безделью. Все это до боли знакомо каждому северянину.

Конечно, раньше было намного проще, билеты стоили дешевле, самолеты были одной авиакомпанией и за срыв рейса летели головы и должности. Ныне большое количество северян годами не может позволить себе такие сумасшедшие траты на отпуск, а те, кому раз в два года полагаются оплата билетов, тоже не уверены ни в своем начальстве, ни в многочисленных алчных авиакомпаниях, которые обещают всяческие блага вначале, но могут надуть в конце.

И, тем не менее, люди летают, а куда деваться? Ни паромом, ни поездом не добраться ввиду их отсутствия. Не на оленях же в Москву ехать. Их съешь, не доехав даже до Якутска. А если на собаках, то они съедят тебя. Вот и летаем самолетами, платим бешеные цены за билеты. Одно только радуется, что на материке считают, что у каждого магаданца в укромном месте стоит мешок с золотом. Хотя зарплаты в той же Москве и Петербурге в разы выше, чем у нас, но как это им объяснить, а главное — зачем?

Так и было с одной моей знакомой семьей в прошлом году.

Муж и жена — госслужащие, значит, раз в два года им оплачивали билеты в отпуск: туда и обратно. Правда, оплаченные отпуска у них не совпадали, но подкопить деньги на билеты одному много проще, чем двоим. А летать каждый год было необходимо, поскольку мать жены — Кира Константиновна, жила в Магадане, а мать мужа — бывшая фронтовичка Лидия Васильевна, которая перевалила 80-летний рубеж, жила в 100 километрах от Саратова.

Кроме того, у жены, как у всех магаданцев, в душе жила робкая мечта занять жилье на материке. Истинная горожанка, она и слышать не хотела о том, чтобы жить в селе, даже в районном центре, где обитала Лидия Васильевна. Нравилось ей Подмосковье, но там цены были вовсе запредельные, не говоря о самой Москве. У семьи имелись некоторые сбережения, но за них в Москве можно было в лучшем случае, если повезет, приобрести туалет, но не более. Но было все же решено на всякий случай накопленные деньги взять с собой. Чем черт не шутит, пока бог спит? Правда, жена непременно условием поставила захватить с собой в отпуск племянника Константина. У его матери — Людмилы, которая воспитывала его вместе с Кирой Константиновной, была однокомнатная квартира в Саратове. Она в ней не была уже более десяти лет и сдавала внаем. На вырученные деньги Людмила оплачивала коммунальные услуги, поэтому оставалось еще какая-то сумма, которая служила ей небольшим подспорьем к ее мизерной магаданской зарплате.

Билеты до Саратова и обратно приобрели в марте, относительно по божеской цене в компании — Аэрофлот. Приобретала их жена. То ли само название внушило ей ностальгические воспоминания, то ли довольно скромная, по сравнению с остальными цена, муж так и не понял. Не понравилось только то, что взамен ставшего для магаданцев почти родным аэропорта Домодедово, самолет прилетал в Шереметьево. Но жена сказала, что ей все равно какой аэропорт, главное билеты не такие дорогие, а что Домодедово, что Шереметьево — плевать, лишь бы до Москвы долететь! И, в конце концов, она главный бухгалтер в семье!

Три с половиной месяца пролетели незаметно. Правда, муж все-таки в мае взял десять дней отпуска и сбегал на весеннюю охоту. Особой радости по этому поводу в семье не наблюдалось. Но привезенные, по ее завершению, несколько гусей разрядили напряженность, и отлучник был благосклонно прощен.

За повседневными хлопотами наступило короткое, как первая любовь, северное лето и магаданцы, как гуси осенью потянулись на материк. В отличие от весеннего перелета птиц

в первом потоке у них было много молодежи – от орущих младенцев до школьников и студентов.

В аэропорту Магадана стоял обычный для летнего сезона ажиотаж. Толпы возбужденных пассажиров, усталые и все повидавшие сотрудники аэровокзала, густой запах копченой рыбы, икра на многочисленных прилавках, за которыми разбитые продавцы убеждали, что цена высокая потому, что у них рыба только вчера была поймана, за ночь завялена и закопчена. Эту картину знает каждый магаданец. Поскольку эти непременно подарки многочисленным родственникам и друзьям были приобретены заблаговременно, многие пассажиры, в том числе и наша знакомая семья, отнеслись равнодушно к завываниям продавцов.

Регистрация, а затем и посадка прошли на удивление без приключений. Только при посадке выяснилось, что мужу предоставлено место в первом салоне, а жене с племянником — во втором. Муж не возражал, поскольку первый салон отличался от второго более комфортными условиями. Жена, бросив на него пронизательный взгляд, тоже не стала качать права. Вскоре после взлета она пришла его проведать и, увидев рядом с ним молодую мать с двухлетним ребенком, который от избытка энергии орал и извивался в материнских руках, успокоилась и с чувством исполненного долга вернулась в свой салон. Вскоре принесли обед, который, как обычно, не отличался особыми кулинарными изысками, и пассажиры стали его поглощать, послушно выполняя расписание рейса. Муж съел все, выпил две чашки чая и попытался задремать. Но не тут-то было! Вредный малыш перестал орать. Вначале он делал все, чтобы помешать есть своей мамаше, затем обнаружил новый объект — девочку того же примерно возраста прямо сзади его кресла. Её родители дремали после обеда и не мешали ребенку наслаждаться самостоятельной деятельностью. Малолетний сосед мгновенно заинтересовался девичьей с куклой и попытался привлечь ее внимание. Она же, как и положено порядочной девушке, не реагировала на его усилия по завязыванию знакомства. За что и получила игрушечной машинкой по голове. Раздался рев и обидчик принял в свою очередь удар куклой. В результате сила рева удвоилась, а к детской разборке подключились молодые мамыши.

Сон мгновенно улетучился. Причем у всех пассажиров салона одновременно. К чести детей, пока их родители выясняли отношения, они успокоились и, похоже, даже понравились друг другу.

Так незаметно долетели до Шереметьева. У трапа муж, сошедший первым, встретил веселого племянника и свою жену с совершенно зеленым цветом лица.

— Что еще произошло? — спросил он у супруги.

— По-моему я зверски отравилась и сейчас меня опять тошнить начнет, — ответила она.

— Этого нам как раз не хватало для полного счастья, — озадачился муж.

Тем временем подошел автобус, и как только магаданцы в него загрузились, жена рванула на выход. Хорошо хоть нашла полиэтиленовый пакет, и водитель автобуса внял ситуации. В Шереметьево муж закупил в аптечном киоске активированный уголь и заставил жену съесть всю пачку.

Кое-как удалось добраться до Павелецкого вокзала и сесть на поезд, идущий до Саратова. Состояние жены особо не улучшилось. Лишь после лошадиной дозы левомитицина она немного забылась. В Саратове, когда магаданцы очутились в квартире, она напилась чая и рухнула в кровать.

— Ну, хоть с приключениями, но добрались, — подумал муж и после похода в ближайший магазин и кормежки племянника отключился сам.

Спустя несколько дней, магаданцы окончательно пришли в себя. Перестали ночью «колыхать» холодильник и спать днем, переоделись в легкую одежду и даже побывали на Волге, не смотря на жуткую жару.

Муж отправился ненадолго навестить свою мать, жившую в ста километрах от Саратова в районном центре с интригующим названием «Лысье Горы», а жена и племянник остались в городе.

Его мать – Лидия Васильевна, несмотря на преклонный возраст, чувствовала себя неплохо. Морозильная камера у нее была

забита собранной клубникой и смородиной. Почти ежедневно она собирала до ведра огурцов, которые умудрялись вырастить за ночь, и за день засаливала их по две трехлитровые банки. Так что скучать было некогда. В погреб у нее оставались еще овощи с прошлогоднего урожая – и соленые и свежие.

При Лидии Васильевне обитали еще кот Мурзик и пес Пушок, которых связывала такая крепкая дружба, что они, спасаясь от дневной жары, или от непогоды нередко спали вместе в собачьей будке. Ночью же кот гонялся за бабочками, жуками и мышами, а пес, как ему и было положено, нес охрану дома. Но все равно нередко за свои хулиганские выходки получали оба от хозяйки веником по мордасам, что, похоже, их особенно не огорчало. Отношения между ними начисто опровергали поговорку: «живет, как кошка с собакой». Так, наблюдая за поведением Мурзика, часто можно было видеть, как он, слопав свою порцию, нагло лез в миску Пушка и столовался еще и там, на что пес взирал с философско-отрешенной мордой.

Договорились, что после недолгого пребывания на Волге магаданцы придут в Лысье Горы уже в полном составе. После этого муж со спокойной душой вернулся в Саратов. За время его отсутствия жена полностью пришла в себя от общении с «хлебосольным» Аэрофлотом, встретила с некоторыми своими родственниками и даже стала улыбаться.

В самом городе стояла жара. Асфальт плавился, вслед за ним плавилась люди. Все, кто мог сбежать с работы, пропадали на Волге. Девушки ходили по городу едва прикрытые одеждой, загорелые, синеглазые до жути и разрисованные не хуже парней всевозможными татуировками. Парни вообще шлялись голые по пояс и в сандалях на босую ногу. Немногочисленные молодые люди в белоснежных рубашках, галстуках и черных брюках, видимо, представляли банковскую элиту города и, хотя по их лицам струился пот – изо всех сил держали свою марку.

Вечером город оживал, в скверах и дворах домов заметно прибавлялось народу, на лавочках сидели молодые мамыши с детьми и многочисленные старушки, которые обсуждали все и вся. Ближе к ночи их сменяли компании молодежи, а ночью, похоже, вылезали вообще темные личности – алкоголики и наркоманы. Они оккупировали лавочки и там куролесили до утра, поскольку рано утром симпатичные дворничихи бригадой выгребали из-под скамеек использованные одноразовые шприцы и стеклотару от дешевой водки и бормотухи.

Магаданцы, умаявшись за день, обычно наскоро ужинали и, лежа на диване, таращились в телевизор.

Так незаметно прошло несколько дней, как вдруг поздно вечером раздался телефонный звонок из Санкт-Петербурга от друзей, бывших магаданцев, у которых семья гостила в позапрошлом году. Супруга Ольга интересовалась – нельзя ли приехать на две недели с десятилетним сыном, который мечтает хоть раз побывать на Волге. Бытовые неурядицы их не волнуют, лишь бы нашлось, где переночевать. Ну, как тут можно было отказать в ее просьбе? Тем более в Магадане дружили семьями и жили в одном доме. Конечно, согласились сразу. Но на этом звонки не прекратились.

Лишь только положили трубку, проявилась Москва. Звонил Саша, высокопоставленный чиновник, в прошлом прокурор г. Люберцы, который неоднократно бывал в Магадане, в том числе и в их семье. Он находился в отпуске, ранее в молодости проходил срочную действительную военную службу в десантных частях в Саратове и после 15-летнего перерыва также мечтал приехать на Волгу, отдохнуть от столичной суеты. Было от чего задуматься.

— Да пускай едет, — сказала жена, — до кучи. Какая разница, одним человеком меньше, одним больше.

— И это правильное решение, — одобрил муж. В крайнем случае, гостей разместим в комнате, а я буду ночевать в ванной, как артист Леонов в фильме «Афоня».

Так что дали добро на приезд еще одного гостя. Тем более Саша обещал приехать через неделю, а Ольга с сыном должны были выехать немедленно. Решено было оперативно определиться с непосредственным местом отдыха на берегу Волги. Всего предполагалось два варианта отдыха. Вариант первый – снять дачу и обосноваться там всем табором, вариант два –

взять путевки в какой-нибудь пансионат или Дом отдыха.

Вариант два отпал сразу. Путевки стоили больших денег, их надо было брать на срок не менее месяца. Кроме того, платить вперед и сразу, что само по себе настораживало. А если вдруг случится непогода, что сидеть и смотреть из окна на дождь и случится Волгу? Через три дня все взбесится, а деваться некуда.

Первый вариант тоже проблематичен. Время оставалось в обрез, все саратовцы сами отдыхали на собственных дачах, кроме того, июль-август время массовых заготовок овощей и фруктов.

Но тут им неожиданно повезло. Дальняя родственница жены Татьяна оказалась владелицей дачи на Волге в 100 километрах вниз от Саратова. Дача располагалась в кооперативе «Писатель» в местечке с милым названием «Синенькие». Рядом находилась село Исеевка. Оттуда пошли корни генеалогического дерева мужа.

В нем родилась и провела детство бабушка Тая, у которой он воспитывался в Саратове и жил до переезда в Магадан. Естественно, очень хотелось взглянуть на места, где в начале прошлого века жила громадная старообрядческая семья его предков. Одних детей в ней было свыше десяти. Прадед Петр прошел тернистый путь от палубного матроса до капитана буксира. В царское время это была головокружительная карьера. По словам бабушки Таи, нрава был крутого и непомерной силы. При нем никто из детей за столом и слова проронить не смел. И не из-за какого-то страха, а от чувства глубокого уважения к отцу и кормильцу. О его силе ходили легенды.

Однажды после окончания навигации, раздачи жалованья команде, и празднования этого знаменательного события в трактире, прадед возвращался на пристань через саратовский затон, чтобы сесть на пароход и добраться в Синенькие, к семье. И надо же такому случиться, что в это время там сорвался племенной бык и, вырвав железное кольцо из носа, ошалев от боли, валял народ, который спасался, как мог от взбесившегося животного. Прадед и бык повстречались. Бык остановился в недоумении и стал рыть копытом землю, а прадед ухватил того за рога, повернул голову резко в одну, затем в другую сторону и сломал ему шею. Затем пнул рухнувшего быка ногой, выругался и пошел своей дорогой. Самое замечательное, что окончателно протрезвев дома, он никак не мог вспомнить, отчего у него так сильно болят плечи. Лишь после того, как из Саратова знакомые сообщили об этом прабабушке, она сама высказала свои соображения на счет того, что позволяют себе мужчины в нетрезвом виде, которые думают только о себе, а не о доме.

Каждую навигацию прадед Петя расставался с семьей и водил караваны барж по Волге. Лишь иногда, обычно поднимаясь с Астрахани, он давал два протяжных гудка и немного замедлял ход. Из их дома, стоящего на высоком холме в Синеньких по этому гудку старшие дети немедленно спускали лодку-двухпарку и в четыре весла выгребали на судовой ход. Там лодку чалили к борту буксира и на таях спускали мешки с мукой, крупами, сахаром, солью, бочки с маслом, сельдью, солониной и прочим провиантом. Между делом прадед интросовался, как дела дома, все ли здоровы и какой урожай в саду, огороде и бахчах. Затем звучала команда: «Отваливай!» и караван барж продолжал свой путь вверх по Волге, а груженная лодка шла в село, чуть не черпая воду бортами.

Прабабушка, статная красавица-волжанка, полностью посвятила себя заботам о хозяйстве и воспитанию детей, которых регулярно рожала с завидным постоянством одного за другим. Поскольку она была очень хороша собой, прадед поступал просто: как начиналась навигация – прабабушка была беременна, рожала к возвращению мужа очередного малыша, а на будущий год все повторялось. Когда детей родилось больше десятка – прадед успокоился, справедливо посчитав, что с таким выводком ее уже никто из дому не уведет во время его отсутствия. Кроме того, старообрядческая вера категорически запрещала прерывание беременности. Так что тут налицо было явное совпадение интересов и божественных и человеческих.

Прабабушка, в то время как прадед отсутствовал, одна управлялась с оравой детей и многочисленными хозяйственными заботами. Ей в этом деле помогали не только старшие, но даже самые маленькие дети. Например, во время сбора

яблок младший из детей, Николай, которого на правах старшей сестры пестовала бабушка Тая — и ходить то не мог, но ползал и собирал опавшие яблоки в корзину. Наемных работников в семье не было, хотя хозяйство было большое: две лошади, три коровы, свиньи, овцы, а домашнюю птицу вообще даже не считали. Хорошим подспорьем в питании семьи был еще громадный сад, большой огород и бахча, которые также нуждались в заботе и уходе.

Революция, война и репрессии железным катком прошли по семье, из детей уцелело только четверо.

Веселый спивающийся сельский пролетариат радостно спалил дом. Однако, доказать, что прадед был кулаком, а, следовательно, чуждым социальным элементом не удалось. И хотя наемных работников в доме не было, это в те времена особенно никого не волновало. Коли жил хорошо и богато – значит враг!

Село Синенькие и рядом расположенная деревня Исеевка все время переходили из рук в руки. Их занимали то красные, то белые, то анархисты, то просто бандиты. Всех объединяло одно — стремление чего-нибудь разрушить, отобрать лошадей, продовольствие и все, чего не успели утащить остальные. По пути через село насиловали женщин и изредка убивали мужчин.

Прадед к тому времени не обладал той могучей силой, которая снискала ему славу среди волжан, и поэтому решил просто – отправить дочерей в Саратов, дай бог, хоть там уцелеют. А сыновья выбрали себе дорогу каждый самостоятельно.

...К сожалению, никаких следов пребывания предков магаданцу в селе обнаружить не удалось. Да и от села осталось всего десятка два старых домов. Остальное место занимали дачи саратовцев, которые выгодно отличались добротностью постройки и ухоженностью.

До дачи магаданскую семью с приезжими гостями доставили на двух машинах. Дача оказалась двухэтажной, просторной с приличным садом и небольшим огородом. Хозяйка дачи – Татьяна выдала каждому постельные принадлежности, определила спальные места и сказала, что пока она без работы и если гости не возражают, то поживет с ними вместе и покажет, чем располагает. А похвалиться действительно было чем. Она имела две лодки, два японских мотора, прямо около дома была яма, в которой ежегодно разводились дождевые черви. Как оказалось, она помимо того, что все буквально горело в ее руках, являлась к тому же и заядлой рыбачкой. Подстать ей оказалась и её подруга – Нина, работник областной налоговой инспекции, которая появилась сразу после приезда гостей с двумя литровыми бутылками холодного пива. Оказалось, она тоже рыбачка и имела лодку «Казанку», которая досталась ей вместе со снастями от рано ушедшего из жизни супруга. Веселая, озорная дородная женщина, изо рта которой так и сыпались народные пословицы и поговорки – Нина моментально со всеми перезнакомилась. А напротив - располагалась дача, где был ларек с улыбочивой Наташей, у которой можно было затовариться продуктами, прохладительными напитками и «огненной водой» в любое время суток. Мрачное настроение у нее появилось только при виде собственного мужа - Евгения, совершенно свихнувшегося на рыбалке. Ради своей, пагубной, по ее словам страсти, он забросил дом, торговлю, дачу, да и саму супругу. На даче он появлялся иногда, и сразу же ехал в ночь ловить сомов, а затем утром уезжал в Саратов. Но, проклиная пагубную страсть мужа, Наташа в его отсутствие не прочь была и сама посидеть с удочкой, а жареную рыбу потребляла не хуже мяса.

Конечно, такое обилие рыбаков вокруг вдохновило приезжих мужчин. Магаданец достал свои снасти и стал готовиться к ночной рыбалке, остальные гости кто помогал хозяйке в готовке, кто просто бродил по саду, короче дело каждый нашел себе по душе. Юра – муж хозяйки дачи принял несколько рюмок, включил телевизор и под его бормотание сладко уснул.

Знакомясь со снастями Татьяны, магаданец обнаружил крупные крючки. Кованые, с оттянутым жалом и устрашающих размеров они были явно изготовлены лет сто назад. Он тут же засел за изготовление самодельного перемета, а мальчишек и Сашу заставил точить крючки.

— Такой крючок только тогда наточен достаточно, когда под своей тяжестью прокалывает кожу на тыльной стороне

руки, — вдохновлял он точильщиков.

Многочисленные соседи, которые вроде бы случайно заходили на дачу, слушали его с мистическим ужасом, глядя, как он, со зверским выражением лица, вяжет поводки с крючками на капроновом шнуре, толщиной в палец.

— А кто может попасться на такой крючок? — между делом интересовался Саша.

— Да кто угодно: сом, осетр, белуга, щука здоровенная, иногда и утопленник запутывается, — отвечал магаданец. Да и сам можешь влететь, если ушами хлопнешь. Ведь снасть браконьерская, ставят и проверяют ее глухой ночью, желательна на самом фарватере. Если рыба попадет крупная, то она лодку потащит, не то, что рыбака!

Вечером стали собираться на ночную рыбалку на сомов. Вышли на лодке втроем: Татьяна, муж Наташи и магаданец. Больше желания никто не изъявил, да и места в лодке было маловато. Браконьерскую снасть с собой брать пока не стали.

Как стемнело, стали на якорь и забросили спиннинги с наживкой из дождевых червей. Настораживало то, что встали почти на самом фарватере. Магаданец забеспокоился и настоял, чтобы отошли к берегу метров на 200. Беспечные саратовцы нехотя подчинились. Только закорились на новом месте, прямо по прежнему месту стоянки лодки с шумом прошла самоходная баржа. Но это никоим образом саратовцев не встревожило, более того, Евгений поведал, что однажды на него так чуть не наехало судно и пришлось отпихиваться руками от его борта.

— Матов я наслушался на два месяца вперед, — гордо заявил он, — но и я в долгу не остался, чего они рыбу ловить мешают!

В это время Татьяна что-то примолкла.

— А что это Татьяна затихла и её вроде совсем не видать? — спросил магаданец.

— Да спит она, видишь, на корме скорчилась, замучалась девка совсем, — ответил собеседник. Татьяна ввиду своей портативности лишь угадывалась под брошенной на корме телогрейкой.

Волга тем временем успокоилась, вода стала похожа на огромное зеркало, в котором отражались звезды и огни села Синенькие. Вскоре задремал и Евгений. Не спал лишь магаданец, у которого от этой красоты что-то шевельнулось в душе, и он на миг ощутил себя мальчишкой, у которого вся судьба еще впереди, все родные живы, а жизнь прекрасна и беззаботна.

Вдруг кончик одного из спиннингов два раза резко дернулся, и его повело вдоль борта лодки. Магаданец резко подскочил и почувствовал, как в глубине тяжело заходила рыба. Ногой он толкнул задремавшего напарника, тот мгновенно очнулся и схватился за сачок. Вываживали сома недолго, и вскоре он очутился в лодке. Весил он на взгляд килограмма три. Примечательно, что Татьяна проснулась, спокойно посмотрела на вытасканный сома, затем свернулась в уютный клубочек под телогрейкой и вновь задремала.

Больше поклевки не было, к утру посвежело и рыбаки засобирались домой. Сомы они гордо пронесли мимо дач. Ребятишки на их даче уже встали и с нетерпением ожидали их возвращения. А когда узнали, что единственного сома выловил магаданец, то пришли в буйный восторг и помчались за фотоаппаратами.

Татьяна буквально пинками высвободила своего мужа из объятий Морфея и заставила разделять рыбу. Тот, чертыхаясь, приступил к работе, но после двух рюмок успокоился и довольно сноровисто справился с порученной задачей, затем опять занял свое заветное место на диване у телевизора.

Жареного сома хватило на всех, еще и соседей угостили, а те, в свою очередь притащили холодного пива, к которому, кстати, пригодились вяленая корюшка и копченая кета. Так что завтрак затянулся и постепенно начал перетекать в обед. Тут выручили мальчишки. Им до смерти хотелось купаться. Солнце меж тем припекало все ощутимее, поэтому на Волгу отправились и дети и взрослые, за исключением рыбаков, которые завалились отсыпаться. Тем более, что рыбацкая честь Магадана не была посрамлена.

Правда, спали недолго. Соседка Наташа, выждав час-другой, начала будить мужа и пытаться заставить его трудить-

ся на даче. Делала это она весьма бурно, сопровождая свои действия довольно крепкими выражениями по поводу его самого, родни до пятого колена, проклятой рыбы и проклятой ее собственной жизни.

От этих приставаний Евгений рассвирепел и, прихватив ранее пойманных трех сомов из холодильника, быстро укатил в Саратов. А наступившая сумасшедшая жара (плюс 40 в тени) не позволила спать остальным. Самый стойкий оказался Юра. Он изредка просыпался, брел к холодильнику, выпивал рюмочку, аппетитно хрустел холодным соленым огурчиком, вновь ложился и мирно засыпал перед орущим телевизором. Иногда он звал Татьяну.

— Таня! — кричал он, — чай принеси!

— Хорошо, милый, — тут же отзывалась она.

— А сахар положила, — через некоторое время опять кричал он.

— Положила, дорогой, — откликнулась заботливая супруга.

— А размешала?

— И положила, как ты любишь две с половиной чайной ложки и размешала, не волнуйся, уже несусь!

Народ тихо подыхал от смеха, слыша этот диалог. Через некоторое время, Юра опять вопил.

— Таня! Иди скорее сюда!

— Ну что мое горе, опять чаю хочешь?

— Нет, испугай меня!

— Это еще зачем?

— Я икать начал и остановиться не могу!

— Да как же я тебя испугаю?

— Ну, придумай что-нибудь, ведь ты у меня умная!

И Татьяна, давась от хохота, шла пугать мужа.

— Топор захвати, — на полном серьезе советовал ей магаданец, — тресни хотя бы обухом по кровати, враз или перестанет, или уже будет икать всю оставшуюся жизнь.

Вообще народ в дачном поселке в жару впадал в оцепенение и оживал только к вечеру. Только у Наташи бойко шла торговля прохладительными напитками и сладостями. Во дворе ее дачи под большим навесом располагался громадный стол, за которым почти всегда сидела компания из ее многочисленных подруг и пила то чай, то пиво, то квас. Когда она успевала принимать гостей, работать по даче, торговать, да еще и готовить — уму непостижимо. А поскольку ее жалобы и претензии, в основном, приходились не в свой адрес, а были направлены в сторону окончательно свихнувшегося рыбака — мужа, то этим как бы устанавливалось динамическое равновесие в ее повседневной жизни.

За ее столом собирались иногда прелюбопытные личности. Там магаданцы и их гости познакомились с настоящим бандитом. Толик, так он отрекомендовался, был хозяином шикарной дачи с прекрасной баней и бассейном, обладателем красавицы жены и двух мальчишек сыновей. Днем он на своей даче практически не бывал, а прочно обосновался за столом у Наташи. Выше среднего роста, худощавый, с многочисленными следами пулевых и ножевых ранений он был даже по — своему красив какой — то особой, слегка хищной красотой.

Магаданец и его гость Саша быстро сошлись с ним. Узнав, что у магаданца был период в жизни, когда он служил в войсках специального назначения, а Саша — бывший десантник, Толик неожиданно бросился обниматься.

Оказывается, он служил в горячих точках в подразделении краповых беретов. За период своей службы он нахватался там и наград и приключений по горло. А когда вышел на «гражданку», то неожиданно понял, что никому особо не нужен. К тому времени ушел из жизни отец, тяжело заболела мать, на руках оказался еще брат — подросток. Средств к существованию в семье практически не было. Специальности у Толика, кроме умения грамотно убивать, также не имелось. Поэтому он отправился к бандитам и попал как раз в то время, когда активно шел передел собственности и сфер влияния в Саратове. Криминал активно во всем этом участвовал.

Естественно, Толик с ходу включился в теневую жизнь города. Тем более, что знания и боевой опыт, приобретенные им за время службы в спецназе при многочисленных бандитских разборках. Резкий, недоверчивый, жестокий — он стал довольно быстро продвигаться наверх. Не об-

ходило и без всевозможных подставок и угроз. Дважды его просто хотели убить, всего изрезали ножами, но он выжил, вычислил своих врагов, отомстил им и забрал их сферы влияния под свой контроль. Потекли деньги, вначале не такие уж и большие, затем немалые. Он стал понимать, что их надо разумно вкладывать. Тем более, что передел собственности завершился, все более — менее крупные бандитские авторитеты стали вкладывать средства в недвижимость, производство и сферу потребления. То о чем кричал Егор Гайдар, что надо, чтобы создавался как можно быстрее класс собственников, и ему безразлично, откуда они будут брать средства, стало с его легкой руки воплощаться в жизнь.

Толик женился, обзавелся жильем, машиной и дачей, короче, стал постепенно превращаться в нового русского. Но прошлое продолжало напоминать о себе дикими головными болями, разболтанной психикой, неожиданными всплесками дикой агрессивности. Он даже побывал у «Кутанина», так по имени знаменитого городского психиатра саратовцы нарекли областную психиатрическую лечебницу. Да и криминальное наследие не давало покоя. Надо было волей—неволей поддерживать контакты в преступном мире, чтобы не оказаться в положении очередной жертвы в акульих зубах свежеевленных «бизнесменов», а это тоже требовало тонкого расчета, постоянной готовности к любой пакости и, отнюдь, не настраивало на благодушный лад.

Радовали дети, два сына, но с их появлением усилилась боязнь за семью в целом. Поэтому только на даче, в кругу близких он чувствовал себя в относительной безопасности, и душу несколько отпускало. Но, с одной стороны поделиться своими проблемами с семьей, по вполне понятным причинам он не мог, да впрочем, и не особо стремился. С другой стороны он нуждался в собеседнике, который не имеет к нему материальных претензий, но может его спокойно выслушать, а может быть и что—то дельное посоветовать.

Поэтому Толик страшно обрадовался нечаянному знакомству, и каждый день буквально дежурил у Наташи, закупая пиво упаковками и ожидая встречи с гостями из Магадана, Москвы и Санкт-Петербурга. Но женщины его несколько стесняли, поэтому он особенно был рад посидеть втроем в чисто мужской компании.

— Вот видите, — говорил он, — все-таки есть польза от демократии! Например, сидим мы за одним столом. Один бывший прокурор, другой — бывший офицер, а сегодня юрист, я в прошлом спецназовец и бандит, а сейчас предприниматель. И спокойно беседуем, а в советское время можно было о подобном даже мечтать?

— В советское время, таких как ты я посадил не меньше сотни, — потягивая пиво, хладнокровно заметил Саша. Да и ты уцелел на свете чудом. Пора за ум братья, видишь, какие у тебя парни замечательные растут! Им что, отец — бандит нужен?

— Да нет, конечно, — отвечал тот, — я им сам бошки пооткручиваю, если замечу, что они в криминал полезут.

Магаданцу вся эта ситуация до жути напомнила известное произведение Марио Пьюзо — «Крестный отец». Только с саратовской спецификой. Тем более, что буквально на следующий день Толик пригласил его одного на дачу, где он получил конкретное предложение переехать в Саратов и принять официальную должность советника. Причем вопросы квартиры, машины, гаража и оклада было обещано решить немедленно. Было бы желание с его стороны.

— Понимаешь, — говорил ему абсолютно трезвый Толик, — мне нужен советник в моих делах, которому бы я мог доверить интересы и дела и семьи. Я не верю никому из своего окружения. Я верю, что ты меня не предашь. Это мое единственное условие. А если что со мной, не дай бог случится, то и о семье смог бы позаботиться. А о деньгах не думай — это мусор и мне их не жалко!

Магаданец обещал крепко подумать, чтобы не обижать отказом сразу, хотя будь на его месте другой, может быть, и не отказался. Да и с Магадана на историческую Родину пока не сильно влекло. Странно, но в душе шевелилась жалость к Толику. Видимо, не зря говорят, что богатые тоже плачут! И какая у него жизнь? Ждать, когда тебя грохнут конкуренты,

изувечат жену и может быть, похитят детей? И вся твоя с виду благополучная жизнь рассыплется, как карточный домик.

Саша просто посмеялся от души, когда он с ним поделился. Его больше волновал вопрос, удастся ли ему половить рыбу в Волге. Чтобы доставить ему удовольствие, на следующий день вышли на рыбалку на моторной лодке на «Карибы». Так местные дачники называли песчаные острова среди Волги, которые густо поросли небольшими деревьями, в основном ивами. Некоторые островки были так тесно расположены друг к другу, что проходы между ними знали только заядлые браконьеры, которые ставили здесь многочисленные сети и вентеря. Проверять их чужому человеку было небезопасно, поскольку с неподалеку расположенной лодки с якобы мирными рыбаками — поплавочниками можно было запросто получить или заряд дрови, или в лучшем случае по физиономии.

С вечера накопили червей, проводили в Саратов супругу магаданца с Ольгой, которые взяли с собой не без некоторого сопротивления мальчишек, слегка отметили их отъезд, приготовили снасти и легли спать.

Выехали рано утром, лишь только начало светать. От Волги, спокойной и ровной, будто ее всю ночь проглаживали гигантским утюгом, потягивало прохладой. Для Саши, поскольку он был белокожий, на всякий случай захватили простыню. Сам он надел еще футболку. Остальные: магаданец, Татьяна и Нина в одежде не нуждались, кроме кепок и купальников на них ничего не было. Кроме того, женщины еще с весны были загорелые, как мулатки, а магаданец смугл от природы.

Волгу, вернее ее фарватер, пересекли без особых приключений и вошли в сеть рукавов. Было уму непостижимо, как Татьяна находила проходы между островами, но, тем не менее, она уверенно управляла лодкой и та буквально кралась меж камышей. Они, вместе с низко нависшими ветвями деревьев буквально лезли в лодку. Саше досталась нелегкая задача: он оберегал удилица с лесками. Делал это старательно. Ложился на них буквально грудью, при этом исцарапался сам и все-таки умудрился оторвать одну леску вместе с крючком, грузилом и поплавком, от чего всерьез расстроился. Его утешили, поскольку взяли с собой запасные снасти.

Еще доставали утки. Осень выдалась жаркой, и утки умудрились загнездиться второй раз. Они плавали вместе с хлопунцами и уже вставшими на крыло утятами из первого выводка. Поэтому открытие охоты на них сдвинули на две недели позднее, чем обычно и похоже утки совсем обнаглели и перестали даже прятаться в камыши при виде лодки. Особенно их поведением возмущался магаданец, как заядлый охотник.

— Это же надо так себя вести, — бурчал он, — даже на Чукотке утки, за исключением, пожалуй, морянки и гаги до такого состояния не опускаются! Так те хоть рыбой воняют! и охотники на них патроны жалеют. А эти совсем обнаглели!

Саша и рыбачки, отвернувшись, молча давились от хохота.

Наконец лодка вырвалась на небольшой плес и уткнулась носом в заросший травой берег. Течения почти не было, и вода была на удивление прозрачной. Было видно заиленное дно, невысокие заросли водорослей и стайки мелкой рыбешки.

Меж тем солнце уже поднялось высоко и стало отчаянно припекает. Сразу захотелось пить. Предусмотрительные женщины захватили с собой холодный сок и минералку, на которые набросился Саша.

— Не пей много, козленочком станешь! — заметил, глядя на его жадные глотки магаданец.

— Скорее не козленочком, а козлом, — мгновенно среагировал тот. Тебе что, воды для друга жалко?

— Да не жалко, просто она мгновенно через пот выйдет, а пить еще больше захочется. По себе знаю, когда по степям и полупустыням студентом шлялся.

— А за козла ответишь! — со смехом заметила Татьяна.

После этого достали червей, размотали удочки, привязали новую снасть взамен утерянной, наживили крючки, и каждый забросил снасть в свой сектор, в душе уверенный, что у него червяк самый живой и вкусный. Плохо только, что рыба этого не знала. Она наотрез отказывалась клевать, будто всю ночь ела, а теперь завалилась спать.

— Нина, ты помнишь, в прошлом году в это же время и на

этом же месте какую сорогу мы с тобой таскали? — сказала Таня. Каждая грамм по триста. А сейчас она куда подевалась?

— А черт её знает, откликнулась та, — может быть, на самом деле облопалась, а может, как и мы от жары подыхает.

— Ей бы сейчас пивка холодного в рот залить, — мечтательно заметил Саша, враз бы оклемалась и интерес к жизни почувствовала.

— А на закуску потного мужика, вроде тебе и меня, — включился в разговор магаданец.

— Похоже, потные мужики никому не нужны, даже рыбе, — подсекая первую рыбку, проговорила Нина. Ловись рыбка большая и огромная!

Но больших, тем более огромных, что-то не было. В основном вяло клевала всякая мелочь. Да и она куда-то подевалась к 11 часам утра. Лишь близ зарослей камышей, метрах в тридцати от лодки пару раз крепко плескануло.

— Наверное, щука досыта не наелась, — предположил магаданец.

— Не обязательно щука, — сказала Таня, — может быть и окунь крупный или сазан. Правда я не слышала, чтобы кто-то сазана здесь на удочку поймал, но в сети влетают иногда такие поросята, что мама дорогая, умучаешься их потом выпутывать.

Меж тем жара навалилась нешуточная. Сашу, несмотря на отчаянное сопротивление, все-таки заставили прикрыться простыней, поскольку руки и особенно ноги у него приобрели багровый оттенок. Он стал похож на огромное привидение из фильма про Карлсона. Остальные изредка окунали в воду и надевали на голову мокрые бейсболки, которые мгновенно высыхали. Сидеть стало не интересно, и компания засобиравшись в обратный путь. Только магаданец пристально глядывался в воду.

— Ты там кого увидел, — ехидно поинтересовался Саша, — русалку или водяного?

— Русалок у нас и на борту хватает, ты посмотри, какой здесь косяк окуней балдеет.

В воде на самом деле видна стая крупных окуней. Они стояли, лениво шевеля плавниками, и с явным отвращением таранились на крючок с извивающимся червяком.

Нина профессионально перебросила свою удочку, и ее червяк оказался прямо возле носа окуня. Тот оглядел червяка и презрительно от него отвернулся. Тогда она слегка потянула леску на себя, и червяк опять придвинулся к носу окуня. Тот буквально шарахнулся от наживки. Стая окуней, казалось, с вялым интересом наблюдала за этими потугами рыбаков, но с места ни один из них не двинулся.

— Явно обалдели от жары, — заметила Татьяна, — их тут без толовой шашки хрен возьмешь!

Рыбаки молча с ней согласились и начали собираться. Татьяна завела двигатель и лодка уверенно стала выбираться из лабиринта островов. На обратном пути неожиданно обнаружили оторванный утром кусок снасти с поплавком, грузилом и крючком.

— Хоть маленькая, но радость, — хмуро заметил Саша.

На него было больно смотреть. Видимо, простыня от ультрафиолетовых лучей яростного солнца защищала также как, ковбойская шляпа от ядерного взрыва. Все тело, особенно руки и ноги казались свежесваренными.

Пакость, как известно, не приходит одна — лишь только вышли на основное русло реки, отказал двигатель. Нет, вообще — то он заводился, но, поработав несколько секунд, замолкал. Возможно, теплая вода его совсем не охлаждала, а может быть, у него были свои собственные причины. Но лодка не шла — хоть убейся!

Магаданец взирал на это безобразие, и похоже терпение у него совсем лопнуло.

— Татьяна, перестань ты его терзать, давай я сяду за весла, так быстрее домой доберемся, — рявкнул он.

Так и сделала. Лодка медленно двинулась, магаданец размеренно махая веслами, завел песню про Стеньку Разина, но остальные почему-то не подпевали. С переправой через Волгу повезло, поскольку на судовом ходу пароходов почти не было. Когда до берега оставалось метров 700, их догнала

большая лодка полная веселых пассажиров, которые начали орать что-то издевательское. Видимо при этом следовали поговорке, что нет большей радости, чем глядеть на горящий дом соседа! И внезапно, как на грех, у них самих заглох двигатель.

— Дохихикались, гады, — мстительно промолвила Нина.

На большой лодке засуетились, сели за весла четвером и попытались обогнать рыбаков. Но не тут-то было. Магаданец перестал орать песни, посуровел лицом и уперся крепче ногами в переборку. Так обидчикам и не удалось догнать рыбаков. С берега отдыхающие дачники с интересом следили за стихийно возникшими лодочными гонками. Когда лодка рыбаков уткнулась носом в берег, то толпа отдыхающих бросилась к ним, и лодку буквально на руках вынесли на берег.

— Ребята, молодцы! — кинулся обниматься какой-то лохматый мужик, — я благодаря вам ящик пива немецкого выиграл. Пойдем к Наташке — угощай!

— Чуть попозже, — скромно откликнулся магаданец. Надо хоть немного себя в порядок привести!

На том и договорились. Саша по дороге домой заметил, что если бы его посадили на весла, то сейчас бы он находился уже в реанимации.

— Я вообще не понимаю, как можно грести без отдыха в такую жару, да при этом еще и песни горланить! — с тяжелым вздохом промолвил он.

— Да ничего особенного, — откликнулся магаданец. Я ведь на Волге вырос, занимался греблей, даже первенство города однажды с другом на каноэ двойке выиграли на десятикилометровой дистанции. И на чемпионате России удалось побывать. Правда, не повезло мне там — весло сломал на старте. А подготовлен был хорошо, на прикидках мастерское время выдавал!

Когда пришли домой, то Таня за полчаса сварганила обед. С наловленной рыбешкой возиться не стали, сложили в один пакет и запихали в морозильную камеру. После обеда засобирались пить пиво, тем более, что радостный мужик уже прочно обосновался у Наташи за столом и с нетерпением ожидал компанию. Саша отказался и лег спать, хотя Таня предлагала обожженные места намазать сметаной.

— Не надо, — застеснялся он, — а то придете навеселе и еще меня зажарите на ужин, прямо как карася в сметане.

Это, как оказалось, и явилось его большой политической ошибкой. К вечеру на местах ожога выросли огромные пузыри, и он почти не мог ходить. Вдобавок поднялась высокая температура. Женщины перепугались. Да еще Нина сказала, что в этот день на солнце температура была +50 градусов по Цельсию. Поэтому все силы были брошены на его спасение. Ночь решили пережить, а утром переправлять его в Саратов, тем более, что подходил срок его возвращения в Москву.

Побегав по поселку, женщины разыскали противоожоговую мазь, широкие бинты, жаропонижающее и договорились насчет машины до Саратова. Они рьяно взялись за лечение больного: заставили его выпить пригоршню таблеток, нанесли на волдыри мазь и обмотали его конечности бинтами.

— Зря вы так хлопочете, — находил в себе силы шутить Саша, — лучше помогите уйти из жизни спокойно, пусть, в крайнем случае, меня друг добьет и прикопает на высоком берегу великой реки.

— Да я не против, — вторил ему магаданец, — но как быть с его величеством Законом. У нас в стране ведь эвтаназия законодательно не закреплена. Поэтому, как пить дать, меня привлекут наши любимые правоохранительные органы. Сам, как бывший прокурор, должен понимать. Лучше всего тебе самостоятельно утонуть. Но весь поселок уже знает, что ты заболел, поэтому сразу же догадаются, что тебе помогли. Ведь не топить же тебя, как котенка вблизи берега! И кто поверит, что ты в одиночку спустил лодку и поехал топиться. Да и лодку жалко, унесет ее вниз по течению, а на чем тогда на рыбалку ходить?

— Спасибо, друг, — с чувством отвечал больной, — я знал, что в тебе юриста больше, чем простого человеческого сострадания!

— Нашел, у кого искать сострадания — у юриста, и кто

— бывший прокурор! — отвечал тот, — тяжело заболел, так нечего небо копить, пора, как чукчи говорят, уходить к верхним людям. Только я тебе в этом деле не помощник — пиши прощальную записку и совершай насилие над собой самостоятельно. Так и быть листок чистой бумаги и авторучку я тебе принесу. А затем с отпечатками твоих пальчиков аккуратно упакую в полиэтиленовый пакетик и лично передам следователю. Что ему бедному голову ломать в поисках прямых улик. Скорее хоть дело закроет, и раскрываемость у него квартальная повысится.

Но шутки шутками, а ходить Саша почти не мог. Утром, они с магаданцем тепло попрощались с соседями и Татьяной и отбыли в Саратов, где их встретила жена магаданца. Оля с сынишкой уже уехали домой, поэтому в квартире было относительно просторно.

Вначале она напала на мужа, обозвав его извергом, которому нельзя доверять порядочных людей: уж если не погубит, то изуверит обязательно. Заодно прошлась по мужчинам вообще, которые ведут себя всю жизнь, как маленькие мальчишки, и только притворяются взрослыми.

Сашу уложили в кровать, настрого запретив даже ворочаться с боку на бок. Поручили племяннику присматривать за ним. Жена принялась готовить обед, а мужа погнала в аптеку, написав ему подробную инструкцию чего и в каком количестве купить.

Поскольку температура у больного отсутствовала, то врача вызывать не стали. Ноги и руки обильно намазали противомозговой мазью и заставили Сашу лежать перед телевизором. Через три дня ему надо было возвращаться в Москву.

Все время до самого своего отъезда он пролежал в кровати, и ему стало заметно легче. По крайней мере, в вагон поезда он вошел без посторонней помощи. А поскольку в Москве его должны были встречать, то магаданцы немного успокоились. Доехал Саша до Москвы, без приключений и после сверхактивного отдыха очутился, наконец, дома. Думается, что этот отпуск он запомнил надолго.

А у магаданцев после отъезда гостей начался новый этап.

Пока мужчины героически ловили рыбу и ставили на себе эксперименты по выживанию в пятидесятиградусную жару, жена магаданца лихорадочно листала многочисленную прессу, посвященную вопросам обмена, сдачи и приобретения жилья. Обнаружилось, что цены на жилье в Саратове растут примерно такими же темпами, как и в Москве. Они, конечно, не такие запредельные, как в любимой столице, но по саратовским понятиям тоже зверские. Так что с жалкими магаданскими накоплениями даже на однокомнатную квартиру типа «хрущобы» не хватит, не говоря уже о новой в хорошем районе. Все это было грустно. Но внезапно появилась надежда. В виде ипотечного кредита.

В Энгельсе, бывшей столице республики немцев Поволжья, который располагался на левом берегу Волги, напротив Саратова, строился элитный район, недалеко от городского пляжа. И цена двухкомнатной квартиры чуть превышала полтора миллиона рублей. Причем в состав холдинга входил немецкий банк, который предоставлял кредит до 75 лет под 12% годовых, предприятия стройиндустрии, на которых изготавливались железобетонные панели типа «сэндвич», и строительная фирма «Кронверк», которая непосредственно осуществляла постройку 10-ти и 20-ти этажных домов.

Магаданцы помчались смотреть уже построенные дома. Они были прекрасны. В 150-ти метрах от городского пляжа, утопал в зелени микрорайон «Покровский берег», рядом трасса Энгельс — Саратов с остановкой троллейбусов и автобусов. Вначале решили выбрать квартиру с лоджией, выходящей прямо на Волгу на третьем этаже. Но после звонка в Магадан и совещания с сыновьями решено было брать квартиру на десятом этаже, чтобы был настоящий вид и на Волгу и на Саратов. Но пока решали, эту квартиру скупил пронирыливые москвичи. Пришлось согласиться на примерно такую же, но с двумя лоджиями, с которых отлично просматривались верховья и низовья реки. Утешало, что стоимость ее была ниже, и восход солнца можно было встречать на кухне, а закат в спальне.

Это был шанс! Несколько осложненный тем, что один из вкладчиков должен был иметь саратовскую или энгельскую регистрацию. Но, казалось бы, эта мелкая деталь и оказалась камнем преткновения. Никто из друзей и родственников не хотел помочь магаданцам. Они в толк не могли взять, что ничем не рискуют и в случае несвоевременной выплаты ипотечного долга квартиру банк просто заберет её себе, а в долговую яму их никто бросать не будет.

Потребовалось для того, чтобы убедить их в том, что риска для них не существует вообще, прибегнуть к таким веским аргументам, как литровая банка красной икры и пять тысяч рублей.

Возникла и еще одна проблема. Надо было срочно предоставить в банк справки о здоровье. Казалось бы, у магаданцев, как у госслужащих со здоровьем проблем не было. Но сроки! Выход был предложен служащими банка. Они порекомендовали обратиться в хозрасчетную поликлинику и получить справку там. И вот по сорокапятиградусной жаре магаданцы помчались оформлять справки. У жены здоровье оказалось в порядке. Но когда врач замеряла давление у мужа, то изменилась в лице. Давление у того явно зашкаливало.

— Что делать? — спросила она, — По идее я должна срочно отправить вас в больницу.

— Да Вы что! — подскочил на месте муж, — у меня при виде каждой симпатичной женщины давление подскакивает, да еще жара такая бешеная, а мы из Магадана.

— Ладно, — согласилась врач, — беру грех на душу. Идите в процедурный кабинет, вам сделают укол и если давление в течение десяти минут не снизится, то не взыщите.

После укола давление снизилось, а врачебный грех удалось легко снять коробкой конфет и энной суммой. В результате справки были выданы. Таким образом, оба магаданца оказались на редкость здоровыми. Но жена, тем не менее, накупила лекарств для снижения давления и японский приборчик для ежедневного контроля.

Лишь после этого ипотечный кредит был оформлен полностью. Правда, квартира должна быть сдана в начале 2009 года и как сейчас заведено, без отделки, но сердце у жены магаданца стало биться ровнее, поскольку в довольно близком будущем появилась перспектива занять приличную квартиру в шикарном, экологически чистом месте. И это можно было рассматривать и как долгожданное материковское жилье на момент наступления настоящей старости и как выгодное помещение капитала. Не зря же захапистые москвичи скупали строящиеся в этом микрорайоне квартиры десятками!

На радостях магаданец поехал с племянником в роскошный охотничий магазин и купил импортное ружье-автомат «Бинелли» стоимостью более пятидесяти тысяч рублей. Жена вначале обомлела от такой покупки, но, справедливо полагая, что за квартиру выплачено во много раз больше и вообще все мужчины — это большие дети, — сменила гнев на милость.

Остаток отпуска в Саратове прошел прекрасно. Почти каждый день семья валялась на городском пляже в Энгельсе и смотрела на строящийся свой дом. После купания ехали домой в Саратов, по пути выбирали арбуз по смехотворной для Магадана цене три рубля за килограмм, накупили еще овощей и фруктов и устраивали ужин. А утром после завтрака все повторялось.

Добирались до Магадана без особых приключений. И если из Саратова отъезжали в жару, то примерно на полпути до Москвы зарядил дождь, а сама столица встретила таким откровенным холодом, что не хотелось никуда выходить из дома. Благо, что до вылета в Магадан оставалось всего три дня.

До северной столицы Колымы долетели на удивление быстро. В самом Магадане было ясно, солнечно и холодно.

Друзья и родственники одобрили результаты отпуска. Да сама магаданская пара считала, что в отпуск съездила не зря. Муж жалел только, что зверский перемет с огромными крючками опробовать в деле не удалось.

Но что за жизнь без надежды? Будет новый отпуск, и будут новые свершения. Уж кто-кто, а магаданцы на них всегда готовы!

Творчество Колыма

Дорогие авторы и читатели «Интеллигента»! В наших изданиях мы часто знакомим вас с художниками довольно высокого профессионального уровня, однако всегда признаем, что в любом виде искусства были, есть и будут талантливые «самородки». Сегодня я с удовольствием представляю вам интересного и самобытного художника из Магадана Николая Секушина. Рад, что его талант не только был замечен, но и поддержан местными властями. К Николаю у меня несколько вопросов.

- Здравствуйте, Николай. Я знаю, что Вы в свое время были активным охотником и рыболовом, то есть добытчиком. Что же с Вами случилось, что Вас привело к желанию заняться творчеством?

- Здравствуйте Сергей! После окончания института я устроился работать охотоведом. Времена в лихие 90-е и начало 2000-х были очень не простые и, конечно, охота в малой степени помогала немного сводить концы с концами. Но самым интересным было то, что приходилось подолгу находиться в охотничьих угодьях в разное время года, наблюдать ледоставы перед зимой, ледоходы весной, часто приходилось пережидать долгую пургу в охотничьей избушке и кормить разномастного гнуса летом. Всё это помогло мне взять в руки кисть и попробовать изобразить свои впечатления на холсте.

- А как Вы думаете, существует ли связь между тем, что впитывает в себя человек при жизни, и тем, как и что он изливает в своем творчестве? Например, тот же Айвазовский жил у моря, любовался им и, естественно, свои картины посвящал именно водной стихии.

- Связь есть обязательно. Более того, чем больше начинаешь заниматься живописью, тем больше начинаешь замечать разные мелочи в окружающем нас мире природы. Например, цвет моря в разное время суток, как растут ветки на разных деревьях, как отражается мир в обыкновенной луже, какой становится снег весной, каким цветом тени от деревьев на снегу и все увиденное хочется сразу изобразить на холсте.

- Николай, а как близкие Вам люди отнеслись к Вашему увлечению живописью? Ведь довольно часто родственники не только с непониманием относятся к этому, но иногда требуют покончить с таким «хобби» и найти обычную работу.

- Сергей, в самом начале мои близкие были единственными людьми, кто давал оценку моему творчеству. Благодаря им я и стал выставлять свои работы на всеобщее обозрение, даже более профессионально стал подходить к созданию работ. На сегодняшний день все также первыми оценивают мои работы родные и близкие.

- Если творческий человек отражает бытие, где он и проживает, то будет ли это интересно и поучительно для людей, проживающих в других краях и странах, нужен ли такой обмен творчеством?

- Конечно, я с большим удовольствием смотрю по интернету работы художников из разных уголков нашей страны и других стран, что-то подчеркиваю для себя, чему-то учусь. По работам многих художников практически безошибочно можно угадать из каких они мест. Художники с Кавказа или Алтая пишат горы, с Крыма замечательно передают морские мотивы, в средней полосе России замечательные сосновые боры, и так до Камчатки.

- Как известно, Колыма — довольно суровый край, находите ли Вы для себя и своего творчества тут насыщенные сюжеты, яркие краски и гармоничные черты?

- Мне очень нравится Колымская природа в любое время года, особенно красивая бывает осень, я стараюсь в это время больше находиться на природе, чтобы «накопить» впечатления на долгую зиму.

- Николай, расскажите о приемах в Вашем творчестве, есть ли у Вас, так сказать, свой «конёк» или авторская изюминка?

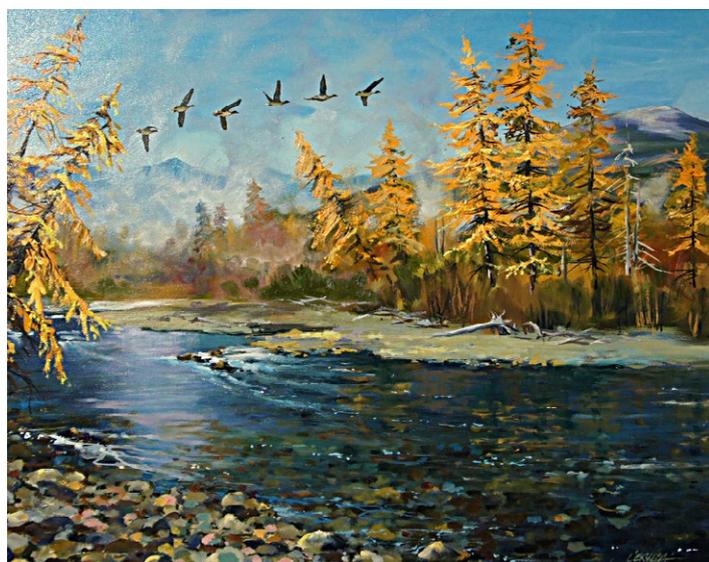
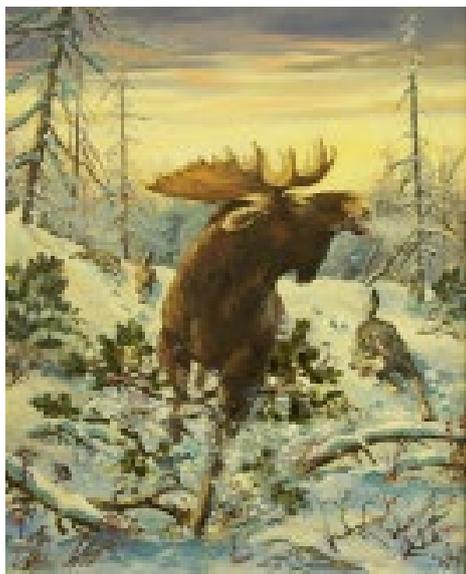
- Сергей, я живописи специально не обучался, всему приходилось учиться из книжек, журналов, до чего-то доходить самостоятельно. После того, как меня отметили в Магаданском Союзе художников и выделили мне творческую мастерскую, у меня появилась возможность общаться с профессиональными художниками, учиться у них различным приемам в живописи. По словам этих же художников: «может даже к лучшему», что я нигде не обучался, т.к. проще приобрести своё «лицо», хотя до своего «лица» мне ещё очень далеко, многому надо учиться и много надо работать.

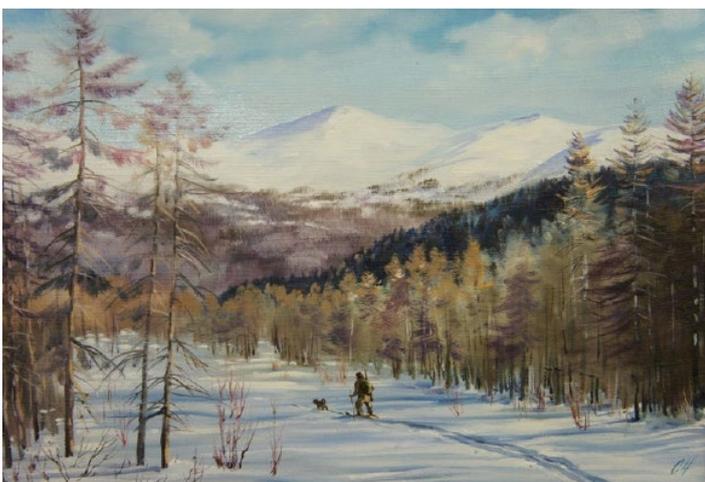
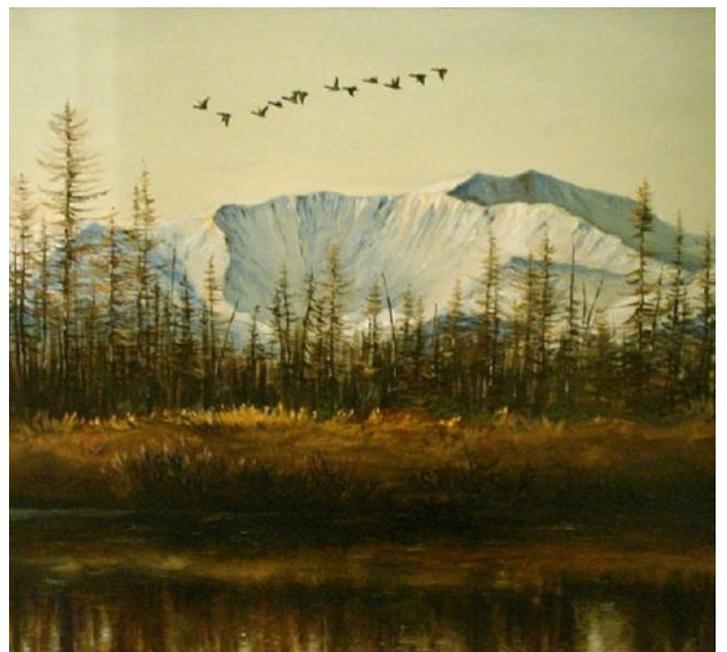
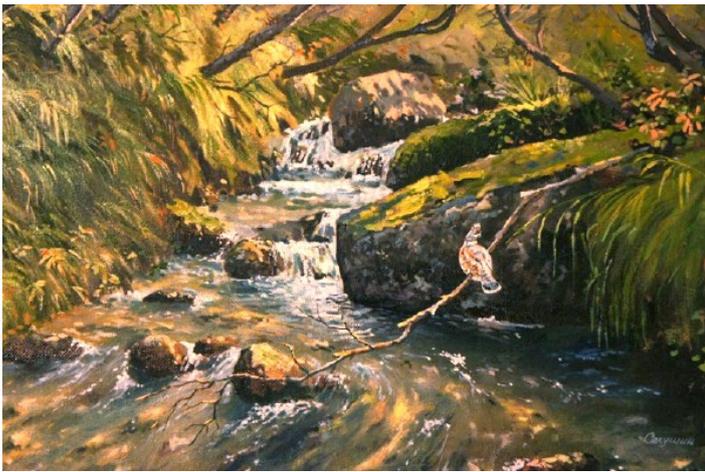
- Какие современные художники или художники прошлого оказали на Вас и Ваше творчество некое влияние, или же Вы — самобытный автор, на творчество которого оказал именно Ваш край?

- Я, наверное, не буду оригинален, но я бесконечно могу разглядывать работы Шишкина, Паленова, Айвазовского и других недостижимых в мастерстве художников. Из современников тоже много с кого можно брать пример, особенно хотелось бы выделить творчество Вадима Горбатого, работы художника Бабича, из магаданских художников более всего нравятся живопись В.К. Сергеева, его умение обобщить и выделить главное, вот чему бы хотелось научиться, но это пока дается с большим трудом.

- Николай, спасибо Вам за откровенные ответы, а я предлагаю нашим читателям и авторам из различных уголков земного шара познакомиться с работами магаданского художника, получить представление о крае, в который он влюблен, который с таким увлечением отображает в своих живописных полотнах.

Материал подготовил Сергей Пашков

ДИНАРА АЛИЕВА:

*«Без музыки,
без пения
прожить
не смогу!»*

Серия январских спектаклей в Большом театре под управлением нового главного дирижера Тугана Сохиева ознаменовала собой активный приход в текущий репертуар столичной оперы молодого и талантливого маэстро. В обеих операх, за которые взялся маэстро, – «Богема» и «Травиата» - главные партии Мими и Виолетты исполнила Динара Алиева, большое интервью с которой мы предлагаем нашим читателям.

Мне бы хотелось говорить с Вами уже не как с молодой и подающей надежды, а как с профессионалом, добившегося уже многого – и потому вопросы будут в меньшей степени условно биографического характера, о чем уже много писалось, а в большей степени попыткой «покопать» вглубь – профессии, искусства, интерпретаций. За те годы, что Вы выступаете на большой сцене, у Вас было уже несколько очень серьезных, знаковых дебютов, насколько я понимаю, один из таких важнейших – это дебют в Венской государственной опере в партии Эльвиры. Вообще, «Дон-Жуан» - опера обязывающая, своего рода символ оперного искусства и более широко – западной, европейской культуры как таковой, в некотором смысле название архитипическое. По моим ощущениям Эльвира – очень странный персонаж: яркий по музыке, которой ее наделил композитор, и удивительный по характеру, по тому жизненному алгоритму, который она реализует в этой «веселой драме». А вот для Вас она какая? Что Вы

можете сказать о Вашей Эльвире как о героине, образе?

«Дон-Жуан» сегодня очень популярен в оперном театре, к нему обращаются многие режиссеры, к сожалению, много есть интерпретаций просто чудовищных, и, кстати, на Эльвире постановщики часто отыгрываются больше всего, делая ее комедийно-гротесковой, даже абсурдной по поведению. Для меня Эльвира – очень женственная, и страстно любящая женщина, однолюб, для которой свет клином сошелся именно на одном мужчине.. В отличие от всех прочих персонажей этой оперы, которым словно персонажам итальянской комедии дель-арте вменены конкретные амплуа и шаблонные действия образ Эльвиры выстраивается согласно законам реальной жизни. Она прекрасно осведомлена о всех приключениях Дон-Жуана, но, тем не менее, живёт иллюзиями. Ее страстные упреки в его адрес никого не должны обманывать – это лишь обратная сторона ее большого чувства: стоит только Дон-Жуану сделать малейшее движение в ее сторону и весь ее обличительный пафос тут же сменяется на безграничную преданность и обожание. Жаль только, что ему это, в сущности, не нужно. Вообще обращение к этому образу было продиктовано обстоятельствами – я пела и пою Моцарта мало, всегда считала, что мой голос больше подходит для итальянской романтической оперы, в нем меньше инструментализма, который нужен для классицистской оперы. Обращение к партии Эльвиры получилось довольно стихийно. Андрейс Жагарс

предложил быстро, практически экстренно, подготовить эту партию для исполнения в его рижской постановке, ну а потом также достаточно неожиданно выпал дебют в Вене.

Вам приходилось ее петь и на других сценах?

Да, неоднократно, последний раз это было в «Дойче Опер», там была совершенно неудобоваримая постановка, но, как ни странно, в этой продукции моя героиня представлена как вполне нормальный, традиционный образ, хотя на самом деле такая трактовка этого персонажа сейчас - редкость, над Эльвирой издеваются весьма часто. В «Дойче Опер» Эльвира всегда остаётся на сцене, и даже когда не поёт – неотступно около своего кумира, что, по замыслу режиссёра, символизирует её стремление спасти Жуана, наставить на путь истинный. Но артисту очень непросто и утомительно в этой, совсем не короткой опере всё время не покидать сцену, но вот такой опыт у меня теперь тоже есть.

А как Вы думаете, зачем Моцарт дает в конце эпилог, вот это моралите, которое сейчас часто либо вообще купируют за ненадобностью, не зная, что с ним делать, либо как у Карсена в спектакле «Ла Скала», отправляют в ад всех морализаторов, а Дон-Жуан остается торжествующим персонажем?

Мне кажется, что Моцарт любит своего героя, но все-таки он не на его стороне, он его осуждает, и показывает неизбежность его конца – что ведя такой образ жизни невозможно придти к иному итогу. Поэтому я против купюр, против выбрасывания этого финала, против его интерпретации по принципу негатива, когда белое объявляется чёрным, а чёрное становится белым. Моцарт хотел не этого.

А что Вы думаете о второй даме этой оперы, или, может быть, точнее – о первой, об Анне?

Я бы очень хотела ее спеть и сегодня стараюсь отклонять предложения по партии Эльвиры, предпочитаю Анну. По характеру, темпераменту Эльвира мне ближе, но Анна интереснее с профессиональной точки зрения – арии более

удобны для моего голоса, и вообще в целом Эльвира для меня низковата, кроме того, именно Анна публикой все равно воспринимается как главный женский персонаж этой оперы. Что касается образа, то мне совершенно не близко то огрубление, которое сейчас многие режиссеры производят с этой героиней, делая из нее инициатора адюльтера, женщину, вожделем Жуана и пр. Это, по-моему, совершенно не так. Для меня Анна – любящая дочь, убитая горем, персонаж очень искренний, совершенно не имеющий того двойного дна, скрытых мотивов, желаний и устремлений, которые приписывают ей сегодня многие постановщики. Она не любит Жуана – она только оскорблена и этим продиктовано ее поведение. Она довольно-таки закрытый человек – мне кажется, что и Оттавио она не любит, скорее, исполняет дочерний долг, ибо отец ей выбрал этого жениха и она это воспринимает как должное, но больших чувств к нему не испытывает.

В Большом театре Вашими интереснейшими работами мне видятся Мими в «Богеме» и Виолетта в «Травиате». По моим ощущениям, витальная энергия у Вас как у человека просто зашкаливает – это видно по вашим выступлениям и в этих партиях, и в другом репертуаре, в концертах – я, например, испытывал большое удовольствие, наблюдая как вы поете сарсуэлу. В связи с этим вопрос: Вам трудно изображать умирающих, подкошенных жизненными обстоятельствами, судьбою героинь? Ведь обе больны с самого начала опер?

Да, по сюжету это так, но я не стремлюсь показать болезнь с самого начала – я даю героинь в развитии. Трудно ли изображать их болезненность в финале – я даже никогда не задумывалась над этим, потому что на сцене я проживаю эти образы, их судьбы, влезая в их шкуру и вопрос трудно – не трудно уже просто не стоит. Эти два образа очень разные для меня – болезнь, пожалуй, единственное, что их объединяет. Мими – скромный цветок и любящая искренне, очень целомудренно и только раз. Виолетта – другого плана, хотя и ее чув-

с Еленой Образцовой

с Монсеррат Кабалье

ства настоящие и очень сильные. Но ее жизненный опыт иной и от этого никуда не деться. Только расставание с любимыми являются той переломной точкой, когда они заболевают по-настоящему – когда уже не могут бороться с недугом, потому что жизнь теряет смысл и бороться не для чего. До этого же момента, несмотря на немощи, они обе очень сильны именно своей любовью. Ведь любовь способна на многое – когда мы любим и нас любят, то это дает силы, мы дольше живем.

Среди важных значимых для Вас ролей Микаэла имеет какое-то место, или это проходная роль?

Честно говоря, я не очень люблю роли второго плана, хотя Микаэла, конечно, по вокальному материалу персонаж важный. Когда у меня был дебют в этой партии в Штутгарте я до того беседовала с Еленой Васильевной Образцовой и говорила ей о своих сомнениях – что же партия не интересная, не главная, слишком «голубая», на что она мне сказала: «Ты не права. Все зависит от тебя, как ты сделаешь эту роль. Френи была такой Микаэлой, что рядом с ней меркли Кармен». Но по своим внутренним ощущениям, темпераменту, я, конечно, не Микаэла, а скорее Кармен. Я всегда говорю, что жалею, что я не меццо только из-за одной партии – из-за Кармен, которую я понимаю, ощущаю, чувствую и знаю, как сделать эту роль интересно. Некоторые сопрано, созрев для этой партии, обретая уверенность и достаточную технику, поют Кармен – мы знаем такие примеры. Может быть, когда-нибудь и я решусь на это, хотя, конечно, Кармен должна быть молодой, красивой, гибкой как кошка – в возрасте петь эту партию наверно уже не правильно.

Но французская музыка у Вас очень хорошо получается – я помню арии из «Луизы» Шарпантье и «Манон» Массне на вашем концерте в БЗК – это было стилистически очень убедительно.

Да, Манон – абсолютно моя партия, моя роль по всем параметрам, очень ее хочу спеть. Мне очень интересно вжиться в этот образ, прожить, прочувствовать все перипетии сюжета. Эта опера Массне предоставляет столько возможностей для творческой реализации, для раскрытия артистического темперамента! Так что, мне очень бы хотелось раскрыться в работе над этой оперой.

Первый раз на сцене я увидел Вас Розалиндой в «Летучей мыши». Расскажите об этой работе.

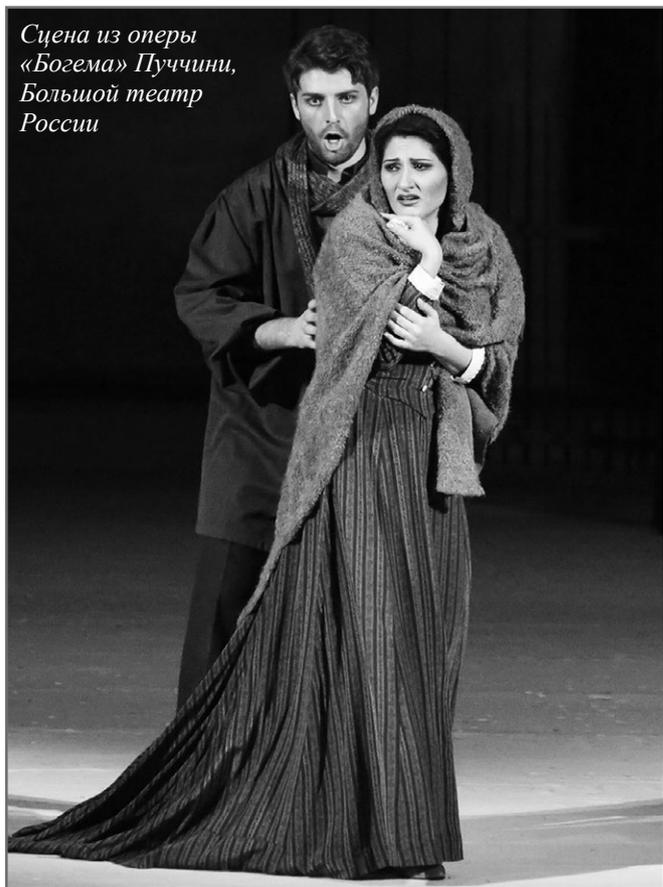
Это был мой дебют в Большом театре – это было очень

ответственно. Музыка прекрасная, партия абсолютно моя – она мне принесла определенную популярность, известность в Москве. Что касается самой постановки Василия Бархатова, то по ее поводу было много противоречивых мнений. Мне тогда выбирать не приходилось, на энтузиазме молодости, на кураже и выезжала – пыталась спорить с какими-то вещами, которые мне были неудобны или казались странными, но тогда я еще особо права голоса не имела, и приходилось соглашаться с постановщиком. И хотя это был любопытный опыт, отпев две премьерные серии, я отказалась. Всё-таки оперетта очень сложный жанр – именно из-за постоянного перехода от разговорной речи к пению и обратно – это большое испытание для любого артиста. Я очень люблю музыку оперетты, с удовольствием пою арии из оперетт в концертах, но совсем не уверена в том, что хотела бы еще вернуться к этому синтетическому жанру.

Вы начинали на родине, в Азербайджане. Сейчас получается там бывать с концертами, спектаклями?

Да, я начинала в родном Баку, была солисткой местного оперного театра несколько лет. В 23 года спела Леонору в «Трубадуре», готовила Сантуццу, пела Мими, Виолетту – то есть репертуар был самый разнообразный и далеко не всегда мой, чего я тогда еще не понимала. Хорошо, что это быстро закончилось, а то бы могло привести к потере голоса. Сегодня в Москве я постоянно занимаюсь с моим педагогом профессором Светланой Григорьевной Нестеренко, очень ей благодарна – она бережно ведет меня по жизни, и я вообще считаю её одним из самых профессиональных педагогов оперного вокала в России. В студенческие годы я начинала с того, что перепела много камерной музыки и сегодня с удовольствием продолжаю делать концертные программы из вокальных циклов, миниатюр, потому что все это я прошла, и все это у меня в активном репертуаре. А как в артистку оперы впервые в меня поверила режиссер оперной студии Бакинской консерватории Гюля Ахмедова-Мартынова – я ей очень благодарна, потому что именно она меня и научила многому, и вдохнула веру в свои возможности. На родине бываю редко – очень загружена работой в России и Европе. Но несколько концертов в Баку я

Сцена из оперы
«Богема» Пуччини,
Большой театр
России

с Пласидо Доминго

пела, в том числе знаковых – с Доминго, с Образцовой.

Теперь Вас наверно можно назвать уже московской певицей. Где-то в России, кроме Большого, Вы еще пели?

Я пела и пою много концертов по России, из последнего – Екатеринбург, Ярославль Сочи. Из театральных ангажементов был только Михайловский театр в Петербурге. Вообще, так получилось, что, являясь солисткой Большого, раньше я нечасто пела в России, да и на сцене Большого – такая уж была политика прежнего руководства. Поэтому в большей степени я была востребована на европейском оперном рынке, особенно много в немецких театрах.

Но Вы ведь любите традиционный костюмные спектакли, исторический антураж в постановках. Как Вы уживаетесь с немецким режиссерским театром?

Я начинала со Штутгарта – это один из самых одиозных форпостов «режоперы» даже в Германии. Первой моей партией там была Микаэла – действие оперы происходило в психиатрической больнице. Конечно, порой, мне не просто в Германии, приходится идти на компромиссы, с чем-то мириться, если совсем невмоготу – от чего-то отказываться. Сейчас я главным образом пою в «Дойче Опер» в Берлине, являюсь ее приглашенной солисткой – там режиссура спектаклей более-менее традиционна, или, по крайней мере, не абсурдна, подчинена логике, которую можно понять. Я стараюсь по возможности обговорить со своими агентами, менеджерами заранее, что за постановку они мне предлагают, какая концепция спектакля, чтобы вовремя отказаться от чего-то. В крайнем случае, если вообще трудно понять что-то определенное, шерстишь интернет и составляешь свое представление о методе работы

команды режиссера, художника и других – чего от них можно ожидать. Конечно, это касается абсолютно новых спектаклей, премьер, потому что когда ты вводишься во что-то сделанное уже до тебя, в современных условиях нет никаких проблем с тем, чтобы посмотреть спектакль в записи до подписания контракта и понять – хочешь ты это делать или нет.

Сильно влияет на образ, на вокальную интонацию костюм, декорации, парик, в котором ты выходишь на сцену? Или это все не важно – можно петь в любом антураже?

На меня влияет все, любая мелочь. Татьяна в малиновом берете или в кирзовых сапогах – меняется эмоциональный посыл звука, пение совсем другое получается – и повлиять на это техникой или еще чем-то практически невозможно, это просто другое эмоциональное состояние. Наша «Богема» в Большом – в каких-то деталях минималистичная постановка, например, у Мими в спектакле один парик, меня это очень сковывало и тяготило: не понимаю, как можно играть сцену смерти в этом аккуратном парике? Я от него отказалась – у меня там распущенные волосы, это, на мой взгляд, в большей степени соответствует ситуации, образу, характеру сцены. Все эти малюсенькие штрихи накладывают отпечаток на эмоцию артиста, а значит и на его пение.

Но тогда концептуальные постановки, получаются, меняют вообще сами образы?

Да, меняют. Иногда это бывает убедительно, часто – нет. Но с этим ничего не поделаешь – сейчас век режиссеров в оперном театре, именно они диктуют свои условия, определяют все в постановках.

сцена из оперы «Травиата»,
Большой театр России

Вас привлекает такая форма, как концертное исполнение опер? В этом случае есть шанс избавиться от режиссерского диктата.

У меня был такой опыт, но не много. Я чувствую себя все же театральной певицей, мне нравится театр как таковой, я стремлюсь не только петь, но и играть, вокал – это еще не все для меня. Например, в Праге, в Зале Сметаны в рамках юбилейного, двадцать пятого фестиваля «Прага-Промс» в 2004-м году я пела концертное исполнение «Травиаты» - все равно это был спектакль, все пели только наизусть, были выстроены мизансцены... Это был настоящий театр, с участием высоко профессиональных певцов Франческо Демуро и Василия Ладюка – вот такой концертный формат я приемлю.

Вы ощущаете себя всё-таки как лирическое сопрано – несмотря на ходки на территорию Пуччини и пр.?

Да, стараюсь пока себя ограничивать, не братья за очень тяжелый репертуар, отклонять подобные предложения. Тоска, Баттерфляй, Елизавета в «Дон-Карлосе» – это все партии будущего, к которым я обязательно приду, но не сейчас. Голос развивается, крепнет, густеет, и если к этому подходить грамотно, то постепенно можно спеть очень многое, расширить свой репертуар колоссально. Если же хвататься сразу за то, что тебе пока не по силам, – можно ведь и надорваться. А конкуренция очень жесткая в оперном мире – никому ты с пропавшим голосом нужна не будешь, никто про тебя и не вспомнит.

Русский репертуар – как Вы чувствуете себя в нем?

Пока мой русский репертуар невелик – только Татьяна и Марфа в «Царской невесте». Абсолютно моя партия – Иоланта, надеюсь спеть ее в скором будущем. Вообще мой голос больше подходит для итальянской музыки, и я сама в ней себя чувствую комфортней. Но Марфу, например, я обожаю – мне кажется, я ее хорошо понимаю, мне близок этот образ, мне очень нравится сама музыка – исключительной красоты и подкупающего лиризма. Почему-то у нас сложилось представление, что это партия в большой степени для лирико-колоратурных сопрано, что несколько удивительно, потому что

вообще-то там чистой колоратуры нет, крайних верхов нет, а в драматически напряженной сцене сумасшествия надо иметь очень плотный голос, тебя должно быть слышно за оркестром. Если у тебя нет сфокусированной, крепкой середины, то ты просто не «докричишься» до зала.

Что в ближайших Ваших планах?

Опять Берлин, «Дойче Опер» - серия из шести спектаклей «Ласточки» Пуччини, которую будет ставить Роландо Виллазон. Здесь можно не сомневаться, что режиссура будет высококачественной, стильной и, наверняка, «удобной» для артистов, ведь Виллазон сам певец – хорошо знает все издержки нашей профессии. Когда я в Вене с ним пела «Онегина», он уже тогда мне рассказал о своем замысле – что это будет эстетичный, красивый спектакль. Жаль, что это опера совсем не известна в России – там море прекраснейшей музыки, ничуть не хуже других опер маэстро.

Вы много участвовали в вокальных конкурсах. Как Вы оцениваете свой опыт – дает это что-то певцу?

Только возможность показаться широкой публике, а также директорам театров, как следствие – получить контракт. В честность конкурсов я не верю, хотя и брала призовые места на большинстве из них. Конкурс Марии Каллас в Афинах подарил мне уникальную возможность выступить в концертном исполнении «Травиаты» в зале «Мегарон», которое было приурочено к 30-летию со дня смерти великой певицы. Причем это было весьма неожиданно – я не подавала заявку в номинации «За лучшее исполнение арии Виолетты», вообще заняла на этом конкурсе лишь второе место, чему очень возмущалась присутствовавшая на прослушиваниях греческая публика – и, тем не менее, именно мне предложили по окончании конкурса петь Виолетту. Возможно, жюри в итоге устыдилось своего собственного решения, прислушалось к публике и в компенсацию прежде всего ей последовало это интересное предложение. После этого меня очень часто приглашали петь в Грецию – завязались интересные творческие связи. Конкурс имени Виньяса нашел мне моего первого агента и как следствие – интересные контракты.

Мастер-классы отставных звезд дают что-то? Они нужны? Этого сейчас развелось очень много...

Я думаю, что тому, кто технически уже владеет ремеслом, мастер-класс может помочь – в плане интерпретации, поиска стиля, возможно, каких-то отдельных моментов в исполнении партии. Зеленым студентам там делать нечего, потому что школьными проблемами, техническими вопросами никто на мастер-классах заниматься не будет. Для того, чтобы взять что-то на мастер-классе – нужно быть готовым к этому. Мне очень дал много мастер-класс Монсеррат Кабалье, когда она приезжала в Баку, – именно там я поняла, что могу быть оперной певицей, что занимаюсь именно тем, чем нужно, что моих данных хватит на серьезную карьеру. У нас с ней установился какой-то фантастический контакт, что-то космическое: я выступала последней, была очень уставшей, разумеется, еще более измотанной была сама Кабалье, и несмотря на все это я спела удачно и она сразу оживилась, ей понравился мой голос, она меня очень поддержала. И я, наконец, поверила в себя. Тем более, что Кабалье была именно той певицей, чьи записи я слушала особенно много поначалу, ориентировалась на ее звуковедение, всегда восхищалась теми невероятными техническими приемами, что она владела – пожалуй, единственная из певцов, больше так никто не умеет, как она.

Большой театр – сегодня Ваш родной дом. Вы неоднократно говорили, что когда только начинали, то покорить Большой – было пределом мечтаний. Почему именно Большой? Ведь сегодня Азербайджан и Россия уже не связаны так тесно, как это было в советские годы, когда пределом мечтаний любого советского вокалиста был конечно первый театр СССР: есть своя столичная Бакинская опера, есть связи и ориентиры у народа на другие страны,

сцена из оперы
«Евгений Онегин» Чайковского,
Венская государственная опера

на ту же Турцию, где целых шесть оперных театров, на Европу, где оперная традиция богата и разнообразна. Почему всё-таки у Вас в мечтах жил Большой?

Наверно, потому что я выросла еще в советское время, и все ориентиры были оттуда – Большой театр казался чем-то недостижимым и желанным, его образ был всегда со мной. Моя семья была очень музыкальна, постоянно в доме звучала классическая музыка, опера, и именно легендарные голоса Большого – это тот важнейший слуховой, эстетический опыт, который я с самых ранних лет носила в себе. Сначала это были только мечты, позже, когда я профессионально занялась пением и особенно когда перебралась в Россию, это желание стало вполне конкретным – стать солисткой Большого театра. Вы знаете, это до сих пор очень важное звание, это тот бренд, который работает. Я приезжаю в другие театры, в другие страны, представляюсь как солистка Большого театра и сразу чувствую к себе уважение и интерес – еще до того как я открыла рот и начала петь. Несмотря на все разговоры, что де Большой уже не тот, что в советские годы, что слава его померкла, магия этого имени все еще действует на людей. Очень надеюсь, что с приходом в Большой Владимира Георгиевича Урина и нового музыкального руководителя Тугана Сохиева начнется реальное движение в сторону возрождения былого величия этого признанного центра мировой музыкальной культуры. Сохиев – не просто дирижер, а большой музыкант, он живет музыкой, это очень чувствуется в работе, в том звуке, какого он добивается и от певцов, и от оркестра. Уверена, театр

ожидает большое будущее, и это будущее должны делать мы, чувствуя ответственность за наш любимый театр.

Мечта сбылась. Что дальше? Есть сегодня какая-то такая же вершина, заветная, которую хочется покорить во что бы то ни стало?

Всегда надо иметь в сердце новую мечту, однако, не менее важно иметь силы и волю к её воплощению, вот тогда удача тебе непременно улыбнется! Если ты не останавливаешься, веришь в свою звезду, свою судьбу, то достигнешь любых целей... Мне же, конечно, хочется состояться, помимо Большого театра, и на других ведущих мировых сценах, включая самые престижные. Но если говорить о заветной мечте, то я бы сегодня хотела достичь такого творческого уровня, такого мастерства, чтобы оставить след своим искусством в душах людей, в их памяти. Ведь хороших певцов, - завоевавших известность, востребованных, успешных, - всегда было немало. А тех, кого помнят по-настоящему, кого вспоминают и приводят в пример следующие поколения – таких единицы. Попасть в их число, войти в историю – это, конечно, мечта. Но я уже очень счастлива, что воплотились мои стремления посвятить жизнь любимому искусству, которым по-настоящему увлечена, которым живу. Без пения мне очень тяжело – был период в жизни, когда по медицинским показаниям я должна была молчать два месяца: я просто физически чувствовала, как мне от этого плохо. С тех пор знаю: без музыки, без пения я прожить не смогу!

Беседовал Александр Матусевич

Итальянские француженки Алиевой

Нынешний сезон 2014-15 годов в московском Большом театре запомнится активным пришествием в его жизнь нового главного дирижера – молодого и энергичного «птенца гнезда Гергиева» Тугана Сохиева, давно уже вырвавшегося за пределы петербургского культурного контекста и сделавшего себе солидное имя на Западе. Год назад директор Большого Владимир Урин назвал его имя в качестве нового музыкального руководителя театра, а его активная деятельность в новом качестве началась с лета 2014-го. Первой успешной акцией нового музрука в первом театре России стало концертное исполнение «Орлеанской девы», проведенное Сохиевым на высочайшем уровне, заслужившее восторженный прием как критики, так и публики. Но сколь бы блестящей ни была эта акция, все же она разовая, скорее филармонического порядка, а в театре нужно совсем другое – каждодневная рутинная работа с текущим репертуаром, поддержание уровня рядовых спектаклей, выведение их на качественно иной горизонт. Что говорить, в любом практически театре рядовой репертуаре очень быстро «зарастает сорняками», Большой здесь не исключение и обеспечение высокого качества именно текущей афиши – вот по какому показателю действительно стоит судить об уровне того или иного оперного дома.

Туган Сохиев, видимо, хорошо это осознает: после триумфа в «Орлеанской» он запланировал себе премьерную «Кармен», но только с самым конце сезона, а прямо с осени впрягся в черновую работу по возрождению качественного уровня текущего репертуара. Первой ласточкой стала «Богема», позже к ней присоединилась «Травиата» – самые кассовые названия афиши любого театра, в том числе и Большого, которые идут часто, на которые публика ходит охотно, и которые, как следствие частой эксплуатации, нередко оказываются в весьма «растрепанном» виде. Январь нового 2015 года подарил сто-

личной публике встречу с серией сразу обоих названий, где за пультом стоял новый музрук, а состав солистов почти сплошь (за редким исключением) состоял из мастеровитой молодежи Большого – тех певцов, что поют на его сцене относительно недавно, но уже многое могут, чьи таланты находятся сейчас, пожалуй, в самой поре своего пышного цветения.

Сохиев сумел вдохнуть в оба названия новую жизнь. Звучание спектаклей приобрело особую музыкальность, в них вернулось любование мелодической красотой, мягкость и плавность оркестровой игры, наконец, столь необходимое для этих французских историй (хотя и рассказанных итальянскими композиторами) изящество, чему, наверно, способствовала укорененность самого маэстро во французских реалиях – ведь несколько лет он очень успешно возглавляет оркестр в Тулузе, подняв до этого не самый топовый европейский коллектив до очень высокого уровня.

И если главный герой этих показов был в оркестровой яме, то в обоих январских названиях главной героиней на сцене была Динара Алиева – певица, несмотря на свою молодость, уже давно и прочно завоевавшая Москву, певшая на сцене Большого не одну партию, дававшая сольные концерты в лучших столичных залах. Ее яркая внешность, выразительный голос, техническое мастерство вокализации, врожденный артистизм выдвинули Алиеву в число самых интересных, манких для публики солисток современной московской оперной сцены. Ранее мне доводилось видеть и слышать певицу в таких ролях как Розалинда в «Летучей мыши», Татьяна в «Евгении Онегине», бывать неоднократно на ее филармонических выступлениях, но вот встреча с ее «итальянскими француженками» оказалась первой в подобном репертуаре и ожидания оправдались вполне.

«Богема» Федерика Мирдиты – спектакль давнишний:

его премьеры состоялась в 1996 году, и шедевром его нельзя было назвать и два десятилетия назад. В тот же год в конкурирующем с Большим Театре Станиславского и Немировича-Данченко появилась своя «Богема» - спектакль Александр Тителера по праву относится к числу наиболее удачных его работ, он заслуженно собрал все мыслимые и немыслимые театральные премии и награды. Сравнение между этими двумя «Богемами» было всегда не в пользу спектакля австрийского режиссёра: поставленная не просто традиционно, но несколько скучновато, без особой фантазии, эта работа всегда воспринималась как спектакль «для галочки» - чтобы была в афише Большого эта весьма популярная опера, в которой очень удобно пробовать молодежь – и фактура их подходящая к сюжету, и вокальные партии среди пуччиниевских опер, пожалуй, самые щадящие.

Вдохнуть жизнь в столь маловыразительный, проходной спектакль – задача не простая. Но Алиевой это удается: живость, непосредственность, сердечность исполнения делают ее Мими выразительным персонажем, глядя на которого забываешь, что это певица Алиева – перед вами действительно оживает белошвейка парижской мансарды. Красивой, молодой, яркой женщине наверно весьма непросто играть чахоточную Мими, жизнь так и бурлит у нее в крови, но Алиева умеет обуздать свой темперамент, несколькими верными штрихами обозначить болезненность своей героини, и внешняя красота артистки отступает на второй план – мы видим слабую, подавленную героиню, в которой зарождающееся свежее чувство любви с трудом способно противостоять ударам судьбы. Мастеровитый вокал Алиевой – вторая, если не первая составляющая успеха, делающая образ естественным и запоминающимся. Крепкое лирическое сопрано певицы с задатками лирико-драматического амплуа идеально подходит к партии. Естественность фразировки, гармоничность существования в условиях свободного рубато пуччиниевской фразы, уверенный верхний регистр, звучность грудных нижних нот, ровность голоса и умение петь долгое и красивое легато, основа которого – фундаментальное, хорошо контролируемое дыхание, - всё это в совокупности дает картину абсолютного вокального благополучия, той базы для певца, когда о технике, о нотах можно уже не думать – наступает время творчества, свободы высказывания. Удачны все сольные высказывания Мими-Алиевой, полностью удовлетворяет ее ансамблевая культура. Особой проникновенностью отличается финальная сцена – ясный и чистый голос певицы здесь, не утрачивая яркости и красоты, приобретает мертвенную холодность, матовость звучания, что говорит о солистке еще и как и о мастере вокального театра, умело использующей не только динамическое разнообразие, но и различные тембральные краски своего голоса.

Если в роли Мими нужно пленить лирикой, непосредственностью, искренностью, то Виолетта Валери из «Травиаты» Верди – героиня иного плана. Ей необходимо, помимо указанных качеств, много чего еще другого – образ более сложный, многоплановый. Кроме того и вокальные задачи этой роли гораздо более серьезные. Спектакль Франчески Замбелло появился в репертуаре Большого всего пару лет назад, он, конечно, находится в куда лучшей форме, нежели «Богема», и тут «корчевать» Сохиеву и Алиевой много не пришлось – тем отрадней была возможность подлинного творчества, когда решаются задачи уже следующего, не столь приземленного уровня.

Кажется, героини Верди подходят Алиевой даже больше пуччиниевских: здесь есть возможность проявить виртуозную технику, которой изрядно владеет певица, показать красоту тембра, нигде не затеняемую мощным оркестром, кроме того и с психологической точки зрения Виолетта – более благодатная, выигранный, интересная территория. И одновременно здесь есть та же проблема, что и в Мими – как при молодости и красоте естественно сыграть больную и умирающую? Про-

Сцена из «Ласточки» Пуччини,
«Дойче Опер» (Берлин)

блему Алиева решает блестяще: не только искренней, правдивой актерской игрой, но и тембральной модуляцией, умением окрасить свой голос иначе, придать ему горьких, тоскливых интонаций и красок.

Блестящая ария первого акта, которая является камнем преткновения для многих лирико-драматических сопрано, из-за чего они не решаются петь Виолетту, исполняется Алиевой с подлинным блеском: россыпь колоратур филигранна, все нотки, словно бусинки, нанизаны на единую нить музыкального повествования, но игривое настроение в «Sempre libera» у Алиевой с явной горчинкой – она хочет убедить себя саму в том, что подлинные и искренние чувства не для нее, что жизнь куртизанки, порхающей в полусвете бабочки – вот ее территория, ее вселенная. Драматически насыщенные объяснения с Альфредом во второй и третьей картинах Алиева приводит на грани срыва, эмоции зашкаливают, однако эта грань – не признак вокальной усталости, голос по-прежнему крепок и уверен в себе, но певице удаётся создать эмоцию высокого напряжения, выйти на уровень надрывающей душу экзальтации, отчаяния, горя. Как и в «Богеме» захватывает финальный акт, в котором мы видим умирающую героиню: мертвенные интонации безысходности Алиева меняет на лихорадочную радость в голосе, когда появляется ее возлюбленный – предвестие последнего эмоционального всплеска, за которым для героини наступает вечность...

Большой театр сумел выставить в целом ровные составы, в которых молодая примадонна оказалась в достойном окружении, а усилия музрука по выведению спектаклей на высокохудожественные высоты не пропали в туне. Не вполне повезло с партнёрами по лирическому дуэту: если итальянский тенор Маттео Липпи в «Богеме» радовал солнечным, ярким вокалом, хотя и не слишком разнообразной была его игра, то наш Олег Долгов взялся, увы не вполне за свою партию – его Альфред оказался провинциальным не только по образу (что вполне допустимо и даже может быть желательно), но, что самое обидное, по звуку, в его пении не было и тени вокального изящества, но много прямолинейно и грубо спетых фраз. Порадовала вокальным мастерством молодая Ольга Кульчинская, после трогательной Марфы в «Царской невесте» и самоотверженной Герды в «Истории Кая и Герды» Баневича (премьеры прошлого и нынешнего сезонов) превратившаяся в стержневую, но звонкоголосую и виртуозную Мюзетту. Стабильностью отличался Игорь Головатенко что в партии Марселя, что в партии Жермона-старшего. В целом оба спектакля соответствовали уровню первого театра страны, что выглядит обнадеживающе в плане перспектив творчески обновлённого Большого театра.

Александр МАТУСЕВИЧ

Премьера «Иудейки» Галеви в Опере Фландрии

Фото: Vlaamse Opera / Annemie Augustijns

Начинается неожиданно для оперы. Наученная опытом прошлого года, когда мусульманин-террорист открыл стрельбу в музее иудейки в Брюсселе и убил четырёх человек, полиция Бельгии, начиная с премьерного дня «Иудейки» Ж.Ф.Галеви, окружает оперный театр пикетами и разрешает вход на спектакль только после контроля, включающего металлоискатели и проверку документов и билетов ещё вне здания. Во избежание обострения дружбы народов.

Опера, написанная композитором в 1835 году, ставилась на русской сцене и периодически меняла своё название из-за явной неудобоваримости перевода «La juive»: она была то «Жидовкой», то «Еврейкой», то политкорректной «Дочерью кардинала» (правда, в таком варианте сходу раскрывая всю интригу), пока не превратилась в общепринятую ныне «Иудейку». Нельзя не признать и тот факт, что опера не вошла в первый ряд мировых шедевров, хотя содержит широкий ряд замечательных мелодий, ярких сцен, прочувствованную патетику и нежную лирику и грешит разве что пресловутой оперной лексикой: «В её глазах я вижу безнадежность», «О, что за бездна разверзлась предо мною», «Ты хочешь умереть? – Это моя мечта!» и в таком же духе. Опера написана в лучших традициях своего времени и переключается с узнаваемых образами Беллини и Доницетти; музыка отчасти предвосхищает Гуно, Массне и даже Верди: знаменитая ария Элезара из 4-го акта, являющаяся кульминацией оперы и приходящаяся на пик «золотого сечения», начинается такими же секундными форшлагами в оркестре, как позже начнётся ария Филиппа в «Дон Карлосе». Это настоящая «крепкая» опера с говорящими лейтмотивами, инструментами и приёмами: стуком встревоженного сердца, синкопами при волнении, тремоло при напряжении и использованием уменьшенных вводных для обозначения колебания персонажа. Набор выразительных средств и узнаваем до оскомины, и тем же и трогателен. Замечательна в

этом отношении и заключительная сцена у эшафота: оркестровое вступление с подзвоном тарелок и яркой трубой показывает, с какой торжественностью любая власть обставляет каждое своё деяние, в данном оперном случае – автоматически настраивая паству звуками марша на организованность.

О сюжете подробно говорить не стоит, «пожар – евреи – спасённое и вновь потерянное дитя», что образует вполне аутентичную переключку с «Трубадуром» с теми же знаковыми символами: цыгане – костёр – ребёнок.

Режиссёр П. Конвичный ставит спектакль вообще не о костре, не о дитяти, не о религиозных конфессиях и не об оперной патетике.

Для начала позволю себе отступление и вспомню спектакль Фландрской оперы, поставленный примерно 5-6 сезонов назад на похожую «национальную» тему: «Самсон и Далила» Сен-Санса. Тогда режиссёры Омри Ницан и Амир Ницар Зуаби, специально приглашённые с разных берегов, израильских и палестинских, красочно расписывали во всех интервью как это будет, потому что уж кто-кто, а они знают конфликт не понаслышке, в нем родились и выросли, прочувствовали до атомов изнутри, и «Самсон и Далила» будет их личным вкладом в примирение, урегулирование и благоденствие, а также образцом аутентичности быта Ближнего Востока. Судя по костюмам и изобилию оружия на сцене, можно было понять, что режиссёры постарались максимально приблизить современность. Они также сместили акценты, и у них вышло, что как раз более передовые и цивилизованные – филистимляне, а отсталые и забытые – иудеи, но с этим тоже можно было смириться. В конце концов, действительно, какая разница, кто на земле от кого страдает, важно само страдание и его безнадежная нескончаемость.

А дальше всё вышло абсолютно по-ближневосточному. То есть было много разговоров, надувания шеи и распускания пе-

рьев, красноречивые намёки на то, что все ахнут, что мир, наконец, узнает из их постановки, что почём. Из вращения глазами, многозначительных жестов, восклицаний и выпячивания груди, т.е. типично южного хорохоренья, получился невыносимо дешёвый, вульгарный, примитивный в своих аллюзиях спектакль, закончивавшийся 10-минутной сценой всеобщей мастурбации с автоматами узи на фоне еврейской музыки в третьем акте и показом ближневосточных мод, где все участники выходили в трусах и с поролоновыми базуками между ног. Создав такой пошлый спектакль, оба режиссёра «Самсона и Далилы» показали себя не как голуби мира, а как предатели, каждый – своей стороны. Собственно, от голубей в них что-то было: нагадили, сколько вышло, да простят мне такую восприимчивость.

В дни 70-летия (с расхождением в месяц) смерти Анны Франк, одной из самых известных жертв Гитлера, «Иудейка» Галеви в трактровке П.Конвичного, оставаясь от и до оперой 19-го века, сохраняя всё до ноты и буквы оригинала, поднимается до уровня современной, сюминутной значимости, абсолютно не делая упора на евреев и христианах, но откровенно обозначая конфликт так, как оно и есть, где бы и с кем этот конфликт ни происходил: «наши» – «не наши».

Никаких базук и ракет в спектакле нет, присутствует один пистолет и тот, ей-богу, кажется лишним и бутафорским в тонко обозначенном замысле. Христиане у П. Конвичного и художника по костюмам и декору Й. Лейакера отличаются тем, что кисти их рук выкрашены в светло-синий цвет (голубая кровь?), а у евреев руки жёлтого цвета, в память о шестиконечных звёздах, которые нацисты обязали их нашивать на одежду. Принц Леопольд, муж принцессы Евдокии, христианин, соблазняющий Рашель, персонаж «и нашим и вашим», прячет свои лояльно-синие руки под жёлтыми перчатками, которые снимает и надевает в зависимости от нужды. Будучи застигнут и теми и этими, он старается сохранить перчатку хотя бы на одной руке и, соответственно, держаться к противоборствующим группам правильной стороной, а если это не удаётся, моментально суёт руки в карманы пиджака, демонстрируя нейтралитет. Растущий накал страстей на сценическом пространстве без лобового тыканья указкой в карту и пальцем в айусвайс постоянно напоминает: ни антисемитизм, ни любой другой вид ксенофобии не исчезнут никогда, пока будут существовать шовинистические убеждения, что какой-то народ – весь целиком – мешает жить и дышать тебе (ему, им, тем, этим) персонально. Поразителен финальный ансамбль первого действия (по партитуре – конец третьего акта), когда агрессия зашкаливает: все участники сцены, и хор и солисты, становятся частями общего военного конвейера, производящего динамит для поясов шахидов, работая с неумолимой чёткостью. При этом обнаруживается, что руки у всех участвующих в изготовлении взрывчатки совершенно разного цвета: зелёные, красные, чёрные и т.п. – вроде цветов олимпийских колец.

Кроме того, Конвичный использует свой излюбленный режиссёрский приём, не ограничивая действие одной лишь сценой. Участники спектакля периодически спускаются в зал, словно давая понять: это не весь мир – театр, это театр военных действий захватил весь мир. В самом деле, предлагает убедиться режиссёр, очень трудно противостоять какой-либо пропаганде, если вокруг, вот прямо рядом с тобой, все поют слаженно и красиво, окружают тебя и протягивают с улыбкой флажок «своего» цвета, что и проделывает хор «христиан», будто уговаривая публику: мы – такие же как вы, вы – часть нас. Но точно так же выходит в зал и Рашель со страстной арией, и Элеазар со своим монологом – и публика точно так же замирает в приступе эмпатии, так сильно это написано и с такой искренностью поют это исполнители.

И насколько тонко выстроена сцена с дуэтом Рашели и Евдокии, когда две ревнивицы, схлестнувшиеся из-за общего возлюбленного, сперва отшатаются друг от друга, от цвета рук соперницы, а потом... просто моют руки, смывая цвет вражды и становясь тем, что может их объединить: любящими женщинами.

Осталось назвать тех, кто подарил нам такой прекрасный спектакль.

Титульную роль исполнила сопрано Галь Джеймс, бывшая виолончелистка Рубин-Академии в Иерусалиме, затем продолжившая обучение там же как певица и завоевавшая первое место на конкурсе вокалистов в Тель-Авиве в 2005-м и третье место на конкурсе Бельведер в Вене в 2006. Страстное и даже пылкое сопрано вкупе с контрастной корпузностью певицы и чем-то нежно-ренуаровским в лице как нельзя лучше соответствует музыкальному и сценическому рисунку роли. Ей под стать и исполнительница второй женской роли, Елена Горшунова. Её Евдокия поначалу обрисована несколько карикатурно (по замыслу режиссера), этакая лисичка на детском утреннике, и лишь постепенно сквозь первоначально капризные, кукольные манеры проступает совсем другая суть: порывистая, импульсивная, женская. Е.Горшунова очень сценична и поёт с точным интонированием, филигранно и с блеском (каденция дуэта с Рашелью спета изумительно обеими), и в каком-то смысле образно смыкается этим с ювелирным украшением своей героини, на котором чastically завязан сюжет.

Две сопрано претендуют на любовь одного тенора, этим никого не удивишь. Но в «Иудейке» заглавное сопрано симметрично окружено двумя тенорами, что в общем-то нетипично для соотношения тембров в оперной практике. Возлюбленный – традиционно тенор. Казалось бы, «благородный отец» просто обязан был быть баритоном или басом. Но Галеви поступил иначе, и выбор Рашели, таким образом, колеблется между двумя тенорами подобно тому, как судьба Дона Карлоса и Ди Позы зависит от двух басов в сцене Филиппа с Инквизитором – несчастный случай в опере. Но слушатель тоже поставлен перед выбором: какой момент спектакля считать его эмоциональной вершиной. Сцена Рашели в зале становится просто незабываемой и могла бы претендовать на смысловый пик всей постановки, если бы не ария и сцена Элеазара.

Французский тенор Жан-Пьер Фюрлан, имеющий в своём репертуаре, кажется, все ведущие партии, становится просто звездой вечера, спев прямо в партуре знаменитую арию «Rachel, quand du Seigneur...» Полётность, лирика, красота и редкая эмоциональная самоотдача делают его персонаж едва ли не титульным, настолько прочувствованно он поёт всю свою роль, но особенно – эту арию.

Второй тенор спектакля, американец Роберт Макферсон в роли Леопольда тоже на высоте. Певец виртуозно владеет тонкими нюансами голосоведения, чистый и сильный тенор звучит и нежно, и коварно, что очень соответствует рисунку роли, так что если и начать придирается к исполнению Макферсона, то единственное, что можно поставить ему в вину, это несколько сиропный, «кондитерский» оттенок голоса, что, впрочем, ничуть не противоречит роли оперного обольстителя.

Кардинала Де Броньи поёт бас Дмитрий Ульянов, обладатель сгущённого тёмного тембра с несколько прямолинейной подачей звука. Тоже очень значительная и запоминающаяся работа. Пару огрехов в нижнем регистре, как соскользнувший с опоры звук, можно списать на волнение премьерного дня.

Хор звучит замечательно, к оркестру больше претензий, при том, что опера была сыграна коллективом музыкантов прочувствованно и с хорошим балансом в отношении сцены (даже если певцы находились в зале, что немаловажно), что, безусловно, является большой заслугой дирижёра Томаша Нетопыла, не обошлось без шатания темпов в паре мест и без киксов первой валторны, что очень обидно; валторны – лейтинструмент образа Рашели, и музыканты могли бы отнестись к этому серьёзнее.

В целом же спектакль получился захватывающим и градиозным. Смотреть и слушать его без боли, горечи и восхищения невозможно, это совершенно не тот случай, когда визит в оперу остаётся в памяти как красивый эlegantный вечер. Слишком велики и значительны вопросы, затронутые композитором, музыкой, исполнителями, режиссёром. И колоссальный знак вопроса, которым представляется эта малоизвестная широкой публике опера, постепенно разворачивается и распрямляется, становясь восклицательным знаком такого же масштаба.

Майя ШВАРЦМАН

ЗА ТРИ ДНЯ ДО ПОБЕДЫ

Талантливое, гениальное, лучистое проснулось в сознании Георгия, когда его крестили в церкви, отец нес на руках, бережно и уверенно сомкнув объятия. Первое, что он вспоминает – саму церковь, украшенную иконами и золочеными держателями свечей, чан священника, склоненные над ним торжественные лица людей: друзей-актеров-кумовьев...

Сама атмосфера церкви заинтриговала. Восхитила. Разбудила для духовного роста новорожденной души.

Кудрявого, как куклёночка Гоголечку родители баловали, одевали в чистое и всегда нарядное. А в 4 года мальчик впервые понял, что привлёк зрителя. Роль разыгрывалась на эстраде. Он должен был спать рядом с матерью в шатре, а потом выходить, держась за ее юбку. Так он и играл. А потом выходил, в полглаза глядя на зачарованных людей в зале.

Красивый бархатный голос появился ближе к школьным годам. Гога стал подражать любимым певцам того времени – Раджу Капуру, Рашиду Бейбутову и всем звездам индийских фильмов.

Георгий рос в непростой творческой семье, полной мистики, легенд, артистизма.

Не смотря на запреты, во время Великой Отечественной войны бабушка Георгия «нагадывала» счастливое возвращение с фронта для соседей. И те возвращались. И кружили на руках старушку от счастья. Спасала ли она жизни? А, может, и вправду спасала, применяя в отчаянных ситуациях древнюю магию?

Военная карьера у Звезды цыганского искусства Георгия Жемчужного не сложилась. Еще в Сочи семнадцатилетним пареньком он сильно приглянулся легендарному маршалу дважды Герою Советского Союза Кириллу Семеновичу Москаленко, который упрашивал родителей отдать красавчика в личные адъютанты, уж больно Георгий был похож на его погибшего сына. Но владея с детства навыками танца, пения, игры на музыкальных инструментах, Георгий Жемчужный тогда уже поступил в театральный.

А потом...

Что наша армия без песни? Зажигательной? Уводящей вдаль?!

- Жора! Жарь!

- А рыба где?

- Рыба будет! Ты жарь! Жарь!

И жарили ноги на подмостках разных сцен. Столь армий, столь солдат и столь восхищенных военачальников видел ли в жизни кто больше, чем потомственная династия народных артистов Жемчужных? А сколько на красных платях армейских наград?!

Последний маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов сильно уважал цыган. Приглашал часто на выступления. Георгий и его супруга Екатерина никогда не отказывались, даже, когда лететь надо было в «тьму-таракань». На удивление скромный в жизни и начитанный, знал великий военачальник наизусть всего «Евгения Онегина», и был великолепным собеседником и другом.

Выступающих всегда встречали горячо. А иначе и быть не могло. Костром разгорались цыганские юбки в танцах. И пели цыгане о главном – о свободе и радости, о любви!

Культура государства Российского подобна некому дому, где множество разных культур стенами поддерживают пирамиду крыши.

Убери, к примеру, романсы «русских» цыган, станет как-то холодно-снежно и неуютно всем.

Но давайте представим официально как положено Народного артиста России Георгия Николаевича Жемчужного, который родился в семье певца и исполнителя русского и цыганского романса Николая Михайловича Жемчужного. Основатель цыганской династии Жемчужных, Заслуженный артист РСФСР (10.10.1975), Народный артист РСФСР (2.04.1990) Коля кочевал с настоящим табором близ Воронежа. Тринадцатилетним мальчиком Николай Жемчужный впервые вышел на сцену в составе ансамбля цыган Воронежа и вскоре стал известным плясуном. Выучился игре на гитаре, со временем возглавил ансамбль. Но особенно ярко его творческие возможности проявились во время работы руководителем Ансамбля песни и пляски владимирских цыган (с 1957 года). Тысячи концертов по стране принесли известность коллективу. Ансамбль под руководством Жемчужного снялся в к/ф «Табор уходит в небо», «Мой ласковый и нежный зверь». Николай Жемчужный исполнял народные цыганские песни и свои собственные песни и романсы (их у него более 200, самые известные — «Подруга семиструнная», «Я — цыганка»). Его музыка звучит в спектаклях театра «Ромэн» («Горячая кровь», «Тайна голубого камня», «Плясунья», «Вива, Кармен» и другие).

Традиции великого владения голосом, танцем не берутся из воздуха, а передаются по наследству. Откуда же они взялись у Николая? Естественно от отца. А у того – от деда. Но вот пред нами старинная гравюра из Польши, где прадед их цыган приезжает к королю на медведях, в окружении экзотических зверей – попугаев, обезьян. За умение воздействовать на публику, он коронован королем цыган, о чем гласит королевская грамота.

Николай Жемчужный обладал небольшим, чуть глуховатым голосом, но его исполнение цыганских песен и романсов отличалось подлинным драматизмом. Особенно когда он пел изумительной красоты песню-балладу «Кхэ роро» («Тоска о доме»). В моменты эмоционального напряжения его пение было удивительно похоже на испанское «канте хондо».

Его сын Георгий Николаевич Жемчужный Заслуженный артист РСФСР (18.12.1991), Народный артист РФ (13.10.1998), родился в 1945 году за три дня до Победы.

Родители – известные цыганские Звезды Николай Ми-

хайлович и Ольга Сергеевна Жемчужные. В 16 лет поступил в цыганскую студию при театре «Ромэн». За 7 лет (1961-1968) учебы и работы был задействован во многих театральных постановках. В 1968 году поступил на дневное отделение режиссерского факультета ГИТИС (мастерская И. Шароева). В 1973 году вернулся в театр уже как режиссер. За долгие годы работы в театре поставил большое количество спектаклей, в которых был не только режиссером, но и литературным редактором, соавтором, автором либретто, драматургом. С 1982 года преподает актерское мастерство в ГИТИСе.

Свою спутницу жизни он встретил юнцом. 16 лет и 17 лет – тогда казалось огромным разрывом в возрасте! Тем более, девочка оказалась старше! Свадьбы, как таковой не было. Он ее украл, как водится. Просто увел!

Народная артистка России (звание присвоено в 1999 г.) Катерина Андреевна Жемчужная тоже принадлежит к элитарной цыганской династии. Но и ее собственный вклад в цыганскую культуру, как одну из ее необходимых частей, немалый!

Образование: 5 лет театральной студии при «Ромэн», учёба в ГИТИС на факультете актёрского мастерства.

Спектакли, в которых раскрылся уникальный актерский дар: «Колдовская любовь», «Сломанный кнут», «Плясунья – дочь шатров», множество других...

А кто не восхищался темпераментной игрой в фильмах: «Карнавал», «Вечный зов», «Табор уходит в небо», «Кармелита. Цыганская страсть»...?

Если рассказывать подробности их жизни, хватит не на один сериал, который получился бы круче «Кармелиты».

Красавец с кольцами черных кудрей Георгий Жемчужный стал спутником Катерины на 50 лет. Счастливых лет. На сцене «Ромэн». В кинематографе. В общественной жизни. Дома. Дочь Ляля состоялась, как актриса в кино и в театре. Ее находят без протекции родителей и без рекомендаций чиновников. Потому что дар быть красивой в поступках и внешне достался от родителей. Делает успехи и внук Андрей, с отличием закончил два гуманитарных ВУЗа.

У них много друзей. Всегда открыты двери. И сердце для помощи. Однажды подруга Людмила Касаткина пожаловалась, что, как ни приедет на гастроли, так цыгане обязательно подойдут, волос вырвут, кричат: «Порча! Порча!» денег требуют... Что делать? Георгий Николаевич возьми и научи: «Как цыгане приставать будут, скажи «ловэ нанэ!» Это значит, «денег нет!» и они отстанут!»

Так Касаткина и сделала, когда окружили ее вокзальные приставалы, она и крикнула: «Ловэ нанэ!» Тут расступились цыганки, а за ними дядька выходит бородатый, солидный, наверное барон, распаивает портмоне, набитое купюрами и восклицает: «Бери сколько хочешь!»

Осмыслив прошлое и в ней цыганскую культуру, Георгий Николаевич приступил к уникальному проекту, воссоздание по архивам и свидетельствам происхождения Александра Сергеевича Пушкина, и на этой основе сделать уникальную постановку о свободолюбивой цыганской личности поэта.

В биографии Пушкина, что публикуется в официальных версиях, много фальсификаций и сокрытых событий. Например, то, что в его крови присутствует не кровь арапа, а кровь цыганского барона, оттого и глаза у поэта синего цвета, а не карие. Оттого и характер склонный к живости. От того и талант до сказок и мудрости свободолюбивых дорог. Ген цыганского кочевья проявился более чем в 50 произведениях Пушкина. Уважение к цыганской традиции, восхищение ими – обязательное присутствует в каждом из них.

А его Фраза, написанная в южной ссылке: «Единственное, чего я жажду – это независимости, и само слово не важно, но уж более вещь хороша... и добьюсь ее...»

Самообразование подчас бывает незаменимым в создании самого себя. Георгий Николаевич Жемчужный даже в самых сложных жизненных обстоятельствах не устает по-пушкински убеждать, «воля дороже всего на свете».

Это важно.

А что кроме этого?

Он благодарен, что получил специальность профессионального режиссера. Независимо от автора, тем не менее, он опирается на ощущения его, как на помощь партнера.

- Как чувствуете вы себя? – спрашиваю, если Катерина Андреевна пеняет судьбе на его здоровье.

- Талантливо! – только и слышу в ответ.

- Поделитесь цыганским рецептом! Суп то у вас нынче как хорош!

А он в ответ неизменно шутит:

- Главный рецепт для цыгана – бросай в котел все, что бегаёт по дороге! И быстро ешь, чтобы не было доказательств, что оно только что рядом бегало!

Подмостки сцены. Музыка. Еще музыка. Много музыки. Танец. Осмысление. Режиссура. Слезы. Радостный смех. Съёмки. Гастроли. Города. Страны. Дороги. Дороги. Дороги. Военные дороги. Военные награды. Общественные награды. Признание. И как следствие: великая любовь зрителя. Читателя. Народа.

Кочевая жизнь нет-нет, да и заставит заглянуть в окна иллюминаторов.

Награды Родины семья Жемчужных хранит в Красном уголке. Да сохранит же их Родина в красном уголке своего сердца! Главная Победа этой замечательной Звездной пары еще впереди!

Светлана САВИЦКАЯ

МНОГООБЕЩАЮЩИЙ ДЕБЮТ

Первой ласточкой оперного сезона в Большом театре стала «Орлеанская дева» - редкая опера П. И. Чайковского, к которой обращаются театры в лучшем случае раз в несколько десятилетий. Судьба этого произведения необычна, но, в общем-то, вполне объяснима и закономерна. С прохладой встречено оно было на мировой премьере в Мариинском театре в 1881 году, несмотря на выдающуюся Иоанну – Марию Каменскую. И хотя впоследствии удачными были обращения к ней в Опере Мамонтова (1899 г.), где в главной партии блистала Елена Цветкова, и Опере Зимина (1907 г.) с Валентиной Петровой-Званцевой в роли спасительницы-девы, в дореволюционной России репертуарным оно не стало. В советское время «Орлеанка» также была раритетом: ставилась в Кировском театре в Ленинграде (1945 г.) с великой Софьей Преображенской в образе Иоанны, а также в Пермском театре оперы и балета (единственном в мире и в России, где поставлены все оперы и балеты Чайковского), в 1990-м к ней впервые в своей истории обратился московский Большой театр, где в знаменитой постановке semi-stage Бориса Покровского главную партию пели Маквала Касрашвили, Ирина Удалова, Нина Раутио и Марина Лапина.

За 133 года обращения к «Орлеанской дева», таким образом, в России были не часты, постановочной практикой она не обласкана, а за рубежом её и вовсе не знают, хотя формально она и была первой русской оперой, исполненной за рубежом (Прага, 1882 г.). Главных причин здесь две – тяготение произведения к ораториальному началу (возможно, именно потому полуконцертный вариант Покровского оказался столь органичен), и заглавная партия, не пойми для какого голоса написанная – для сопрано слишком низко и драматически напряженно, для меццо – слишком высоко.

Обе указанные проблемы Большой театр и на этот раз, впрочем, также как и на сценической премьере четвертьвековой давности, решил блистательно. Ораториальность оперы никуда не ушла, но благодаря исключительно качественному музыкальному прочтению, яркой контрастности героического и лирического, умелому ведению музыкально-драматического развития, даже в условиях концерта удалось создать подлинный музыкальный театр – яркий, сочный, захватывающий.

Дебют Тугана Сохиева в качестве музрука театра прошёл превосходно: очевидно, коллектив получил талантливого, мастеровитого музыканта-стратега, который отлично чувствует форму произведения (тем более такого непростого, до известной степени рыхлого, как «Орлеанская дева»), умеет повести за собой, придать партитуре необходимый динамизм, и даже, я бы сказал, заразить всех участников своего рода страстностью, одержимостью к исполняемой музыке. «Орлеанская» в Большом прозвучала воистину гимнически, тонус исполнения от первой до последней ноты был очень высок. Великолепно показали коллективы Большого: оркестр радовал насыщенным, упругим звуком, высоким профессионализмом, ювелирной работой солистов-инструменталистов. Мощный хор Большого, которому так идёт русский репертуар, вновь продемонстрировал свои лучшие качества – красоту тембров, точность исполнения, идеальный баланс между партиями.

Приглашённая на титульную партию Анна Смирнова, совсем неизвестная в России и много и успешно поющая на ведущих мировых сценах (её Амнерис мне посчастливилось слышать в Чикаго), стала подлинной сенсацией вечера. Меццо-сопрано удивительно красивого тембра и впечатляющей мощи легко справлялась с сопрановой тесситурой героической партии, явив образец исполнения драматического репертуара. В пении Смирновой отчётливо слышалось что-то архаическое – и в тембре, и в культуре звуковедения – а пару не слишком удачных верхушек в сложнейших дуэтах легко можно не заметить, учитывая высокий класс и одухотворённость исполнения в целом. Солисты Большого (штатные и приглашённые) на прочие партии составили со Смирновой славный ансамбль: нежная меланхоличность Максима Пастера (Карл Седьмой) и яркий лиризм Лолитты Семениной (Агнесса Сорель), былинная мощь звучания Станислава Трофимова (Архиепископ) и мужественное изящество Игоря Головатенко (Лионель) давали образец абсолютно гармоничного в музыкальном отношении действия. Остаётся только надеяться, что с подобным звёздным составом «Орлеанская дева» вскоре займёт прочное место в репертуаре Большого уже в качестве полноценного спектакля.

Александр МАТУСЕВИЧ

Туган Сохиев:

«Орлеанская дева» - незаслуженно забытый шедевр

Да, для меня это очень волнительное событие. Уже больше половины года как я официально являюсь главным дирижёром театра, и всё это время ушло на знакомство с репертуаром, с труппой, на вхождение в Большой театр в полном смысле этого слова. А вот «Орлеанская дева» – это творческий акт, своеобразный итог всех этих подготовительных мероприятий последнего полугодия, когда я выхожу к публике уже с готовой музыкой, с готовым театральным продуктом.

- Чем был обусловлен выбор именно этого произведения?

- Это был непростой выбор – я долго искал подходящее название. Для меня здесь были важными три момента. Во-первых, чтобы это было произведение русской оперной литературы: мы ведущий национальный театр России и конечно пропаганда отечественного репертуара – наша святая задача. В тоже время хотелось исполнить что-то такое, что давно не звучало, что отсутствует в репертуаре уже довольно-таки продолжительное время, но в то же время произведение не слабее по своим художественным достоинствам, способное увлечь и исполнителей, и публику. Мне кажется, «Орлеанская дева» незаслуженно забыта, обойдена вниманием театров – это шедевр, который должен звучать чаще. В-третьих, я хотел, чтобы выбранное название давало возможность задействовать по максимуму все возможности труппы. В «Орлеанской дева» грандиозные задачи для хора, для оркестра, здесь немало задействовано солистов, причём даже второстепенные партии являются весьма весомыми. Мне хотелось показать музыкальную силу, возможности сегодняшнего Большого театра, и мне кажется, что именно эта опера как нельзя лучше годится для подобной демонстрации. Конечно же, грядущий юбилей великого Чайковского здесь нам подсказал, в какую сторону двигаться: у нас много проектов в этом сезоне в связи с датой – начинаем «Орлеанской», будет новая постановка «Пиковой дамы», концертные программы. Кроме того, сама тема трагедии Шиллера, что лежит в основе оперы, величественна и привлекательна – все знают Жанну д'Арк, эта необыкновенная судьба, эта история по-прежнему волнует и восхищает.

- Как шла работа над «Орлеанской»?

- Напряжённо, но очень интересно. Практически для всех солистов это была первая встреча с этой оперой, для меня тоже, и это давало большую радость – открывать новое для себя в творчестве гения. Словом, у нас вечер дебютов. Опера весьма сложная для исполнения: Чайковский не всегда был гуманен к голосам. Центральная партия «Орлеанской девы» - это грандиозная по своим задачам роль, знаменитая ария «Да, час настал», сама по себе сложнейшая – но это ещё не самое экстремальное в ней. Гораздо тяжелее финал первого акта, дуэты-сцены с Лионелем. Найти такой голос, такую певицу, которая бы была способна это воплотить – очень сложно. В прежние годы в Москве это блестяще делали Ирина Архипова и Маквала Касрашвили, в Большом театре эта опера с успехом шла, и мы с трепетом относимся к этому названию. На главную партию мы нашли певицу, которая, на мой взгляд, удовлетворяет всем параметрам роли – это замечательная Анна Смирнова, москвичка, которая дебютирует этой партией в России, потому что ее успешная международная ка-

рьеря сегодня развивается на ведущих сценах Европы и США: невероятной красоты и мощи голос, настоящий природный феномен. Найти настоящий драматический голос на такую партию – это большая проблема сегодня. Как известно, даже Архипова пела эту партию «в транспорте», в редакции для меццо, а мы исполняем оригинальную версию Чайковского, где у Иоанны фактически два голоса – певица должна в себе объединять и качества сопрано, и характеристики меццо.

- Выбор редакции был предопределён тем, что вы нашли такую певицу, которая это способна спеть?

- Нет, мы сначала решили, что будем это делать в оригинале, а потом стали искать ту, кто сможет это воплотить – мы не выбирали лёгких путей. И эта проблема счастливо была решена: Анна Смирнова – абсолютное попадание в роль.

- Думаете ли Вы о полноценной постановке в будущем?

- Сейчас мы планируем сезоны 2016-17 и 2017-18 годов, и решено было сделать так: давайте посмотрим на то, как пройдёт это концертное исполнение, как публика примет эту оперу, которую порядком подзабыли, а скорее всего даже не очень и знали, и тогда решим, стоит ли её включать в постоянный репертуар и делать полноценный театральный продукт. Я считаю, что это хороший репертуарный ход и был бы только за то, чтобы «Орлеанская» вошла в постоянный репертуар театра, но говорить пока об этом рано.

- Был замечательный спектакль Покровского. Не было идеи его восстановить?

- Я не думаю, что это очень хорошая идея. Театр – живой организм, развивающийся, мы должны идти вперед и делать новые спектакли, а не реанимировать прежние достижения. К сожалению, уже нет Покровского, нет и многих тех, кто принимал участие в постановке 1990 года, либо они уже не поют, или поют иной репертуар, состав труппы значительно обновился, поэтому не думаю, что это целесообразно.

- Планируете ли вывозить «Орлеанскую» на гастроли?

- У Большого нет проблем с гастрольями – мы ездим часто и много. В частности, только что прошли успешные гастроли в Вене и Нью-Йорке, где «Царскую невесту» исполняли именно в концертном исполнении, давая западной публике возможность в первую очередь услышать красоту шедевра русской музыки, не отвлекаясь на режиссуру и декорации. Это позитивный опыт и возможно, с «Орлеанской девой» мы поступим в перспективе так же – подходящий вариант познакомить с ней, прежде всего, французскую аудиторию.

- Ваш французский период (несколько лет Т. Сохиев возглавлял оркестр в Тулузе – А. М.) помог Вам при освоении оперы, которая находится на стыке русской и французской культуры?

- В какой-то мере, наверно, да. Но я думаю, что для культурных людей в России французская тема всегда почти своя: что у нас персонажи французской истории известны очень хорошо, уж тем более такая героиня, как Жанна д'Арк!

- У «Орлеанской девы» репутация слишком хоровой, ораториальной, несценичной оперы. Вы согласны с этим?

- Абсолютно не согласен. Это замечательная драматическая фреска, но которую нужно уметь подать, ее нужно уметь вести, потому что там есть некоторые моменты, более такие статичные, где музыка начинает как бы «проседать», если ей не придать динамизма и яркости. На самом деле она очень театральна – надо только суметь это высветить. Очень многое зависит от харизмы артистов, которые это исполняют – сумеют ли они зажечь публику теми незабываемыми ощущениями красоты и совершенства, что заложены в партитуре. И в первую очередь, конечно, если у Вас нет настоящей Иоанны, то браться за эту оперу не стоит.

- Вы ориентировались на прошлые исполнения этого произведения, на записи прежних лет?

- Безусловно, мне хорошо знакома и работа Архиповой, и спектакль с Касрашвили, и великое прочтение этого образа ленинградской певицей Софьей Преображенской. Мы отталкивались от этой традиции, но постарались сказать и своё слово.

Беседавал Александр МАТУСЕВИЧ

ПОЖИЗНЕННО БЕССМЕРТНЫЕ

Античность в опере

Парфенон

Искусство подмостков родилось из религиозных обрядов и ритуальных танцев вокруг алтаря Диониса, возникло из древних процессий и празднеств, но все эти заклинания и песнопения обрели иной смысл, когда их участники разделились на исполнителей и зрителей. Неразлучные слова-партнеры «спрос – предложение» актуальны и в творческой области, как в любой другой. Можно изобрести и создать новейшую техническую конструкцию, можно написать прекрасное художественное полотно, можно сочинить удивительное стихотворение – пока у всего этого нет принимающей стороны, побочного восприятия, чужой эмоциональной оценки, то есть эстетического отклика или практического использования, пиши пропало: и изобретение создано «в стол», и стихи, считай, лежат в анабиозе.

Такого рода тексты нечасто появляются на страницах нашего журнала. Однако редакции тема показалась весьма интересной и познавательной. Надеемся, что статья Майи Шварцман привлечет внимание читателей.

«Исполнять это произведение надо так просто и правильно, насколько возможно, а не со многими цветистыми пассажами или пробегам, играть благородно... с большой изобретательностью и разнообразием, но избегая излишнего усердия в орнаментации, когда ничего не слышно... кроме хаоса и неразберихи, оскорбительных для слушателя».

Из рекомендаций Монтеверди к исполнению «Орфея»

Театр начинается вовсе не с вешалки, хотя именно эта мифическая, на деле никогда не произнесенная фраза упорхнула в афоризмы после вежливого письма Станиславского цеху гардеробщиков МХАТа. В театре античной Греции никто хитонов в обмен на номерок не сдавал, а театр – был.

Потому что он начинается там, где появляется зритель.

Искусство подмостков родилось из религиозных обрядов и ритуальных танцев вокруг алтаря Диониса, возникло из древних процессий и празднеств, но все эти заклинания и песнопения обрели иной смысл, когда их участники раздели-

лись на исполнителей и зрителей. Неразлучные слова-партнеры «спрос – предложение» актуальны и в творческой области, как в любой другой. Можно изобрести и создать новейшую техническую конструкцию, можно написать прекрасное художественное полотно, можно сочинить удивительное стихотворение – пока у всего этого нет принимающей стороны, побочного восприятия, чужой эмоциональной оценки, то есть эстетического отклика или практического использования, пиши пропало: и изобретение создано «в стол», и стихи, считай, лежат в анабиозе.

Античный театр, обзаведясь зрителями, совершил переворот в общественной жизни, и это была революция из ряда праздников. В те времена, то есть примерно в пятом веке до нашей эры, театр не имел ничего похожего на то, что сейчас представляется нашему воображению, в нем не было даже крыши, не говоря об освещении или занавесе, сцена и ряды сидений изначально были деревянными, а уж до того, чтобы ему стать драматическим, балетным или оперным, предстоял еще долгий путь и сложная роль в спектакле под названием «история» с периодами томительного ожидания своего выхода из-за кулис, с подчас невообразимо затянутыми антрактами и неожиданными спецэффектами.

От первых «ландшафтных» театров до первого каменного прошло почти пятьсот лет. От вообще первого театра до первого оперного – две тысячи с лишним.

Оперный театр Сан-Кассиано, выведший оперу из аристократических салонов и открывшийся для широкой публики в Венеции в 1637 году, дал свое последнее представление в 1807-м и был снесен из-за часто повторяющихся пожаров. Значение терминов, унаследованных театром со времен античности, изменилось, хотя сами они остались: хор, трагедия, сцена, оркестр. И пусть сцена (скена) уже никакая не палатка, как она переводится с древнегреческого, а трагедия в буквальном переводе и вовсе «песнь козлов», пусть хор утратил функцию элемента богослужебного обряда, а оркестр стал для нас коллективом профессиональных музыкантов – и только, а не круглой утрамбованной площадкой для танцев.

Но было еще нечто, связавшее античный театр и оперу, разнесенные во времени и пространстве на две тысячи лет, прочнее любых мыслимых связей: сюжеты.

Античная Греция вообще одарила мир свыше всякой меры, сама того не ведая. Одно перечисление сжатых фабульных линий составит тома, а имена богов и героев, вошедших в мировое искусство, будучи просто записаны в строчку, вероятно, смогут обогнуть землю по экватору. Опера подхватила и умножила их вящую славу, стоит только прочесть названия, чтобы убедиться в этом: «Возвращение Улисса на родину», «Каллисто», «Аполлон и Дафна», «Эгисф», «Ахилл и Поликсена», «Ариадна», «Тезей», «Антигона», «Медея», «Ясон», «Орестея», «Эдип», «Персефона»... Не имея возможности поведать обо всех античных сюжетах, нашедших второе бессмертие в партитурах, приходится избрать лишь несколько линий и проследить за их развитием и музыкальным воплощением на протяжении веков.

Замечательно то, что одним из самых первых, надолго оставшимся в числе наиболее востребованных в опере, был сюжет о собственно певце (поэте, музыканте) Орфее.

В конце XVI столетия члены Флорентийской камераты, собиравшиеся в доме у меценатов, мечтали возродить античную трагедию, причем текстов Софокла, Эсхила и Еврипида сохранилось хоть сколько-то, а свидетельств и документов о том, какова была музыка, сопровождавшая их в древнегреческом театре, почти никаких. Они были не одиноки в своих исканиях, еще отец знаменитого Галилео Галилея Винченцо в теоретическом трактате 1581 года «Диалог о старинной и современной музыке» задался вопросами синтеза по образцу древних – синтеза музыки и поэзии. В те времена музыкальная теория считалась отраслью математики, и отец Галилея занимался исследованиями в области физической природы звука. В отчем доме будущего великого физика и астронома по стенам висели струны различной длины и различного сечения с грузами; так Винченцо Галилей хотел узнавать на практике некоторые принципы числовых соотношений музыкальных интервалов по существующим пифагорейским правилам.

Флорентийские энтузиасты искали в средствах выразительности нечто, что могло бы стать интонированной речью, речитативом, «пением на полпути между обычным говором и чистой мелодией» по выражению Я. Пери, выдающегося музыканта, кроме композиции занимавшегося и пением при дворе Медичи. Он и Дж. Каччини (тоже певец, а еще лютнист и педагог) одновременно создали две оперы с одинаковым названием: «Эвридика».

В 1607 году своего «Орфея» написал К. Монтеверди, живший тогда в Мантуе. Его Орфей отошел от флорентийцев на добрую музыкальную милю. Партитура оперы настолько своеобразна, что в наши дни трудно собрать соответствующий ей аутентичный оркестр из сорока музыкантов. Для этого наряду с общеизвестными инструментами понадобились бы теорбы, басовые цитры, виолы да гамба, скрипки-пикколо, виолы, два органа-позитива с деревянными трубами, орган-регаль... Монтеверди создал мелодии, тонко соответствовавшие смыслу и ритму поэзии, а что касается гармоний, то он не отказался от использования диссонансов для усиления трагического колорита; кроме того, и Орфея поет не кастрат, а тенор; кастраты же сопранисты исполняют Эвридику и некоторые аллегорические роли. Композитор достиг поразительного эффекта в имитации эха в пятом акте; в опере впервые появились вокальные дуэты, а хор по традиции комментировал все происходящее.

У либреттиста Монтеверди А. Стриджо имелась заключительная сцена, которую композитор отказался положить на музыку. В ней Орфей был разорван на куски фракийскими женщинами, разгневавшимися на него за то, что он чересчур долго оплакивал свою Эвридику. Либретто не договаривало, что – по Овидию – вдовствующий Орфей отказался от поисков утешения в женской любви и обратился к юношам, и именно за это был растерзан менадами, возмущившимися,

что он отверг их притязания. По одной из версий, фракийцы в знак этого жестокого убийства решили впредь татуировать своих жен. Но ни в одну оперу, традиционно тяготеющую к безгрешным и чистым символам, такой финал не вошел.

Здесь можно задать вопросом: откуда взялось это предпочтение высокого и героического в искусстве? Почему в дошедшей до наших дней античной литературе, которую столь почитала опера, была безусловно зафиксирована явная тяга к богам, полубогам и героям? Опера, едва родившись, уж блюла чистоту жанра. Подобно источникам своего вдохновения, она долго не смешивала трагическое и комическое, драму и фарс, сентиментальность и вульгарность. При этом, что удивительно, опера долгое время для исполнения главных ролей – победителей драконов и спасителей дев – использовала кастратов.

Действующие лица античных эпосов – люди как на подбор, «тридцать три богатыря», силачи и красавцы, подверженные только физическому ущербу. Их можно было ранить или убить, боги могли возместить им потерю конечности (миф о Пелопсе), но «тронутых» среди них не было, и ни в толпе, ни на заднем фоне героики даже не мелькали ментальные инвалиды. Не может быть, чтобы только здоровяки и атлеты жили в прежние времена, не будучи результатом отбора; и ведь давно известно, что пресловутые увечные младенцы, сбрасываемые в Спарте со скалы ради сохранения крепкого генофонда, не более чем миф, вымышленный Плутархом. Аберрации и расстройства интеллекта были известны с доисторического времени, это подтверждает и история психиатрии, но в греческой мифологии невозможно встретить описание слабоумных или блаженных, появившихся лишь в евангельских текстах и затем стройными рядами вошедших в святцы. Присмотревшись к вопросу пристальнее, можно найти ответ: все дело в терминологии. Безумие и неадекватность существовали, но трактовались древними греками-пантеистами, почитавшими власть фатума превыше всего, как проявление временной слабости, насылаемой исключительно по воле богов. Отсюда депрессия Ахилла, засевшего в шатре на двенадцать дней на решающем десятом году войны, помешательство Геракла и убийство им жены и детей, месть Медеи Ясону опять же через детоубийство...

Все дело в интерпретации. В античности наряду с разрушительными припадками признавались и полезные виды безумия, к которым относилось, например, поэтическое вдохновение. Орфей пел так, что камни плакали и Цербер затихал – разве это не явное отклонение от нормы? Он был одержим музыкой и песнопениями, это была его мания, его кара и призвание. Мания – персонификация безумия в греческой мифологии, имя собственное; кроме нее были еще боги помладше, специализирующиеся на моральных штрафах: Ата – богиня заблуждения и помрачения ума, Немезида – богиня возмездия, Эринии – мстительницы, они же фурии.

Именно фурии с несколькими хорами и плясками появились в опере К.-В. Глюка «Орфей и Эвридика», написанной через полтора века после «Орфея» Монтеверди – в 1762 году. Индивидуальный ритмический рисунок, унисонное движение по уменьшенным вводным септаккордам для напряжения драматизма, громогласное пение мужских и женских голосов («Chi mai dell Erebo») на фоне устрашающего тремоло и затем стремительные пассажи струнных, передающих реяние демонов над Орфеем, – все произвело колоссальный эффект и придало старому мифу новую эмоциональную окраску. Для постановки 1774 года в Королевской академии музыки в Париже композитор переписал партию Орфея для тенора, поскольку кастраты были во Франции запрещены, но помимо всего этого Глюк совершил еще один переворот: знаменитая ария третьего действия «Che fago senza Euridice» («Потерял я Эвридику»), скорбный плач Орфея, был написана в мажоре. Изображение траура через мажорный лад – такого музыка еще не знала. А как же чистота жанра, верность античной трагедии, к которой не должно примешиваться чуждое течение? По определению Мельпомена не смела улыбаться, функции ладов не могли

подменять друг друга. На самом деле этот небесный мажор сквозь слезы – откровение гения, которое через полсотни лет другой гений выразит еще яснее, написав:

*«Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою».*

Время шло. Помимо Монтеверди и Глюка «Орфей» вызывали к жизни композиторы К. Росси (1647), Дж. Драги (1683), Ж.-Б. Люлли (1690), Р. Кайзер (1699) и многие другие. Менялись история, государства, мода, музыка; войны, прогресс и новшества влияли на общество. Трансформировалась и видоизменялась общественная мораль.

В 1858 году в Париже увидел свет совершенно новый Орфей, «Orphée aux enfers» («Орфей в аду»), хотя, судя по названию, с ним не происходило ничего необычного: он все так же отправлялся в ад за Эвридикой. Но узнать знакомые ступени этого спуска было уже трудно.

Авторы нового «Орфея» Ж. Оффенбах и Л. Галеви перевернули великий сюжет, влив новое терпкое зеленое вино в старые мехи и представив зрителю не мир героев и богов, а сатирический памфлет, пародию на нравы Франции периода правления Наполеона Третьего. К 1874 году, как нарочно ровно через сто лет после второй редакции «Орфея» Глюка, появилась и вторая редакция этой буффонады, рисующей олимпийцев и смертных одинаково безрассудными и легкомысленными; так былой оперный «Орфей» стал опереттой.

Сохранив формальный сюжет и имя титульного героя, Оффенбах отошел от античного певца на немислимое расстояние. В первых флорентийских операх господствовал речитатив, их характеризовало отсутствие арий и ансамблей и статичность действия, здесь же все было наоборот. «Адский галоп», в котором не было ничего адского кроме откровенного издевательства над сакральностью терминов, положил начало канкану, уверенно отправившемуся в самостоятельное плавание сквозь все последующие эпохи. От античных традиций остались лишь имена персонажей и намеки на былые устои: подобно тому, как у Монтеверди в прологе «Возвращения Улисса» выступала Человеческая Слабость, у Оффенбаха в действующих лицах значилось Общественное Мнение, очевидно, призванное заменить роль античного хора. Был намек и на «Метаморфозы», коль речь шла о древнегреческих героях: Юпитер у Оффенбаха превращался в муху.

Сама по себе муха не является эксклюзивом в искусстве. Пушкинский Гвидон, никогда не читавший «Метаморфоз» Овидия, с легкостью принимал обличье разных насекомых, а в оперный жанр влетел шмелем.

А в 1943 году мухи у Ж.-П. Сартра (пьеса «Les Mouches») становятся воплощением Эриний, терзающих город Аргос, и Орест уводит их из города игрой на флейте, как новый гамельнский Крысолов.

У Ореста и Электры, детей Агамемнона, убитого собственной женой Клитемнестрой с Эгисфом, ее любовником, есть своя оперная биография, не менее захватывающая, чем у Орфея. Началась она там же и тогда же.

В 1643 оперу «Эгисф» на либретто Дж. Фаустини написал Ф. Кавалли, безраздельно царивший на венецианской сцене в течение тридцати лет и ставший настоящим магистром, определившим главную линию развития оперы вслед за Монтеверди. Кавалли был создателем первых *lamento*, а его музыкальный язык отличался речевой гибкостью и мелодической непосредственностью. Партитур его опер в современном понимании не существует: сохранились рукописи вокальных партий с басовой строкой *basso continuo*, иногда с добавлением инструментальных завершений и ритуальных.

В 1685 «Ореста в Аргосе» написал Дж. Перти, а в 1734 за него взялся великий Г.-Ф. Гендель.

Его «Орест» относится к жанру *pasticcio* (в переводе – паштет, смесь), то есть представляет собой музыкальный пазл, который Гендель сложил из фрагментов, созданных ранее и для других произведений. Такая практика была нередкой в описываемую эпоху, правда, тексты и либретто должны были

переписываться заново в соответствии с новым сюжетом. Для своего «Ореста» Гендель объединил в один спектакль арии не менее чем из девяти опер, написанных им между 1720 и 1732 годами.

В 1779-м Орест появился в глюковской «Ифигении в Тавриде». Эта опера тоже была частично составлена из приспособленных к новому сюжету существовавших прежде музыкальных эпизодов «Милосердия Тита», «Семирамиды» и «Париса и Елены». Реформаторская роль Глюка здесь развернулась во всей красе. Музыка «Ифигении» характерна ясной декламационностью, приближенной к идеалам греческой трагедии, и лишена привычных для того времени мелодических украшений. Опера богата ариями, поражающими психологической глубиной раскрытия противоречивого душевного состояния, а музыкальные картины природы, подчеркивающие настроение героев, несомненно окажут потом влияние на романтическую оперу XIX века.

В 1782-м свою «Электру» написал А. Гретри, в 1787 – немец Ф. Хеффнер, а в 1895 году в Петербурге состоялась премьера «Орестей» Танеева.

В 1874-м, в год окончательной редакции оффенбаховского «Орфея», в Австрии родился Гуго фон Гофмансталь, которому предстояло стать не только крупным поэтом, писателем и драматургом, выразителем идей декадентства, но и постоянным либреттистом композитора Рихарда Штрауса. На его либретто Штраусом будут написаны такие оперы, как «Кавалер розы», «Ариадна на Наксосе», «Женщина без тени», но первой станет «Электра».

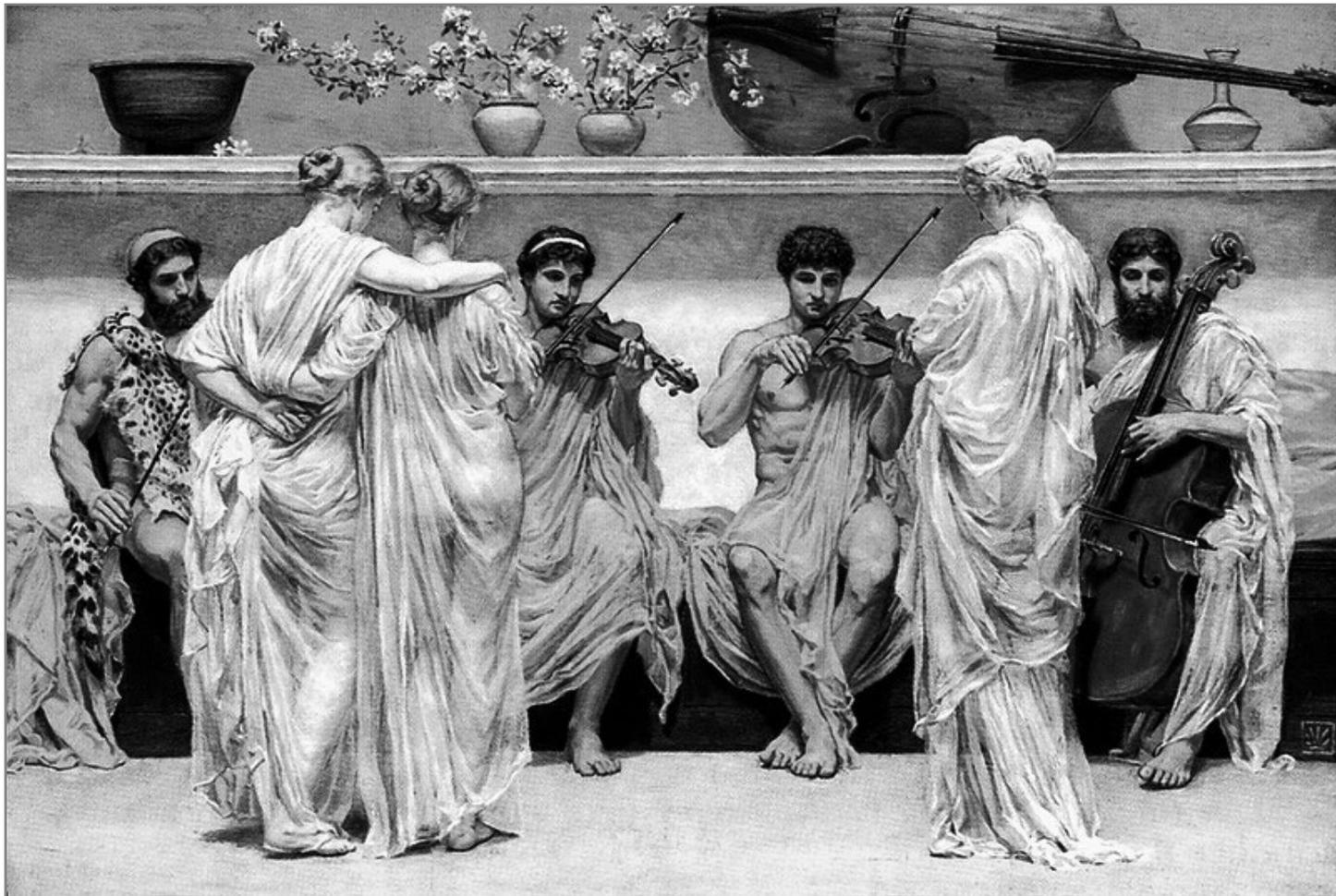
Прежде чем перейти к размышлениям об этом опусе, стоит обратить внимание на эпоху, воспитавшую его создателей.

В 1900 году умер Оскар Уайльд, денди и эстет, выразитель эллинических пристрастий, обладатель скандальной биографии, автор блистательных книг, в числе которых одной из главных была «Саломея» с ее дерзким эротическим переосмыслением канонической библейской версии, что было еще более подчеркнуто иллюстрациями О. Бёрдслея. Символизм и мистицизм были разлиты в воздухе, и уже были написаны М. Метерликом «Пелеас и Мелисанда»; под впечатлением от роستانовской «Принцессы Грёзы» Врубель уже создал свое знаменитое панно; врач-психиатр Жан Шарко находился в зените славы с экспериментами, практикующими гипноз, и Зигмунд Фрейд в том же 1900 году опубликовал «Толкование сновидений».

Эпоха переосмысляла сама себя, чувствуя, что прежние средства выражения устаревали. Искусство кисти и слова, жанры, приемы – все выглядело изношенными и устарелыми протезами по сравнению с подлинностью глубин человеческой души, где обнаруживались неисчерпаемые бездны сознания и подсознания. Искусство зывало к созданию новых форм, более гибких и более соответствующих усложненному мироощущению современного человека. Одними мажором и минором уже было не обойтись.

Гофмансталь одновременно стал и ветром, и флюгером эпохи, внося в искусство определенную декадентскую струю и вращаясь в созданном самим собою течении. Созерцательное, апатичное мировосприятие, на котором отчасти зиждилось его творчество, сочеталось с действенной полнотой переживаний тонкого художника. Композиции его драм были статичны, но захватывающи, что еще больше подчеркивалось избранием уже освоенных литературой или историей сюжетов.

Здесь стоит оговориться. В самом принципе использования прежней канвы ради создания чего-то нового нет ничего от плагиата. Но крайне трудно, изобретая новизну, расцвечивая и пересматривая древнюю фабулу, даже фонтанируя идеями, не попасться в невидимые сети чужих вымыслов. Например, штраусовская «Женщина без тени», задуманная философской сказкой, начинается аллегорическим ходом:

император на охоте ранит газель и... женится на ней, то ли потому, что она вдруг принимает человеческий облик, то ли просто как честный человек. Именно по причине происхождения новобрачной у пары нет детей. Казалось бы – исключительный случай? Но если порыться в текстах «1001 ночи», можно встретить следующее: «Знай, о ифрит, – сказал тогда старец, – что эта газель – дочь моего дяди... Я женился на ней, когда она была совсем юной, и прожил с нею около тридцати лет, но не имел от нее ребенка».

То же совпадение с уже существующим – при, казалось бы, невероятном ходе фантазии – можно встретить и в «Электре». Дочь Агамемнона у Гофманстала и Штрауса ежедневно отправляет мрачный обряд поминовения отца в тот час, когда он был убит. Так проходят годы. Считать ли эту сюжетную деталь новшеством? В легендарном жизнеописании Св. Клары Ассизской, канонизированной в 1255 году, сказано, что она почти ежедневно «пела в Шестой и Девятой часы, во время которых прославляют распятия и смерть Иисуса, при этом обливаясь слезами».

Как бы то ни было, постановку созданной Гофмансталем в 1904 году «Электры» двумя годами позже увидел Р. Штраус, уже написавший «Саломею» по Уайльду, и увиденное захватило его настолько, что он решил приступить к созданию новой оперы.

В 1909-м его «Электра» увидела свет.

«Жить бок о бок с человеком, который прямо-таки задыхается от ненависти к тебе, тоже своего рода убийство», – заметил К. Чапек в своем последнем романе.

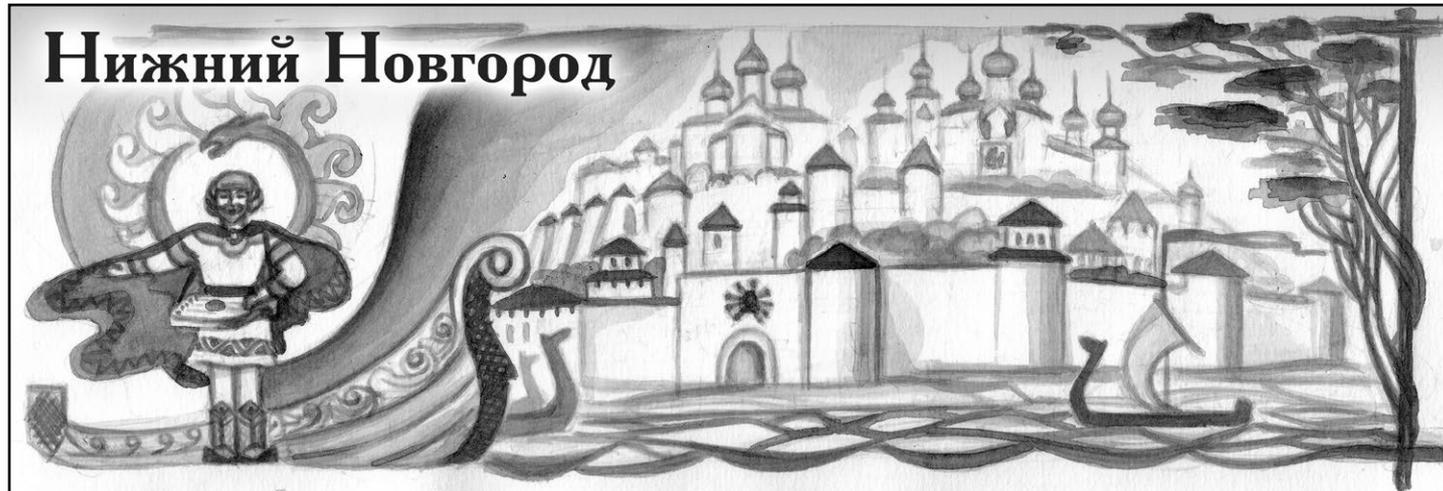
Неистовство страстей, клокующих в душе дочери Агамемнона, патологически вынашивающей мечь матери за убийство отца, по-гамлетовски сжигает самый воздух на сцене. Вулканический накал воплотился не в действии героини на площадке сцены – вся катастрофа готовится и происходит во мраке единственной декорации, – но в огне ее маниакальной идеи, ставшей смыслом ее существования и переданной

музыкой. Эмоциональная взвинченность музыкального языка, его вызывающая атональность, отсутствие традиционных ансамблей или арий, новая подача вокальных партий, отчасти предвосхищающая Sprechgesang А. Шенберга, монументальная роль оркестра, в который Штраус ввел такие инструменты как вагнеровская труба и бас-труба – все это производит впечатление музыкального самума. Музыкальная пружина оперы разворачивается с разрушительной, физически – через слух – ощутимой силой и буквально раздавливает слушателя своей мощью. Пение в «Электре» словно смыкается с искусством декламации, о возрождении которого так мечтали члены Флорентийской камераты, и в то же время выходит на новый виток, перерождая вокальный стиль, одновременно отдавая дань прошлому и намечая неведомый прежде вектор в музыкальном космосе.

Музыкальное двадцатое столетие, начало которого было задано в музыке так мощно (и, разумеется, не только Р. Штраусом), обогатилось за положенный ему век множеством течений и проложило не одно русло нового начинания. В рамках избранного сюжета нельзя не упомянуть «Эвменид» («Орестеи») и «Несчастий Орфея» Д. Мийо и «Орфея» И. Стравинского. Герои опер – опер вообще – изменились до неузнаваемости; если ранее невозможно было представить себе титульного персонажа, хоть на микрон отклонявшегося от канонов жанра и норм психики, то теперь достаточно назвать хотя бы «Воццека» А. Берга или «Жизнь с идиотом» А. Шнитке, чтобы понять, что этот пробел заполнен навеки. Взамен теорбы и лютни с 1960-х годов в ход пущены электроинструменты, и существуют рок-опера «Орфей и Эвридика» А. Журбина и «Электра» М. Теодоракиса.

Что же в этих и последующих творениях считать проявлением воли человека, а что, подобно древним грекам, слепой властью фатума – покажет время.

«Скрипичный ключ», 2014

Нижний Новгород

Владимир Трушков

Родился 5 декабря 1969 г. в г. Шахунья, Горьковской области. После окончания радиофизического факультета Нижегородского государственного университета в 1993 году вернулся на малую родину. Все свободное время посвящает охоте и рыбалке. Мечтает своими рассказами пробудить любовь к этим увлечениям дочери и сыну.

Последняя капля

Первая охота – это как первая любовь. Сколько бы ни прошло времени, но ты всегда будешь помнить ее. Сладкая боль из-за невозможности повторить пережитое еще не раз заставит тревожно забиться твое сердце. С другой стороны, первая охота – это как последняя капля, песчинка, упавшая на одну из чаш весов сомнения, склонившая человека на ту или иную сторону. Когда он либо выберет охотничью стезю, либо отвернется, поняв, что это не для него.

В представлении обывателей охотник – это небритый пьяный тип, палящий из своего ружья без разбора во всё живое. Нет, охотник – это как раз тот человек, который беззаветно любит природу и свято чтит её законы, боясь своими неумелыми действиями нарушить чуткое равновесие мироздания. Редко какой охотник не поэт и художник хотя бы в душе. Неслучайно многие классики русской литературы: Тургенев, Толстой, Паустовский были охотниками. Желание лицезреть красоту первозданной природы и заставляет человека, преодолевая всевозможные преграды, забираться в самые укромные её уголки. Стрельба на охоте – это второстепенно. Главное – увидеть и сохранить в своём сердце эти неповторимые мгновения. Да, охотники – это особая каста людей, которых бог наградил возможностью по особенному чувствовать и видеть окружающий мир. Непосвященным не понять, как это так: прийти еще в предрассветной мгле на ток, подойти к токующему глухарю, послушать его песню и уйти без выстрела. Или другой пример.

– Зачем тебе это вальдшнеп?! В нём же есть нечего. Лучше утку подстрелить! – скажет другой далёкий от охоты человек.

Как объяснить ему, что дело-то не в размере добычи, а в самом процессе охоты, как красив и «поэтичен» может быть выстрел на исходе вечерней зари по тянущему над верхушка-

ми деревьев лесному кулику? Это надо прожить, прочувствовать. Немногим это дано. Зато какое же это огромное счастье быть охотником!

Откуда у человека появляется тяга к охоте? Никто из друзей и родственников никак не связан с ней, а в человеке еще в юном возрасте просыпается эта неумная страсть, и он просто бредит охотой. Из глубины веков, от далёких предков с генами передаётся это стремление. Оно как искорка в золе потухшего костра дремлет до поры до времени, чтобы в определённый момент разгореться ярким пламенем и осветить последующую жизнь человека. Что станет этим порывом ветра, раздувающим маленькую искорку? Это может быть туманное летнее утро, встреченное на рыбалке, призывный клик гусей пролетающих клином в синеве майского неба. Рано или поздно это произойдёт. У меня таким порывом стал весенний вечер в шалаше у задумчиво струящейся лесной речки, где в небольшом заливишке у берега плавала подсадная утка.

Тогда, в конце апреля 2003 года, тесть предложил съездить в соседний Ветлужский район на рыбалку. Зная, какой я заядлый рыбак, он соблазнил меня рассказом о буквально кишасей рыбой старице, рядом с которой находится их охотничий стан. Весна в тот год выдалась ранняя, и реки к тому времени уже освободились ото льда. Я, не раздумывая, согласился и, подготовив рыболовные снасти и прочее снаряжение, стал с нетерпением ждать ближайших выходных, в которые наметили поездку.

В назначенное время, погрузив в тестеву «Волгу» моё снаряжение, мы с ним тронулись в путь. Праздничному настроению в ожидании предстоящей рыбалки соответствовал и ясный солнечный день. Однако путь был неблизкий и, когда мы добрались до родной деревни тестя, где должны были пе-

ресесть на вездеходный транспорт – колесный трактор МТЗ-80, солнце уже скатилось к горизонту. Тесть со своим братом Леонидом сели в кабину, а я устроился позади в тракторной телеге. Ту поездку по лесной дороге я до сих пор вспоминаю как сплошной кошмар. Несмотря на обильно брошенное сено, трясло так, что я всерьёз боялся за свои зубы. В лесу из-за деревьев темнеет рано. А вместе со светом ушло и тепло: к бешеной тряске добавился холод. Я пытался зарываться в сено, чтобы согреться, но при очередном толчке опять оказывался поверх него. Надо мной ярко горели звезды в бездонной черноте ночного неба. Глядя в него, я с тоской думал, что эта ужасная дорога никогда не кончится. Когда на очередной колдобине меня очень сильно ударило о борт телеги, дальше я решил ехать сидя. И тут, посмотрев вперед, в сгустившейся темноте я увидел огонь.

Вскоре мы подъехали к большому костру, незатейливо разведенному прямо на лесной дороге. Вокруг него расположилось не менее десяти охотников. Определить их количество можно было по висевшим на сучках сосен ружьях. Это были друзья моего тестя и его брата. Нас радушно встретили. А как был рад я, что бешеная скачка на тракторе закончилась. Об обратном пути было страшно подумать.

Главным в этой компании был Василий. Он – хороший следопыт и стрелок, а его зверовым собакам нет равных в этом районе, а может и на всём севере Нижегородской области. И не только благодаря этим достоинствам этот невысокого роста, неприметный с виду мужчина пользуется неоспоримым авторитетом среди местных охотников. С детства отчаянный хулиган Василий был грозой деревенской школы. Страшный в гневе он, не раздумывая, кидался в драку, и, благодаря этой неукротимости, часто одерживал победу над гораздо более сильными противниками. Такой же он и сейчас. Не дай бог сплеховать на номере, до рукоприкладства конечно не дойдет, но послушаешься от него... Сейчас он спокоен. Развалившись, как сытый кот у костра, Василий довольно щурится сквозь очки на пламя костра.

В эмалированном ведре, булькая, томится ароматная уха. Я новый человек в этой компании, поэтому больше молчу и слушаю. Интересный выговор у местных: они немного растягивают гласные в окончаниях слов, говоря их как бы нараспев. Друг друга они называют по именам, но в их речи это звучит как-то мягко, по-домашнему:

– Федькааа, попробуй ухууу. Не готоваааа лии?

Из неторопливого разговора выясняется, что вода в реке большая и мутная. Так что с рыбалкой я оказался в пролете. Поэтому мне предлагают принять участие в завтрашней охоте. Я конечно соглашаюсь. Словно поняв, о чем идет речь, радостно заскулили привязанные к деревьям две собаки. Сколько не присматривался я к ним, там и не смог определить их породу. На мой вопрос: «Что это за звери?», один из охотников ответил: «Полугонки».

Оказалось, местные охотники берут в лес всех деревенских собак, не обращая внимания на их размер и породу, и там смотрят на их работу по зверю. Особой популярностью пользуются «полугонки» – метисы лайки и гончей. Они «легкие на ногу» и гонят зверя с голосом, позволяя охотникам на номерах заранее подстроиться под его ход.

– У Павлина были? – спрашивает тесть Василий.

– Обязательно, как всегдааа – отвечает тот.

– А кто такой Павлин? – заинтересовался я, поняв, что речь идет о ком-то очень важном для окружающих.

– Павлин-то, – повторяет в задумчивости Василий, и после небольшой паузы продолжает:

– Это велиикий Охотник...

– Да мы все щенки, по сравнению с ним, – добавляет Леонид.

– Ничего себе щенки! – удивляюсь, глядя на этих крепких мужчин, еще не перешагнувших пятидесятилетний рубеж. Те же Василий с Леонидом в одиночку из двустолок не раз добывали матерых медведей. Какого же уровня был тогда Павлин – теперь не трудно представить.

То один охотник, то другой, глядя задумчиво в пламя костра, начинают свой рассказ с вопроса:

– А помнишь, как Павлин?...

Как картина из отдельных кусочков мозаики выстраивается портрет легендарного охотника. Павлин, родившийся в деревне, затерянной в бескрайних сосновых борах Заветлужья, с детства пристрастился к охоте, с годами достигнув на этой стезе особого мастерства. За более чем полувековой охотничий стаж удавалось добывать ему все, что водится в наших краях – от белки до косолопого хозяина лесных чащоб – медведя. Однако больше всего любил Павлин охоту на лося, к которому выработалось у него невероятное чутье. Кроме того, за годы охотничьих скитаний он настолько изучил округу, что с необычайной точностью знал, в каком участке леса стоят сегодня сохатые. Их, по сложившейся крестьянской традиции, принято называть здесь по полу: бык, корова или теленок.

– Ребятишки, слушайте меня, – обычно начинал инструктор перед охотой Павлин. – По быку ли, по корове ли надо бить обязательно дуплетом! Потому как у тебя есть только ОДИН шанс выстрелить по зверю и поэтому бить надо наверняка – сразу из двух стволов!

И не дай бог, если кто-то на номере ослушается и выстрелит один раз, да если еще и мимо! Тут Павлин был просто страшен. Однажды, скачками подбежав к такому незадачливому стрелку, он в гневе разбил о ствол громадной осины вырванную из его рук двустолку, хорошо хоть не об голову мазила. Но все, кто охотился с Павлином, не обращали внимания на его порой излишнюю резкость, считая за честь и большую удачу побывать еще раз с ним на охоте. Очень редко охоты, организованные Павлином были пустыми. Доходило до того, что к нему обращались односельчане, когда нужно было мясо для особых случаев – на проводы сына в армию или на свадьбу. Павлин никогда не отказывал, но при условии, что выносить мясо из леса будут сами заказчики. Но и лишнего никогда не брал, строго объясняя особо алчным:

– Ну, возьмешь ты сегодня, акромья быка, еще и корову с телком, а на следующий-то год как: кого охотить будешь? Да и в два горла есть не сможешь.

Павлин, ничего не тая, щедро делился своим охотничьи-ми познаниями, не гнушаясь брать с собой на охоту деревенских мальчишек, с радостью примечая, как разжигается в них огонек охотничьей страсти. Любимым местом Павлина был обрыв с высокой сосной у реки на краю родной деревни. Еще мальчишкой прибежал он сюда и, мечтая о чём то, смотрел на бегущую воду. Позже, когда его родной деревни не стало, бывая на охоте, обязательно приходил на это место и подолгу стоял молча. Позапрошлой осенью, спустя три дня как ушёл Павлин в лес, нашли его, лежащим под этой сосной. Как настоящий охотник умер он на охоте.

С тех пор родилась у местной охотничьей братии традиция – перед открытием очередного сезона навещать могилу старого охотника, как бы получая его благословение и незримую поддержку в лесном промысле. Следующей весной я тоже побывал на деревенском кладбище, где в тишине среди вековых сосен под кованым крестом нашёл себе покой Охотник.

Утро не для всех выдалось добрым... Вчерашняя гонка по бездорожью, дополненная выпитой водкой, глухой болью отдавалась у меня в голове. Еще один страждущий, не в силах дойти до фургончика, где все ночевали, так и спал прямо на земле у костра. Вот его сильно подержанную горизонталку ИЖ 54 и вручили мне для охоты. Патроны для ружья добыли уж совсем незамысловатым способом. Двое крепких охотни-

ков приподняли безжизненное тело хозяина ружья и как Буратино несколько раз энергично встряхнули вниз головой. Из карманов телогрейки высыпались патроны. Их отдали мне, а тело хозяина заботливо положили поближе к костру – досыпать. Потом, проснувшись, он долго искал своё ружье по кустам под одобрительные смешки товарищей, не принявших участие в охоте.

Команда охотников загрузилась в телегу и под неторопливый рокот трактора отправилась на охоту. Солнце уже взошло, и я смог рассмотреть окружающий нас сосняк. Бором эти молодые сосны, не более пятнадцати сантиметров в диаметре, называть еще было рано. В их стройные ряды, поднявшиеся на прежних вырубках вековой тайги, вносил местами некоторый сумбур такой же молодой березняк и осинник.

Охотиться мы собирались на лосей. Хозяева собак вместе с четвероногими помощниками должны были стронуть сохатых на номера. Конечно, подозрения насчет законности такой охоты глодали мне душу. Насколько я знал – весной разрешена охота только на птиц. Но желание побывать на настоящей охоте победило сомнения.

Время от времени трактор останавливался, и кто-нибудь из охотников высаживался и вставал на номер. Вскоре очередь дошла и до меня. Меня оставили на краю небольшой полянки, показав вероятное направление выхода лося. Трактор, громко рыкнув, скрылся за поворотом. Его тарактенье вскоре стихло, и меня окружали только звуки пробуждающегося весеннего леса. Чирикали какие-то птички, где то небольшим отбойным молоточком звонко стучал дятел. От прелого запаха земли, перемешанного с хвойным ароматом, сносило голову. Если честно, мне совсем не хотелось, чтобы лось вышел на меня. Не в том смысле, что я его боялся. Наоборот, мне его было жалко и поэтому совсем не хотелось в него стрелять.

Мне надоело стоять на одном месте, и я немного прошелся по поляне. И тут увидел развороченный муравейник, а рядом перевернутый огромный пенёк. Мягкий мох надежно скрывал все следы. Однако не надо быть продвинутым следопытом, чтобы догадаться, что здесь кормился медведь. Причем совсем недавно! Утро как-то сразу перестало быть безмятежным. Я вспомнил, что медведи, вставшие весной из берлоги, очень голодные. Они усиленно кормятся. И стать этим кормом мне нисколько не хотелось. Я быстро снял ружье с предохранителя и, превратившись в слух, стал крутить головой во все стороны. Было как-то не по себе, однако и уходить с номера я не стал, ведь я считал себя дисциплинированным человеком и не хотел подвести своих товарищей. Время тянулось теперь медленно. Но молодость берет своё – мандраж прошел, появилась какая-то злая решимость. Не знаю, чтобы делал я, если бы медведь появился, но морально постарался подготовить себя к выстрелу.

Вдали затарахтел трактор, рокот стал нарастать, а скоро и сам источник звука весело выкатился из-за поворота. Я рассказал про свою находку высунувшемуся из тракторной кабины улыбающемуся Василию.

– Где? – сразу посерьёзнев, перебил меня он.

Ловко прыгнув с подножки кабины, Василий быстро пошел посмотреть. Глянув, он одобрительно хмыкнул:

– Да, это медведь. Хотел бы я встретиться с ним!

Глядя на злой блеск в его глазах, я как то сразу поверил, что медведю бы точно не поздоровилось от этой встречи.

– Ну и где же лоси? – спросил я, забравшись в телегу.

– На дальний кордон ушли.

На этом охота не закончилась. Оказывается, один из охотников по имени Федор предусмотрительно захватил двух подсадных уток. Накануне на берегу разлившейся речки он сделал два шалаша – «шалАшки», как здесь говорят.

Перед закатом втроём вместе с нижегородским гостем Игорем мы отправились на охоту с подсадными. Спустились с дороги к заливному лугу, который пересекала небольшая речка Сумки. Ручеек летом, теперь она, разливаясь, жадно заполнила талой весенней водой всю прибрежную низину. Её русло угадывалось по течению где-то метрах в восьмидесяти от края суши. Порядочно прошло лет с той поры, когда в последний раз прошелся здесь с острой косой человек, укладывав в ровные валки скошенную траву. Теперь никем не потревоженная толстой периной лежит она под ногами.

Среди кустов на незатопленных бугорках были устроены две шалАшки на расстоянии в сотни в две шагов друг от друга. Сделаны они были из ивняка и замаскированы сухой травой, благодаря чему не выделялись на местности.

– Садитесь здесь – махнул рукой Фёдор на ближний шалаш, – а я сяду в дальней шалАшке.

На правах хозяина Федор достал утку из корзинки и, отойдя шагов на двадцать от шалаша, высадил ее в воду, привязав к предварительно воткнутой подставке. Утка, выбравшись из тесноты на волю, радостно закричала и тут же принялась чиститься.

Федор ушел, а мы Игорем устроились в шалаше. Игорь, высокий грузный мужчина, не привык много ходить пешком, и поэтому, запыхавшись, тяжело дышал, усаживаясь слева от меня. В общих чертах я представлял, что такое охота с подсадной. Однако Игорь дополнительно проинструктировал меня, подчеркнуто якая, выдавая себя за городского:

– В лёт не стрелЯй – дай селЯзню сесть.

Солнце опустилось к лесу и его блики, играя на воде, сильно слепят глаза. Утка временами лениво покрякивает, обозначая для сородичей своё присутствие. Медленно течет время. Вот уже и на воду можно спокойно смотреть – покрасневшее светило опустилось за верхушки сосен.

Из легкой задумчивости выводит меня радостная тирада нашей подсадной:

– Кря-кря-кря!

– Осадку даёт! – азартно шепчет напарник.

Селезень, очарованный таким страстным призывом, без облета в штык заходит на посадку. В радостном ожидании поднимаю ружье, и тут хлестко почти над самым ухом гремит выстрел. Это Игорь, нарушив договоренность бить только сидячих, стреляет влёт! Выскочив из шалаша, он вторым выстрелом роняет уже подраненного зеленоголового жениха в воду.

– Игорь, мы так не договаривались, – возмущаюсь коварством напарника.

– Так вышло, – самодовольно улыбаясь, отвечает он и, расправив болотники, идет за добычей.

Проходит время и подсадная опять начинает усиленно манить. В дали, у самого русла, за кустами жвьякает селезень. Мы с Игорем замираем, вслушиваясь в переговоры крякв. Однако этот селезень, похоже, уже стрелянный, так как не летит сломя голову к невесте, а сам пытается выманить её к себе за кусты. Подсадная старается, зовя его, коварно добавляет в призыв и страсть и нежность. Но жених хитёр и не хочет выплывать из укрытия. Вскоре ему надоедает бесполезная дискуссия и он, недовольно крякнув, с шумом улетает в поисках более сговорчивой невесты.

Еще немного и на луг опустились сумерки. Подошёл Федор и мы стали собираться в лагерь.

Эта вечерняя зорька, проведенная на весенней речке, стала последней каплей, переполнившей чашу терпения. Наконец я понял, что вернулся туда, где мне очень хорошо, куда тянуло меня всю жизнь – на охоту. Та памятная весна стала переломным этапом в моей жизни, когда я решил посвятить себя ОХОТЕ.

Работы для детей

ЦВЕТНЫЕ ГОЛОСА

Вот чудеса! Лишь зажмуру глаза –
Вижу, как в зеркале, все голоса.
Вижу я дворника голос усатый,
Шарканье ног и брюжанье лопаты,
Вижу я серые крики ворон,
Жёлтый и красный трамвайный трезвон.
Вижу на лестнице скрип деревянный,
Голос сестрёнки, с мороза румяный,
Вот он растаял за шторой в окне,
Сбросив сосульку
За шиворот
Мне.

Верста каланчи.
Над рекой закачались
Огни фонарей,
Плахи сходов, канаты,
Чугун якорей...
...Плыл
Размеренный век
По ступеням крыльца,
Люди в узел двух рек
Завязали
Сердца!

Анастасия Разина

Ученица школы №93, 7А класс

Тимофей Белозёров

(1929 -1986) — советский поэт, заслуженный работник культуры РСФСР.

В 1957 году в Омском книжном издательстве вышла первая книга Белозёрова «На нашей реке». В 1962 был принят в Союз писателей СССР. С 1963 года, после окончания Литинститута им. А. М. Горького, работал редактором Омского телевидения. С 1968 — на литературной работе.

Именем Тимофея Белозёрова названа одна из улиц и библиотек Омска. В 2005 году одному из танкеров Омского речного пароходства присвоено имя поэта, и на Аллее литераторов (бульвар Мартынова) есть мемориальный камень с именем Тимофея Белозёрова.

Тимофей Максимович является автором более 60 детских книг, вышедших в различных издательствах Москвы, Омска, Новосибирска и др. Общий тираж составляет около 16 миллионов экземпляров.

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

Я утонул в душистых травах...
Раскинув руки, в тишине,
Среди жуков, среди козявок
Лежу на сумеречном дне.
Пыльцой медовой запышен,
Сердито пчёлами отпет,
Сквозь отцветающий горошек
Лежу, гляжу на белый свет...
В моих ногах терновый кустик
Шуршит, отряхивая зной,
И облака недавней грусти
Плывут, играя, надо мной...
Потом я выйду на поляну,
Шмеля уснувшего стряхну,
И если снова грустным стану
Вернусь и в травах утону...

ГОРОД НА ИРТЫШЕ

Коротая
Охотничьим
Промыслом век,
На пустынное место
Пришёл человек.
Вытер лоб рукавом,
Сбросил лёгкую кладь,
Под руками – двуречье,
Простор, благодать!
Застучал в сосняке
Головастый топор,
Опоясал избу
Островерхий забор.
Потянул над берёзами
Сытый дымок...
Но один человек
Оставаться
Не мог!
И пошла по засекам
Упрямая весть:
– Место крепости есть!
Место городу есть! –
Словно пальцы в кулак,
Собирался народ –
Балалайки, орехи
У новых ворот.
На базаре – телеги,
Отрезы парчи.
Над пожарным сараем

СУДЬБА

Бывает вредною судьба,
Бывает радостно, весёлой,
Но надо знать – она одна,
И создана не нами - Богом.
И Богом, созданный твой кот,
Огни, веселье листопада.
И Богом создан этот лёд,
Что в сердце служит нам преградой.
Не плачьте попусту друзья,
Ведь всё, увы, не мы решаем.
Наверное, взойдёт заря,
Смотри, и грусть твоя стораец.

КОНЕЦ ЗИМЫ

Скоро птицы запоют,
Скоро снег растает.
Воробьишки вон, клюют
Зёрнышки с проталин.
И услышу скоро я
Лёгкий звон капелей..
Закричат мои друзья:
«Птицы прилетели!»
А пока ещё февраль –
Громкий, сильный, властный...
Очень яростный бунтарь-
Вовсе не прекрасный!
Солнце позже спать легло-
Хватит нам морозов!
И оттаяло стекло,
Выплакав все слёзы.

Казахстан

Елена Игнатовская

Член литературного объединения имени П. Васильева (г. Павлодар), Международного творческого объединения детских авторов. Лауреат конкурса «Русский Stil» (Германия), дипломант литературной премии «За возрождение Урала» (Челябинск), конкурса «Золотое перо Руси» (Москва). Автор детских журналов: «Кукумбер», «Читайка», «Простоквашино», «Миша» (Москва), «Костёр» (Санкт-Петербурге), «Сибирячок» (Иркутск), «Glamoss Kids» (Омск).

ОЛИМПИЙСКОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ

Год пришёл в наряде новом,
С неба падает снежок,
И крадётся по сугробам
Новорожденный стишок.

По дорожкам белым-белым,
Под собой не чужь лыж,
Продвигается несмело
Зарифмованный малыш.

Натыкается на кочки,
Обходя сторонкой льды,
Оставляет буквы, строчки –
Говорящие следы!

И ему, конечно, рада,
Без сомнений и без слов,
Олимпийская команда
Золотых моих стихов!

ПРИЗНАНИЕ

Заявил сегодня Вова:
- Ты красивая, Петрова!
Согласился с Вовой Вася:
- Лучше всех девчонок в классе!

Васю поддержал Серёжа:
- Я согласен с Вовой тоже,
Про тебя сказал поэт:
«Ты прекрасна, спору нет!»

К Лене подошёл Андрюша:
Друг мой, Леночка, послушай...
Ты не против, если рядом
На урок хотя бы сяду?

Посмотрели Вася с Вовой
На соперника сурово,
Закричал в ответ Илья:
- Нет, с Петровой сяду я!

Тут же у Ильи и Вовки
Завязалась потасовка.
Что поделаешь, мужчины,
Им бы драться без причины.

Все разборки на пороге
Вмиг прервал учитель строгий:
- Вы не слышали звонок?
По местам, идёт урок!

Что ж, задиры-забияки,
Вы уже размялись в драке,
Предлагаю вам в нагрузку
Семь задачек на закуску.

А Петрову раньше срока
Отпускаю я с урока,
У неё за четверть «пять»,
Можешь, Лена, погулять.

Вова пробубнил уныло:
- Что ж, проваливай, зубрила...
Лене прошептал Андрюша:
- Топай, топай, дорогуша!

Крикнул ей вдогонку Витя:
До свиданья, Нефертити!
Обойдёмся без красот,
Эшафот так эшафот...

ПИСЬМО

Здравствуйте, Алёша, Вова,
Таня, Лена, Марк, Андрей!
Жду вас с нетерпеньем снова,
Приезжайте поскорей!

Вас высматриваю в окна,
Жду-встречаю у дверей:
Мне без вас так одиноко
В царстве книг и букварей!

Пусто, тихо в коридоре,
Не звенит давно звонок:
Запер сторож дядя Боря
Колокольчик на замок.

Тут без вас совсем тоскливо,
Возвращайтесь в дом родной,
До чего ж мне сиротливо
Здесь три месяца одной!

Шишкин, Сидоров, Петрова,
Перепёлкина, Козлов, ...!
Жду вас очень!!!
Ваша школа.
Август, 5-е число.

Санкт-Петербург

Юлия Рудомазина

Живёт и работает в Санкт-Петербурге. Первое серьёзное стихотворение написала в 2005-м году после прочтения романа Джека Керуака «Ангелы Опустошения». С тех пор начал оформляться поэтический почерк и, со временем, любимой формой стихосложения стал верлибр. Первая публикация состоялась в декабре 2010 года в медийной группе «Интеллигент». Наибольшее влияние на творчество оказали А. Блок, Егор Летов, Ю. Мориц и поэты-битники (Гинзберг, Керуак, Макклур).

ГРУСТНАЯ АНГЛИЙСКАЯ ИСТОРИЯ

Английские Лорды шагают,
Горделиво выпрямив суровую спину.
Сверкая английским аристократическим взглядом
(Хотя неизвестно, кто больше горд титулом,
Сам Лорд или его старосветский дворецкий).

Английские Лорды непременно
Заводят ораву весёленьких дочек,
Мечтающих потерять голову, невинность и папину честь
(Одна из них обязательно изберёт для себя карьеру
Старой поджатогубой английской девы).

В доме Английских Лордов
Гостят молодые мужчины знатных кровей,
За которых скорее хотят выдать своих дочерей
Английские Леди
(И даже не знатных, и совсем без кровей, и уже немолодые —
Лишь бы забрал эту дурёху уже хоть кто-нибудь!).

Иногда Английские Лорды
Идут на охоту, прихватив с собой гончих,
Всех домочадцев и пару весьма располневших соседей

(Ведь только там, среди лая, дыма и шумного пороха,
Им позволительно слегка запачкать безупречный костюм).

Английские Лорды не очень-то верят
В Бога, но чтят Англиканскую Церковь.
К ним часто заходит седой добродушный деревенский викарий
(Для того, правда, чтобы поухаживать за не менее седой
экономкой
И, быть может, лет через десять сделать ей предложение).

Но свято верят Английские Лорды,
В то, что практически все проблемы на свете
Решат колониальный чай и верноподданный виски
(И не менее свято веруют в сильнейшую в мире Империю
И своё право на фамильный чайный сервиз, честь и
достоинство).

* * *

Английские Лорды невозмутимы.
Даже когда поверенный, теребя в руках котелок, сообщает:
«Милорд, Вы разорены, и Ваше поместье уйдёт с молотка»,
Английский Лорд лишь слегка пошатнётся
И уйдёт в свой кабинет быстрым уверенным шагом.
На такой случай его дожидается безотказный чопорный
пистолет.

Лубокъ

ЖИТИЯ СВЯТЫХ

Родился я на улице Герцена, в доме под магазином. Когда-то, я помню, мне исполнилось три года. Бешеная собака схватила меня и понесла вдоль церкви. Так вот. Две женщины шли в платках, неумытые. Одна всё на небо смотрела да причитала : «Что же это...», да «что же это...». Вода была, значит, с корабликами. Ходят они, сапоги, босоножки вельветовые, пыльно, а оно там, крутит оно там, точит где-то внутри. Точит, а выбраться не может. Фильм такой был, в детском саду. Негр, такой высокий чернокожий мужчина. В галстук. Бьёт по толстому стеклу кулаками, кричит, а никто не слушает. Чай пьют... да. Дед мой там был. Смеялся. Слово странное говорил всё. Делирий, да. И котята! Забыли котят. Котята в корзинке. Были. Два-три котёнка в корзинке. Осенью дело было. Снег выпал. Потом взрывы показывали, самолёты. Красиво так. И железная дорога, длинная...

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Такой был год, да. С неба падали яблоки. Беззвучно на мягкий мохнатый ковёр из мокрицы. Бабки ходили с плетёными корзинами и кричали «Яблоки! Яблоки! Самые круглые! Самые упругие! Самые большие!». Потом грянул гром. Мужик не перекрестился. Хлынул ливень. Смыло к растакой-то матери яблоки, мокрицу. И бабок с их корзинами, наверное, тоже.

СМЕЮЩИЙСЯ Б.

Солнце красное светит ярко. Кузнечики в травке стрекочут. От раскалённых на солнце рельсов пышет жаром. Вдоль железной дороги идут бабки с молочными бидонами, полнотелые грудастые, в косынках. Одна то и дело поднимает глаза к небу и причитает «Что же это.. что же это.. что же так жарко». Поодаль на брёвнышке сидит старый пастух не то Митрич, не то Африканыч. Он смотрит, прищурясь, на бабок и что-то шамкает беззубым ртом. И смеётся. И бабки смеются, поставив на землю бидоны. Необъятные груди их трясутся в такт смеху. И флегматичная корова, жующая траву неподалёку, тоже смеётся. И смеётся забредшая за огороды курица бабы Агафьи. И ищущая её хромя баба Агафья смеётся. И даже гусь, любопытно выглядывающий из-за забора. И даже гусь смеётся. Смеётся сидящий на цепи старый лохматый барбос, и увлечённо вторят ему все окрестные шавки. И дед мой смеётся, сидючи в чистой горнице. Кушает румяную ватрушку и смеётся. Большая зелёная муха по горнице летает и смеётся, вылетает в окно и смеётся, окаянная. И стрекоза, что летает на лугу, рельсами, Митричем да кузнечиками смеётся. А на облачке сидит бородатый Бох и смеётся так, что бока трясутся, да слёзы с глаз брыжжут, на землю падают.

ПОЛЛИ

Полли хочет печеньку
Полли хочет стать волной
На низкой частоте
Полли хочет стать чайкой
Полли хочет стать чайником
Полли хочет кричать
Полли хочет
ПЕ-
ЧЕ-
НЬ-
КУ

Полли хочет печеньку
Полли хочет стать струной
Полли хочет стать стержнем
Полли хочет стать стрижом
Полли хочет стать сторожем

Полететь взад-вперёд
Как на качелях
Как на картонке
Как на корточках

По-над речкой
Из-под бочки
Из-за косточки
Пьяной бабочкой
Вокруг вишенки

ПРЫГ
На тумбочку
СКОК
Под камешек
ХЛОП
В оладушки
БРЫСЬ
Под тряпочку
ПОЛЛИ ХОЧЕТ ПЕЧЕНЬКУ

Полли хочет печеньку
Полли хочет стать винтом
Полли хочет свистком
Полли стать совой
Полли хочет стать свёртком

Полли хочет старый дырявый свитер
Полли хочет вернуть свою
Звуковую
Молодость...

И ПЕЧЕНЬКУ

Андрей Балабуха

Петербургский писатель, прозаик, равно подвизающийся на поприщах фантастики, научно-художественной и реалистической литературы, поэт, критик, переводчик. Автор двух десятков книг и многих сотен публикаций в коллективных сборниках и периодике. В литературе дебютировал в 1966 году участием в коллективной радиоповести «Время кристаллам говорить». Переводил фантастику — многих английских и американских авторов. Автор критических работ об иностранных и отечественных писателях. Всего свыше полутора ста обзорных и аналитических статей, эссе, очерков, предисловий и послесловий. Автор примерно такого же количества научно-художественных очерков и эссе на исторические темы. Дважды лауреат Ефремовской премии за вклад в отечественную фантастику, дважды лауреат Беляевской премии. Выпустил шесть поэтических сборников. Руководит литературной студией, преподает на курсах «Литератор»

О ЛЮБВИ ПО-РУССКИ

(ИЗ ЦИКЛА «ПРАВДИВЫЕ ИСТОРИИ О ВЕЛИКИХ»)

Заведение под гордой вывеской «Прусский король», пожалуй, не оказало бы чести и самому захудалому барону. Так, средней руки гостиница. А уж трактир при ней... да, это вам не «Погребок Ауэрбаха» в моем родном Лейпциге, где физически ощущаются три с лишним века истории, а посетители рискуют столкнуться нос к носу с тенями великого Лютера или несчастного доктора Фауста. Да что там! Это даже не здешний «Красный лев» с его горьким пивом, кислым мозельским, истекающими жиром кровяными охотничьими колбасками и горластыми геттингенскими студиозусами. И уж тем более не наш «Святой Губерт», где подает нежнейшую оленину на рашпере, бочки в погребе полны рейнских вин, даже знаменитого «шварцшлоскеллара» урожая тридцать второго года, а в воздухе витают пряный аромат кларета, сладкий трубочный дым и негромкие профессорские речи... Но ведь не ради же яств и питий оказался я здесь!

Зал «Прусского короля» был хоть и невелик, но все равно красноречиво неполон. Я методично обежал помещение взглядом по часовой стрелке. В ближнем левом углу с ленцой перебирал струны своей неразлучной мандолины старик Верушкиндер; вот уж без чьего присутствия в последние сорок лет не обходился ни один кабак — из числа не самых дешевых, но и ни в коем случае не дорогих. Забавный тип — не то переживший века последний миннезингер, не то провозвестник грядущих безвкусиц. Впрочем, своих почитателей он всегда имел. Вот и сейчас вокруг него собралась троица слушателей, один из коих, правда, пребывал уже в той кондиции, когда внимают исключительно музыке сфер. В дальнем левом углу молчаливо и мрачно пьянствовали четверо черномундирных рейтарских унтер-офицеров. За несколькими столами по двое, по трое сидели почтенные бюргеры. И, наконец, самая многочисленная и самая шумная компания собралась за большим столом справа.

Туда я и подсел, жестом подзвав кельнера — тот подбежал, на ходу вытирая руки о достаточно чистый, кстати, фарук.

— Кружку «черного бархата»!

По возможности я избегаю вина — за исключением причастия, разумеется. И как раз потому. Недаром же сказано о вине у Марка: «...и сказал им: сие есть

Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая». Кровь же Христова священна, пить ее в кабаке — недозволительная профанация. Однако это не убеждение, которое стал бы я проповедовать окружающим. Просто я так чувствую. Иное дело пиво — в нем нет ничего сакрального, но зато стоят тысячелетия культуры, оно приятно языку и полезно для тела. Да и нашей северной крови честный ячмень соответствует куда больше, нежели сок южных лоз.

Отхлебывая понемногу темный напиток, в котором совершали бесконечное коловращение потоки крохотных палевых пузырьков, легко щекочущих, дразня, небо и горло, я стал прислушиваться к застольной беседе и приглядываться исподтишка к сопотрапезникам.

Собственно, беседой происходящее назвать было нельзя. Были слушатели. Так, мелкота: полдюжины бюргеров — среднего достатка и выше, пара студиозусов да еще один тип в темно-зеленом слегка поношенном камзоле, классифицировать которого я не рискнул. Ну и Бог с ним! Все равно меня интересовали не слушатели, а исключительно рассказчик, безоговорочно царивший за столом.

Карл Фридрих Иероним, фрайгерр фон Мюнхгаузен.

Воистину, не зря говорят: врать, как очевидец!

Но это я не про фрайгерра. Просто вспомнил, как месяца два назад коллега Карл-Теодор фон унд цу Штейн делился впечатлениями после посещения «Прусского короля»:

— Он начинает рассказывать после ужина, закуриив свою огромную пенковую трубку с коротким мундштуком и поставив перед собой дымящийся стакан пунша... Мало-помалу он расплывается, жестиком крутит все выразительнее, крутит на голове свой маленький щегольской паричок, лицо при этом все более оживляется и краснеет, и в эти минуты он, в быту — я знаю! — очень правдивый человек, замечательно разыгрывает свои фантазии.

Как же легко превратить человеческий образ в карикатуру, мешая правду с собственным ее восприятием и вольно обращаясь с деталями... Да, трубка была — заслуженная, с чашкой размером в кулак, из чуть посеревшей от долгого употребления турецкой пенки, но с длинным буковым чубуком и красиво изогнутым

мундштуком из кенигсбергского янтаря — только там он встречается этого дивного цвета, почти черного в отсвете, а на просвет напоминающего густо заваренный красный чай. И пунш перед рассказчиком стоял, правда, давно уже остывший, причем к стакану он почти не прикладывался. А вот парик был самым обыкновенным, форменным, офицерским, густо напудренным, в четыре букли по бокам и с короткой косицей, перехваченной черной шелковой лентой. Но главное все-таки — лицо.

Фрайгерру было уже под семьдесят, однако овал породистого лица оставался неискаженно-благородным, лишь иссеченным шрамами морщин, что достаются всем нам в неравной схватке с быстро текущими годами. Но и те только придавали достоинства — не патриарха, нет, скорее — утомленного колосса. А Мюнхгаузен, кстати, и был колоссом: даже сидя, он возвышался надо всеми, встав же, оказался бы на добрую голову выше меня. И от него по-прежнему исходило ощущение силы. Может быть оттого, что, рассказывая, он отнюдь не распался, не краснел, не жестикулировал яростно. Наоборот, мимика была скупой, но в легком движении густых бровей или мимолетном изгибе губ прочитывались удивление, ярость или азарт, а каждое короткое и плавное движение руки рождало в глазах образ стремительного выпада шпаги или хищного разбега бьющей в борт волны.

Признаться, я не слишком вслушивался в его рассказы — моя слабость не столько литература, сколько физиогномика. К тому же я успел пролистать вышедший в прошлом году у нас в городе томик бюргеровских «Удивительных путешествий на суше и на море, военных походов и веселых приключений барона Мюнхгаузена», так что достаточное представление о жанре и сути, полагаю, составил. Зато наблюдать было интересно вдвойне — и за самим фрайгерром, и за публикой, удивившейся даже теми его рассказами, которые слушали не впервой, а то и читали. Здесь властвовало обаяние не сюжетов, но личности. Даже те, кто внимал главе стола не без ехидцы, все равно не решались порвать нить хитроумно запутанного клубка повествований.

Да, такого актера еще поискать...

Но мало-помалу пиво, вино или усталость, не суть важно, брали свое. Компания постепенно редела, и в конце концов мы с фрайгерром остались за столом вдвоем. Он бросил на меня хитрый взгляд и чуть приподнял стакан с остатками пунша.

— Ваше здоровье, герр профессор...

Вот уж не думал, что я настолько популярен в Геттингене!

— ...вот уж не чаял, что вы надумаете слушать мои рассказы.

Мы невольно обменялись улыбками — так, словно мысль свою я проговорил вслух.

И тогда я без обиняков задал вопрос, который, собственно, и привел меня сюда:

— Простите мое любопытство, фрайгерр, и если не сочтете возможным его удовлетворить, я приму это как должное. Видите ли, я никак не могу понять... Вы ничего не имели против, когда ваши «рассказы», как вы изволили выразиться, публиковались в книге графа Линара и в берлинском «Путеводителе для весельчаков». Зато на беднягу Распе ополчились чуть ли не вплоть до суда. Почему? В чем разница?

— Господи Всемогуший! — воскликнул Мюнхгаузен; его римский, с легкой горбинкой нос чуть заметно сморщился, словно в приличном доме вместо турецкого табака при нем закурили козий кизяк, но подавать виду, что смердит, порядочному человеку не пристало. — Так ведь ясно же, как Божий день: там печатали под какой-никакой, а все-таки анаграммой.

— И что же?

— То, что это был не совсем я. А то и совсем не я.

— Но ведь анаграмма-то более чем прозрачная!

— Так и переврали меня там не слишком, герр профессор. Что же до подлеца Распе, так тот не только переврал, он и насочинял такого, чего я отроду не говорил! А потом еще этот Бюргер — не то адвоэт, не то поэзат — своего добавил. Я однажды заглянул в его сочинение и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил. И теперь начинаю опасаться, что путаница эта затянется на века...

— Однако согласитесь, фрайгерр, ложью больше, ложью меньше — какая разница? Не зря же тот охотничий домик в Боденвердере, где вы потчуете гостей своими рассказами, прозвали Павильоном лжи.

— Так это потому, друг мой, что я давно понял: правду можно сотворять исключительно из лжи, ибо больше в нашем насквозь лживом мире творить ее не из чего.

— Но ведь над вашей правдой смеются.

— И слава Богу. Дураки — смеются надо мной; кто поумнее — над моими историями; умные же — над собой. А человек должен уметь посмеяться над собой, чтобы не сойти с ума.

— Но в чем же разница между вашей правдой, сотворенной из лжи, и ложью Распе, сотворенной из вашей правды?

— В чем? — фрайгерр ненадолго задумался, извлек из кармана брегет, отщелкнул крышку. — Что же, немного времени еще есть.

Он взмахнул рукой, и рядом с нами мгновенно вырос кельнер. Мюнхгаузен молча указал ему на свой пустой стакан и поднял на меня вопросительный взгляд. В конце концов, четвертая кружка пива за вечер — не так уж много. Я кивнул, и кельнер поспешно испарился.

— Будь по-вашему, герр профессор, — фрайгерр глотнул пунша и цепко скользнул по моему лицу неопределенно-темными, со вспыхивающими в отблесках свеч малахитовыми искрами глазами. — Раз уж вы листали книжонку этого жалкого штюрмера... Помните, историйки про то, как я въехал в Петербург в санях, запряхивных волком, и про волка наизнанку?

Я кивнул.

— А теперь — как оно было. На самом деле, это одна история, — фрайгерр запалил от свечи лучинку, снова раскурил необъятную свою трубку и с наслаждением выпустил несколько голубоватых колец дыма. — Я возвращался в российскую столицу из Риги, куда ездил и с официальным поручением ее императорского величества, и — попутно — уладить некоторые имущественные дела жены. Мне повезло одинаково преуспеть в обоих случаях — казалось бы, чего лучше? Но вы, друг мой не представляете себе России. Особенно — России зимней. Вообразите: вы едете день, два, три, а кажется, будто стоите на месте: все та же нескончаемая равнина под тем же серым небом, тот же серый снег и лес, лес, лес — черный, ибо в этом двучетном мире даже темно-зеленые ели из живых деревьев превращаются в замороженные гравюры. И будь вы хоть молодоженом, хоть произвели вас вчера в полковники, на душу все равно наваливается тоска. Я вообще считаю, что проклятие России — ее пространства. Помнится, еще в последний год царствования государыни Анны Иоанновны я между делом поделился с кем-то этим наблюдением. Дворцовые нравы везде одинаковы: и дня не прошло, как вызвали меня пред светлы очи государыни, и та попросила повторить мою мысль, что я и сделал, хоть и не без опаски, ибо знал, что ни о чем правители российские так не грезят, как о всемерном расширении этих самых пространств. Однако матушка-императрица, вы-

слушав, похвалила меня и даже записала слова мои в особую книжечку в синем сафьяновом переплете, которую, по ее словам, собиралась оставить в поучение наследникам. И оставила: видел я эту книжицу еще раз в руках его высочества герцога Антона-Ульриха, супруга регентши Анны Леопольдовны. Он, помнится, спросил меня:

— Можешь ты мне назвать, Карл, главные беды России?

— Дармоеды, дураки и дороги, — не задумываясь, выпалил я.

— Три Д, — рассмеялся генералиссимус. — Почти как наши три К. Это стоит сохранить для потомства, — и тоже вписал мои слова в книжечку. Однако я сильно подозреваю, что к потомкам она не перешла, а погибла с ним вместе на проклятом русском Севере...

Но я отвлекся — вернемся к просторам и снегам.

Так я и ехал, спасаясь лишь тем, что время от времени позволял себе глоток превосходной русской водки, согревавшей и тело, и душу. Правда, и в этом надо знать меру и толк. На одной из станций — не помню сейчас, было это в Эстляндии или уже в Ингерманландии — ямщик мой согрел себя так, что ни ходить, ни стоять уже не мог и только знай себе твердил:

— Да ты, барин, не тужись, ты меня только одень, на облучок посади да вожжи в руки дай. В лучшем виде домчим, барин! Пьяный я еще лучше погоняю!

Одевать я его, разумеется, не стал, а кулаком уложил отсыпаться — дня, думаю, этак на три. Что оставалось делать? Правильно санями я, к счастью, научился давно, и потому дальше отправился в одиночку. Поначалу все было хорошо — лошади свежие и резвые, а пока руки занята делом и тоскуешь невольненько меньше. Но к вечеру лошади приустили, где находится следующая станция, я толком не представлял, и вдобавок ко всему из лесу донесся злобный волчий вой.

Кстати, о волках. Любопытное дело: в Европе их куда меньше, зато про волков-оборотней тут знает всякий. И в каждом трактире хоть старинных легенд про вервольфов, хоть недавних случаев нарасскажут, и ученые труды сему вопросу посвящены. А в России, где зверей этих полным-полно, про оборотней, можно сказать, и не слыхивали. В Петербурге некий почтенный историк, правда, утверждал, будто один такой был, даже летописи про него упоминают. И не кто-нибудь, а князь. Полоцкий, кажется. Или даже великий киевский, не помню. Имя только запало: Всеслав. Обо все этом я и размышлял, прислушиваясь к недалекому уже волчьему вою и гадая, успею ли добраться до станции с ее надежными стенами.

Увы, не успел. Хоть лошади, чуя опасность, обрели почти быструю резвость, злобный вой раздавался все ближе, а потом появился и сам зверь. Не волк — волчище. Матерый, огромный, он мчался гигантскими прыжками, и расстояние между ним и санями стремительно сокращалось. Не знаю почему, но со мною часто случалось, что самых свирепых и опасных зверей я встречал в такую минуту, когда был не вооружен и беспомощен. А тут еще лошади с испугу рванули, и я от неожиданности выпустил вожжи и слетел с облучка в снег.

А едва успел я подняться, как волк налетел.

Что делать? Кроме голых рук в моем распоряжении ничего не было — значит, оставалось ими и воспользоваться. Даже одной — правой. Я инстинктивно сунул кулак прямо в разинутую пасть и, чтобы волк не откусил руку, стал проталкивать все глубже и глубже, пока морда зверя не оказалась возле самого моего плеча. Мы поглядывали друг на друга, прямо скажем, не слишком нежно.

Но что же дальше?

И вдруг меня осенила великолепная мысль: я захватил волчьей внутренности, рванул на себя, вывернув зверюгу, словно рукавицу, наизнанку, затем швырнул на землю и оставил там лежать.

Но Боже мой!

На снегу передо мной корчились не окровавленные останки волка, а здоровенный голый детина. На несколько мгновений я окаменел, как жена Лота. Человек же тем временем приподнялся на руках, обратился ко мне лицом...

— Поручик Ржевский, вы ли это? — вырвалось у меня.

Человек зашевелил губами, но поначалу с них срывались только нечленораздельные звуки. Впрочем, дар речи он обрел на удивление быстро.

— Барон! Какими судьбами? Как же я рад вас видеть, спаситель мой! — и, поднявшись на ноги, поручик кинулся меня обнимать.

— Что вы тут делаете? Да еще в таком... виде? — недоуменно поинтересовался я.

— Не спрашивайте, барон! Понимаете, был тут у одной... Вы себе представить не можете, какова шалунья! Какой темперамент! Какой пыл! Какая статья! Глазки, зубки! Да один хвост чего стоит!..

Да, герр профессор, Россия — дивная страна. Что от вождления можно оскотинить еще древние знали — вспомните Цирцею. Но звереть от любви способны только русские!

Поскольку волчья шкура ушла теперь у поручика внутрь, то шубой служить уже никак не могла — ни для спасения от стужи, ни для прикрытия срама. К счастью, лошади, перестав чують волчий запах, вернулись, а в санях нашлась для поручика медвежья полость, в которую он и укутался. Так что в Петербург я въехал три дня спустя не в санях, запряженных волком, как утверждают бездарные эти писаки, а в обнимку с волком, поторапливая взятого на последней станции ямщика, распивая шампанское и распевая песни.

У истории этой был, замечу, еще эпилог. Вскоре поручик Ржевский усыновил мальчика-подкидыша. Малышку нарекли Карлом-Вольфом — первое, как вы понимаете, в мою честь. Правда, в крещении он стал по русскому обычаю Карлом Лукичем.

Мюнхгаузен смолк и, смачивая пересохшее горло, допил остывший пунш.

Я тоже безмолвствовал, пытаюсь переварить услышанное.

По камням мостовой прогрохотали колеса — звук замер у дверей «Прусского короля».

— Что же, — сказал Мюнхгаузен, поднимаясь из-за стола, — мне пора. Рад был знакомству, профессор.

Я проводил его до кареты и, когда фрайгерр уже поставил ногу на откинутую ступеньку, спросил:

— А вы... Вы там, в России... тоже любили?

Мюнхгаузен улыбнулся:

— Увы, друг мой, я не успел достаточно обрусеть... — и добавил, уже опускаясь на обитое бархатом сиденье: — Кстати, хорошему ученому в Петербурге будут рады не меньше, чем в Геттингене, а платят намного больше. Подумайте об этом на досуге, профессор. И последнее: обещайте, что никогда не станете моего рассказа записывать. Вы, конечно, не Распе, не Бюргер, но... Так обещаете?

— Разумеется, фрайгерр!

Увы, слова я, как видите, не сдержал — надеюсь, Карл Фридрих Иероним, фрайгерр фон Мюнхгаузен простит меня с того света. Но зато строки эти написаны на берегах Невы, где, к превеликому сожалению, за два с лишним десятка лет я все еще недостаточно обрусел.

Ирина Нэртис

Родилась в 1964 г. в Ленинграде. Окончила факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Больше 15 лет вела программы на Ленинградском радио. В 1993 г. работала в газете «Смена». На протяжении многих лет была автором и ведущей собственных телевизионных и радио проектов на 6-м телеканале, «СТО - ТВ», радио «Балтика», «Эхо Москвы» в СПб. В настоящий момент работает PR-директором представительства Первого телеканала в СПб. Выпускница ТЮТа (Театра Юношеского Творчества). Стихи начала писать в юности. 26 лет состоит в счастливом браке. Имеет взрослую дочь.

В АПРЕЛЕ

В пьянящей синеве небес,
сквозь кружево березы веток
я отыскала путь к себе
и перестала ждать ответа.
Я поняла: Весна придет!
И лес опять зазеленеет.
Случится и произойдет...
Неважно, что в чужом апреле.

ОДИНОЧЕСТВО

Я люблю свой час одиночества.
В этот час ничего не хочется.
Лишь пройтись по аллее липовой,
упиваясь минувшего всхлипами.
Лишь спуститься с обрыва рыжего,
не оставленной, не обиженной,
не забытой, никем не брошенной –
одиночество по-хорошему.
Вдоль реки – под усталыми вязами,
никому ничем не обязанной,
через леса кусочек соснового -
в ожидании тайного, нового,
без старания, без усилий...
За спиной вырастают крылья...

ЛЕТО В СИВЕРСКОЙ

У калитки куст жасмина.
Лето пролетело мимо,
белым ветром лепестков,
свежим запахом цветов,
яблоками, что поспели,
тенью липовой аллеи,

мыслей медленных течением,
одиночеством вечерним,
дымом гаснущих костров,
откровением вещей снов...

Куст жасмина у калитки.
Мир расплывчатый и зыбкий.
В нем – ненужность старых дач,
елей высушенных плач,
новых вилл непонимание,
будущих садов молчание,
сумерек неясный свет,
первых звезд волшебный след,
шарф тумана над рекой...
И не-встреча нас с тобой.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ

Хочется городом надыхаться,
в глубину его насмотреться...
Замерев у реки, остаться
у стены крепостной – согреться.

Этот розовый, от заката...
Этот серый, ему привычный –
акварелью размытые пятна,
знак один из его отличий.

Он мистически непонятен,
и совсем не нужны ему люди.
Он торжественно аккуратен
в построении дворцов прелюдий.

И божественно музыкален!
И в прозрачности невозможен...
Он в реальности нереален.
В нем простое – всегда о сложном.

Если ты из числа посвященных
в его тайну и совершенство,
наслаждайся непринужденно
этим сумеречным блаженством!..

* * *

Мосты сожжены... И назад не вернуться.
А, может, нам просто не надо назад?
Душе, что однажды сумела проснуться
Распахнутый Мир по-особому рад!

Глубины, вершины... И тысячи смыслов!
И свежие запахи новой весны...
И радуга в небе висит коромыслом,
И ей все равно, что мосты сожжены.

Она перекинулась в лучшее завтра,
Играя на солнце мелодию снов...
И все семицветье, вся сила и правда,
Вся радость – тебе,
если к Жизни готов.

ЧИТАЯ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА

Какое огромное слово ЛЮБОВЬ!
Вмещает в себя миллион мирозданий,
Гирлянды галактик, мозаику снов
И облик еще не рожденных созданий.
Какое бескрайнее слово ЛЮБОВЬ!
Одно в нем всегда порождает другое,
Зовет в многомерность далеких миров,
В безмолвие звезд,

в безграничность покоя...
И в этом блаженстве, и в этом раю,
Рождающим смысл
и наполненным смыслом,
Я чувствую силу и волю Твою,
Твою бесконечно глубокую мысль.

Екатерина Асмус

КРОЛИК

Пожилые часы треснувшим голосом возвести о скором наступлении Нового года. Одиннадцать дребезжащих «боммм!» закольхались в стылom воздухе, вспугнули огоньки над тощими лучинками, освещающими праздничный стол, покрытый совершенно по-старинному - крахмальной белой скатертью, но не отутюженной, а с невозможными в прежние времена пожелтевшими следами сгибов - следствие длительного вылеживания в комод. Морковный пудинг гордо возвышался желтоватой горкой над кобальтово-синими узорами «мейсоновского» фарфорового блюда, одиноко стоящего на белоснежной целине скатерти. Сей незамысловатый десерт изготовлен был в основном из крахмала, с добавлением одной-единственной чахлой морковинки, сваренной и истертой в мелкую крупу, и вот, теперь он красуется на столе, подтаивая под жаркими жажущими взглядами детей. Далее, на скатерть опускается близнец первого «мейсоновского» блюда, с горкой исходящей сытным паром гречи - символа бывшего домашнего благополучия. Пол дня всей семьей выбирали из крупы мелкие гвозди: рыночные торгаши, по нынешним смутным временам, подсыпают их во все сыпучие товары, ратуя за увеличения веса. И продают мешочек, не развязывая - бери что есть, а то и этого не будет! И люди хватают, оставляя на базаре фамильные ценности за двести грамм мелких гвоздей, с добавлением крупки... Греча тонет во «французской» подливке - пережаренный с поскребышами муки крахмал. И, наконец, сияющая Ада Ильинична вносит очередного «мейсоновского» близнеца с новогодним сюрпризом, запах которого вот уже часа два будоражит обоняние изголодавшейся семьи. Откуда? Загадка! Но факт - это настоящее жаркое! Ада Ильинична торжественно водружает его, аки драгоценность, в самый центр стола. На старинном, чудом сохраненном блюде, покоится чудосочная тушка небольшого зверька.

- Кролик! Кроличек!!! - радостно восклицают дети, в последний раз увидевшие тушеного грызуна более полугода назад.

Ада Ильинична лишь улыбается в ответ. Ее пожилая матушка Евгения Павловна улыбается тоже и раскладывает столовые приборы - последний штрих. Семья рассаживается за круглым столом, и все дружно и приветственно поднимают разнокалиберные чашки. Радостно чокаются: взрослые - разведенной в воде грамушкой спирта, тщательно сбереженной рачительной хозяйкой для этого праздника, а дети - киселем из крахмала с малой толикой сахара.

- С наступающим Новым годом, дорогие мои! Но прежде - нужно проводить старый, каким бы он ни пришелся: что было, то было, и что было - то наше! - восклицает Ада Ильинична, глаза которой лихорадочно блещат. - Все кончится этой зимой, вот увидите! Недолго осталось.

Под радостные возгласы и звон чашек, Ада Ильинична виртуозно разделяет тушку ножом на практически равные части и кладет каждому порцию, сдобрив ее гречкой с серым крахмальным соусом. Непривычно полная тарелка висится перед Дмитрием Дмитриевичем, пар поднимается, заволакивает ноздри приторным запахом дичины. Дмитрий Дмитриевич слабо улыбается домохозякам. Только бы ничего не заметили. Он старается быть особенно милым, когда произносит:

- А дочка, душа моя! Я полежу немного, две минуточки, что-то нехорошо мне, но скоро пройдет, сама знаешь. И приду

снова к вам, и будем праздновать дальше все вместе.

Говоря это, он потихонечку отступает к двери, улыбочивый и обаятельный, как и всегда, а домохозяццы сочувственно кивают ему и говорят: «Да, конечно милый папочка, полежи, ты устал, мы понимаем...»

- А дочка, вы ешьте мою порцию, я ей-богу сегодня ничего есть уже не могу!

Проговорив это, он со всей возможной поспешностью вываливается в коридор, задернув за собой плотную бархатную штору, украшенную бывшими прежде нарядными и веселыми бомбошками. В коридоре можно уже чуть расслабиться и не вымучивать из последних сил улыбку, тут уже никто не увидит, как мертвенно бледнеет его лицо. Только бы до спальни добрести и не упасть. Держась за стенку, Дмитрий Дмитриевич медленно шаркает в полутьме и вот, наконец, спальня. Квартира, которая до голодного времени казалась его семейству невеликой, теперь - словно неодолимый лабиринт.

Забравшись под несколько одеял, столь тяжелых, что не потерявшая чувства юмора Ада Ильинична прозывает их «могильной плитой», Дмитрий Дмитриевич долго тряся мелкой и страшной дрожью, вот уже много месяцев изматывающей все его существо. Как тщетно пытался он унять ее, как старался он скрыть ее от всех и даже от себя! Еще недавно высокий, крепкий, импозантный мужчина, успешный актер, любимец женщин и отчаянный ловец и это при том, что нынешняя, четвертая жена была моложе него почти на тридцать лет, за блокадные месяцы он потерял всю свою физическую мощь, безоглядную веру в будущее и непрерывную радость сердца. И теперь, оставшиеся еще силы, тратил он на то, чтобы скрыть этот страшный факт от любимых и любящих.

Дмитрий Дмитриевич перевернулся на спину и уставился в потолок, некогда белоснежный, а теперь покрытый серой копотью от буржуйки. Запах жареной мертвечины преследовал его и здесь. Мысленно представил он себе, как его милая нежная Аденька весь день выслеживала эту тощую кошку, потом - долго ее ловила, после нашла способ умертвить сопротивляющееся, но ослабевшее от голода, как и она сама, животное. И освежить тушку нужно было тайно, чтобы никто не узнал. Вот каким образом «кролик» стал украшением праздничного стола... Слезы навернулись на глаза пожилого актера, до глубины души он был растроган мужеством своей хрупкой и отважной жены.

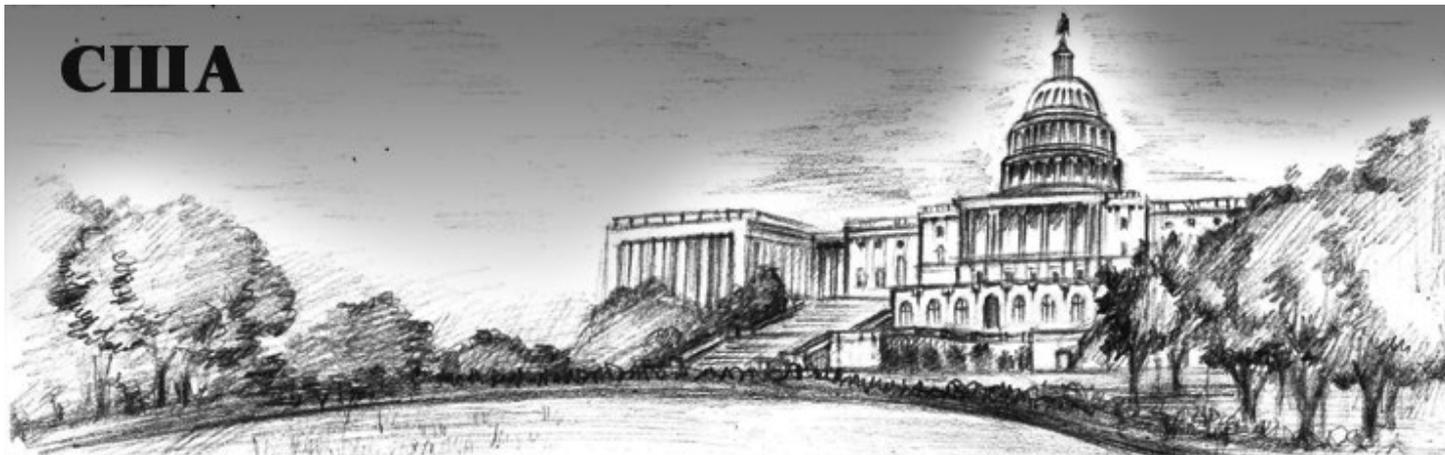
- Но съест кошку - выше моих сил! - мысленно заорал он, - будь проклята война эта бездарная.

Дмитрий Дмитриевич зашелся в немом крике - от собственного бессилия и от точного осознания неизбежности конца. В последнее время он чувствовал, что очень скоро умрет, может быть даже сегодня, а может немедля, прямо сию минуту.

- Папа! Папочка! - прозвучало из коридора. Звенящий колокольчик - голосок младшенькой, Дашеньки, «поскребыша», любимицы Дмитрия Дмитриевича. - Папочка! Ты еще придешь к нам на праздник?

И с трудом поднявшись с кровати, старый актер из последних сил выпрямил гордую спину, улыбнулся, как прежде - обаятельно и открыто, и стараясь ступать твердо, вышел в коридор, чтобы взять за руку дочь и, словно наследную принцессу, сопроводить ее к новогоднему столу.

США

Михаил Мазель

Родился в Москве в 1967-м. Окончил математическую школу и технический ВУЗ. Пишет с 1987-го года. В США с 1997-го года. Поэт, сказочник, фотограф, автор более 50-ти интернет-проектов. Вице-президент Клуба русских писателей Нью-Йорка, редактор Альманаха и веб-сайта Клуба. Автор книг: "Нити дорог", "В краю невыпавших дождей", "Синий вагон метро", "По запотевшему стеклу", "Как есть", "Неслышное дыхание", "Прогулка по росе", "Два слова об очевидном", "Рассказка о Лисёнке и королеве шуршариков", "Умение удивляться". Регулярно печатается в литературных альманахах США и Германии. Участник 7 фотофаставок (3-персональные). На стихотворения Михаила написано более 40 песен.

КАРЕЛЬСКИЙ ТРИПТИХ ДОРОЖНАЯ

Не печалься, милый друг - всё пройдёт.
Набирает поезд пусть быстрый ход.
Раньше времени грустить не спеши.
Ты успеешь ещё всё совершить.

Бледно светит над дорогой луна.
На пути встает лесная стена.
Страхи только ты в душе не буди.
У тебя ведь всё ещё впереди.

Пусть тревогу и печаль смоем дождь.
Сокровенного в душе лишь не трожь.
Ты гитару свою лучше настрой
И про дружбу и любовь песню спой.

Птицей пусть она взлетит над костром.
Белым голубем отправится в дом.
Кому надо, сообщит, что любовь
Не умрет, куда-то есть в жилах кровь.

Над тайгою тихо встала звезда.
По дороге вдаль бегут поезда.
А мечта рекой течёт на восход.
Дальний белый прогудел пароход.

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ

На холме в Карелии над озером
распласталась белой песней ночь.
Тёплый дождь полночной тихой прозою
гонит от костра в палатки прочь.

Вдалеке над сопкой блещут молнии.
Поднял ветер легкую волну.
Я спешу запомнить ту гармонию
прежде, чем щекой к тебе прильну.

На холме в Карелии над озером
спят в палатках добрые друзья.
Не мешают им раскаты грозные.
Тихо сочиняю песню я.

Песню про тебя и про скитания,
шумные пороги и леса.
Тишина одна внимает втайне мне,
распахнув озёрные глаза.

А заря уж снова занимается,
розовея, манит вновь восток.
Лето ещё только начинается.
Шелестит исписанный листок.

ОБРАТНАЯ ДОРОГА ИЗ КАРЕЛИИ

Прощальный гудок паровоза.
Косой быстрый росчерк дождя.
Как в сердце, вонзилась заноза,
но боль ощутишь погоды.

А поезд всё ход набирает
и скоро уж въедет он в ночь.
Да небо всё ниже свисает,
озёра проносятся прочь.

Как сон, незаметно промчались
недели в карельской глуши.

На память на зиму остались
грибы, что успел засушить.

Остался оборванным эхом
простор для полёта мечты
и лег в душу радостным смехом,
тоску вытесняя в кусты.

Дорога уносит нас к дому.
Не виден во тьме поворот.
И льется мотивом знакомым
карельский прощальный фокстрот.

ПРОЩАНИЕ С МАРШРУТОМ

Олегу Митяеву

Вагон качнулся, и лица поплыли
назад. Прощанье и взмах рукой.
И вместо "будем" споём мы – "были".
Пойдут рассказы потом рекой.

А лес желтеет, не облетая,
но улетает назад - назад.
Ты смотришь в небо, и небо тает,
ползет заката с него слеза...

И лишь гитара осталась с нами,
всегда готовая рассказать
о том, как стихло заката пламя,
о том, что было - чего не взять.

Вагон качнулся, и лица поплыли
назад. Прощанье и взмах рукой.
А всё ж свершилось, и мы тут были,
одной мы плыли с тобой рекой.

Олег Семенов

Родился в 1944 г. Работает в Университете штата Нью-Йорк, США. Увлечения: гитара, пишет авторские песни, стихи и небольшие рассказы.

НА ПОКОСЕ

- Шабаш, – сказал Иван, докосив свой рядок и поворотив валок скошенной травы обратным концом древка косы, чтобы скошенная трава быстрее сохла на солнце – Будем обедать!

Шла вторая половина июля, самое жаркое время на Среднем Урале. Иван, уже пожилой и обремененный семьей мужик, и двенадцатилетний Сенька косили сено на Ивановой пабереге (луг на берегу реки или озера, обычно заливной в паводок) в десяти километрах от поселка. Сенька был из другой семьи, но каждое лето напрашивался Ивану в помощники, потому что из всех крестьянских работ больше всего любил косьбу. Что-то волшебное слышалось в мягком, шелестящем посвисте лезвия косы-литовки, когда оно подсекало мощным взмахом сочные стебли травы и те ложились поверх него, как порубленные в сече воины, поникая головами-колосками, а потом сгребались ободком лезвия в валок по левую сторону от косаря. Недаром в народе возникла такая поговорка: упал, как подкошенный.

Сенькины родители своей коровы не держали и считались чем-то вроде интеллигенции на поселке. Отец занимал должность товароведа в Уралалмазнабе, мать работала акушеркой в поселковой больнице, а значит являлась крестной матерью почти всей поселковой ребятне, и, при зарплате отца в 90 рублей и матери в 60 рублей в месяц, семья могла позволить себе отказаться от возни с коровой, покупая молоко у соседей. Естественно, что при отсутствии коровы отпадала необходимость заготовки сена на зиму, и, соответственно, владения покосными угодьями, поэтому Сенька с радостью помогал соседу Ивану управиться с его покосом.

Вы спросите, какая радость в крестьянской работе? Ну, только потомственный горожанин может задать такой вопрос. Покос – это, несмотря на в общем-то тяжелый труд, ещё и уход от обыденности, можно сказать, обрыдлости деревенского быта в слияние с природой. Это ночевки в самими построенном шалаше, ушица из только что наловленной бредешком рыбы, чай, заваренный в кружках душистыми листьями чёрной смородины, печёная в костре картошка, разговоры и рассказы у костра под пронзительно звёздным небом, звуки засыпающего леса в ночной тиши и тихое перешёптывание темной реки с листвой осин и берез, слегка волнуемой под вечерним ветерком. Это сияющие рассветы в тайге, а вставать надо было на зорьке, чтобы успеть покосить по росистой траве, когда косится легко и литовка бежит, как по мягкой смазке, да и существовало поверье, что коровы больше всего любят жевать и дают более вкусное молоко, когда едят сено из травы, скошенной по росе. Это утренний аромат тайги, когда каждый листок и лепесток просыпается и спешит заявить о себе, наполняя воздух запахом свежести и радостного ощущения жизни в предчувствии нового дня. В общем, романтика во всем её махровом цвете, несмотря на подневольную сдачу ежедневной порции крови зудящим и пищащим кровопийцам, а те работали в две смены: днём оводы и паузы, а вечером, естественно, комары. Последние были готовы работать и ночную смену, но и у Ивана были свои хитрости: шалаш обкладывался изнутри некоей травкой (к сожалению, название растения теперь уже позабылось), запаха которой комары не переносят, и в шалаше можно было спать совершенно спокойно.

- Ну, так вот, - добавил Иван, раздеваясь догола, - я тут слегка испунусь в протоке, а ты сбегай-ка на остров и проверь закидушку!

Надо сказать, что остров, безлесный и лишь чуточку поросший кустарником, загораживал паберегу от противоположного берега реки, где тоже находился чей-то покос, и от глаз десятка баб, сгребавших граблями подсохшее уже сено, поэтому купать-

ся можно было в протоке голяком без всякого стеснения. Сенька тоже был не прочь искупаться, но слово старшего – закон, так что он перебрёл протоку и направился к нижнему по течению концу острова, где они с Иваном еще накануне утром поставили закидушку. Закидушка, она же донка, это сравнительно толстая леска со свинцовым грузилом или камнем, оставлявшим свободным примерно метровый конец лески с крючком, на который нацеплялся живец – ранее пойманная бредешком ещё живая плотвичка или пескарик. Конец лески с грузилом и живцом закидывался в реку где-нибудь неподалеку от водных зарослей травы, где могла хорониться щука, а другой конец привязывался к воткнутому в землю колышку на берегу.

Подошёл это Сенька к закидушке, ну ничего интересного, леска свисает свободно с колышка, без натяга, значит ничего не попало. Хотел уже повернуть обратно и наконец окунуться в желанную прохладу протоки, но тут заметил одну странность: часть лески, лежащей на поверхности воды, свилась кольцами, хотя они выбрали леску после заброса с небольшим натягом, как будто кто-то взял и подтянул грузило против течения ближе к берегу острова.

- Ну ладно, – подумал Сенька, – надо переставить закидушку! – Стал выбирать леску, идёт свободно, никаких чудес, и вдруг встала, как будто зацепилась за что-то вроде бревна.

- Чёрт, - ругнулся он про себя, - вот неприятность, надо в реку лезть, отцеплять. – Попробовал дернуть посильнее, и тут это бревно как потащит его в реку. От неожиданности Сенька чуть не опрокинулся в реку вместе с леской, однако среагировал, удержал леску, уперся ногами и, пятясь задом, стал выволакивать это что-то на сушу.

Секунды растянулись в каком-то новом измерении. Наконец, отчаянно сопротивляющаяся, огромная щука была вытащена на берег и тут же начала биться, пытаясь соскочить обратно в реку, однако Сенька бросился на неё всем телом, прижал к земле и, вспомнив, как это делают опытные рыбаки, выдернул колышек, к которому крепилась леска, ловко проткнул рыбину возле жабер, после чего та затихла и лишь слегка шевелила жабрами. Тут время вернулось обратно в свое русло, и стал восприниматься окружающий мир.

А в мире происходило следующее. Иван, заметив из протоки в верхней части острова, где он блаженствовал по шею в воде, суету и возню на нижнем по течению конце, выскочил на остров и с истошным воплем – «Держи! Упустишь!» – рванул нагишом на подмогу. Бабы на другом берегу, увидев несущегося с воплями во весь опор голого мужика, сверкающего всеми причиндалами, побросали грабли и, разинув рты, замерли то ли в изумлении, то ли в ужасе – кто его знает, что случилось, может, ограбили, а может, утонул кто. Подбежал задохнувшийся Иван и, видя уже спокойной стоящего Сеньку, закричал на него, немедленно озлобась от воображаемой неудачи:

- Что, балбес, упустил?

Сенька так же спокойно указал под ноги. Тут Иван наконец увидел в осоке пойманную щуку, одобрительно зыркнул на Сеньку, подхватил рыбину рукой под жабры и гордо поволок её на вытянутой руке с волочащимся по траве хвостом под всё ещё изумлёнными взглядами баб, являя собой что-то вроде ожившей статуи Геракла то ли с поверженным змеем, то ли с драконом, или каким-то ещё чудищем, как на картинке из прочитанных Сенькой «Мифов древней Греции».

Долго потом за рекой слышались громкие голоса и звонкий смех. Может, бабы переживали случившееся событие, а может, обсуждали Ивановы мужские достоинства, кто их знает, этих баб!

Главное, что щука была поймана в аккурат за два дня до дня рождения Сенькиного отца и по общему решению была на следующий день отправлена с Сенькой в поселок, дабы его мать успела испечь рыбный пирог ко дню рождения – любимое блюдо отца. Прибежал Иван с покоса на один вечер – летняя страда не позволяет терять много времени, – пришли другие соседи, все ели пирог, пили бражку и нахваливали раскрасневшегося Сеньку за его удачу – кормилец! А на следующий день они с Иваном уже были снова на покосе; потехе час, а делу время – это закон крестьянской жизни. И были потом еще покосы и новые приключения до самого отъезда Сеньки на учебу в столицу, в его другую жизнь, не имеющую ничего общего с первой, такой светлой и безоблачной, такой памятной и манящей к себе, но такой невозвратной жизнью.

Игорь КВОЧКА

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ СЕНТЯБРЯ

В нем тепла
Ты уже не найдешь...
Только холод,
Туман,
Только дождь.
Только горечь увядшей
Травы,
Зеркала серых лужиц...
Увы,
Этот дождь —
Серый дождь —
Как черта,
Проведенная под сентябрем.
Шепчут листья, слетая с куста:
«Это значит, мы тоже умрем...
Значит, тоже засыплет нас снег —
Пожелтевших,
Растоптанных —
Всех.
Как притих отъезжающий цирк...
Мы не верили...
Боже!
Глупцы...
И весну не вернуть —
Вот беда...
А казалось — мы будем всегда
Зеленеть,
Веселеть,
Просто жить,
Словно зелень
Вовек не убить...
А сегодня — обратный процесс —

Засыпает
Редющий лес.
И тепла в нем
Уже не найдешь —
Только дождь,
Только дождь,
Только
Дождь...»

* * *

Все чаще на исходе ранней осени
Уходим мы забытыми дорогами
В те уголки, где мы беспечно бросили
Под синим небом детство босоное,
Где поутру полынь умыта росами,
Где некому узнать, какими стали мы,
Где старый дом хватает воздух осени
Беспомощными голубыми ставнями...

* * *

Есть исключения из правил,
Когда прощаются — любя.
И край, который ты оставил,
Он не забыл еще тебя.

Там скалы — каменная гряда,
И море — синяя вода.
Ты так скорей летел — оттуда.
И так теперь горишь — туда.

ВОСПОМИНАНИЕ О СОЧИ

Последний день.
Последний вечер.
Совсем немного, чтоб понять,
Что о такой же самой встрече
Теперь придется лишь мечтать.

Мечтать и ждать,
Мечтать и верить,
Еще тая надежду в то,
Что в мире
Есть такие двери,
Что позовут в закрытый дом.

Явиться вдруг,
Войти без стука,
Чтоб убедиться еще पुше
В том,
Что материи присуща
Такая форма, как разлука.

САНТЕХНИЧЕСКОЕ

Нас ждут
Забывшие пороги,
Покинутые города,
Но раз пройденные дороги
Мы вновь проходим
Не всегда.

И понимаем
Мы
Едва ли,
Что невозможно заменить
Все,
Что уже мы потеряли
Всем тем,
Что можем сохранить.

Я не судил об этом строго,
Но лето снова показало,
Что, в сущности,
Довольно много —
На самом деле — слишком мало.

Ведь ветер, с быстротою света
Куда-то наши дни уносит,
Ведь лишь вчера мы ждали лета,
И вот — во всю бушует осень.

И желтый лист,
С ветвей слетая,
Кружа над высохшей рекой
Всем нам,
Уставшим,
Обещает
Прохладу, отдых и покой.

И кто-то вновь коней прищпорит,
А кто — решает наперед,
Что синяя страна
У моря
Еще немного подождет.

И смиренно спит покорный мерин,
Но помни, покидая стремя,
С тем,
Сколько ты себе отмерил,
Быть может, не согласно
Время....

* * *

Лето устало любить.
В воздухе — пепел и пыль.
Осень еще не пришла, она только в пути.
Черт знает, что за пора —
То ли кошмар, то ли быть —
Мой поезд несется туда, куда мог не идти.

Где-то куражится жизнь,
Где-то осклабится смерть,
Как-то плевать, кто в трясине, а кто на коне...
Кто-то сжигает мосты,
Кто-то стучит в мою дверь,
Кто-то зовет...
Только это уже не ко мне.

Пламя былого костра
Жжет алкоголем в крови.
Все. Нам пора уходить. Это фильм — не про нас.
В мутном прицеле утра —
Ключья вчерашней любви.
Главное — выбрать того, кто исполнит приказ.

Всосав второй стакан и закусив колбаской,
Сантехник Коля мне сказал:
- Так вот:
Ты хочешь жисть понять,
А все предельно ясно -
Она простая,
Как водопровод.

И тут же объяснил, доходчиво, прилично:
- В системе все, как у людей,
У нас.
И вход туда — один.
А вот пути - различны.
К примеру: тот — в джакузи,
Этот — в унитазаз...

И вот, во весь напор течет река людская,
В стремленьях, в боли, в радости, в беде...
Но тронет кран рука
И нас распределяют:
Кого - на чай с имбирем,
А кого — в биде...

ТЕЛЕГРАММА...

(Афганский вальс)

Я вернулся, мама,
По взлетке Баграма.
Дорога домой, словно тонкая ниточка пульса.
Поверь, этой длинной такой телеграмме:
Я вернулся, родная,
Вернулся,
Вернулся,
Вернулся...

Мы прошли перевалы —
Руины, обвалы.
Мы прошли, но едва ли все самое страшное — в этом.
Я кричу по ночам,
Это значит, опять
Нас огнем поливают дувалы.
Это значит, опять лейтенант против банды с одним
пистолетом.

Молчите,
Трубы и литавры —
Никто еще от маршей не проснулся.
Им не нужны теперь ни почести, ни лавры.
Вот если б крикнуть: «Здравствуй, мама, я вернулся!»

Я вернулся, мама.
Огонек папиросы
В темноте, словно «стингер», на отдых присевший.
Знаешь, мам,
А ведь я уже взрослый.
Даже старый. И чуть-чуть поседевший.
Мы уходим, родная,
С чужою землею
Оставляя сто тысяч надежд
И тысячи жизней.
Проверь это небо
Из РПД,
Разрывною —
Оно нашей кровью, как спелое яблоко, брызнет.

Я вернулся, мама,
«Шереметьево», вечер.
Целовали траву, и парили над нею, как птицы.
И скупили весь рынок цветов,
И раздали цветы первым встречным.
И еще понимали — оттуда нельзя возвратиться.

Спросите рядового и главкома —
Ни первый, ни второй вам лгать не станет.
Покуда день —
Он еще дома.
Дома...
А ночью — там,
В Афганистане.

Молчите,
Трубы и литавры —
Никто еще от маршей не проснулся.
Им не нужны теперь ни почести, ни лавры.
Вот если б крикнуть:
«Здравствуй, мама, я вернулся!»

* * *

А за сонным окном угасает еще один день,
Как ночная свеча, что к рассвету сгорела дотла.
Я последний свой стих для тебя написал на воде,
Но ты поздно пришла, и уже ничего не прочла.

Распустила метель голубых шаловливых коней,
И не видно за ними уже ни домов, ни дорог.
Может, было б легко, если б не было прожитых дней,
Что за нашей спиною стоят как печальный упрек.

Если б гаснущий вечер опять не заставил тебя
Вспомнить все, на мгновенье оставшись собой...
Бродит месяц по небу, чету рваных туч теребя,
Словно призрак какой-то ушедшей мечты голубой.

Черным вороном ночь поклевала жемчужины звезд,
Из немой пустоты дышит мертвенным холодом мрак.
Я писал это в дождь, но сегодня ударил мороз.
И поэтому все получилось немного не так.

ПАМЯТИ ИГОРЯ ТАЛЬКОВА

Стоны молитв,
Прах погребальных костров.
Водка в стакане,
Портвейн
И засаленный стол.
Можете спать —
Он ушел.

Можете петь — фарисеи сегодня в цене.
Вкусите от тела, рабы, и смелее — домой.
Участь героев — одна —
Умирать на войне,
Участь рабов — скулить там, за передовой.

Как мало секунд на полет,
Как много — на смерть...
Как много всех рядом,
Кричащих,
Мешающих взмыть...
Но кто-то стал позади, он тоже с крыльями,
Ну-ка, проверь —
Не мы принимали закон — умирать, чтобы жить...

Как птица без крыльев,
Как рыба тез жабр.
Как северный ветер навстречу немым голосам...
Что ты, это — не кровь.
Это мечется в умершей роще дикий октябрь,
Поднимая листву к небесам.

* * *

А снег идет, такой шальной,
И ветерок вздыхает негой,
А я, быть может, стану снегом,
А может — ветром и травой...

* * *

Мы оба понимаем.
И молчим.
Что говорить,
Нужны ль теперь слова?
О, да,
Пожалуй, в этом ты права —
Мы оба понимаем.
И молчим.

Я поездом сквозь полночь увозим.
А позади —
Шальных четыре дня.
И не забудем их
Ни ты,
Ни я —
Мы понимаем это.
И молчим.

И только взгляд —
Как горький крик в ночи —
Ведь я проеду
Только лишь версту
И проклян
Немую пустоту...
Мы понимаем это.
И молчим.

И этот день —
Он памятью храним,
Она его нам сможет возвратить.
И в нем
Нам
Друг без друга не прожить.
Мы понимаем это.
И молчим.

Легко растает папиросный дым,
Но памяти,
Увы,
Дано сберечь
И боль разлук,
И мимолетность встреч.
Мы понимаем это.
И молчим.

* * *

Каштаны, как град, барабанят по крышам,
Над городом — осени поздней печать...
А если я крикну,
Услышишь?
Услышишь...
Поэтому, лучше я буду молчать.

Юлия ВИНОГРАДОВА

* * *

Мне надоело доказывать и принимать стороны.

Вороны

научились сидеть на плече —
корми их за это с ладони.

А я буду заполнять клеточки,
чертить грифельные мосты от строки к строке
и каждое утро
выворачивать карманы памяти,
не находя в них ничего,
кроме снов
и старых поздравительных открыток.

* * *

А когда настанет утро, мы притворимся, будто
знаем, куда идем и где делать паузы; притворимся,
что знаем, кто мы; что мы вообще что-нибудь знаем о
себе. И тогда уж точно идти станет легче; можно будет
перепрыгивать ступеньки, не боясь разбить коленки
— а ведь в детстве такое частенько случалось; но если
не плакать и вовремя приложить подорожник, то все
обязательно будет хорошо.

Можно даже не сомневаться.

СЧИТАЛОЧКА

Раз-два.

Сожженные листья делают апрель похожим на август.
Сожженные листья делают память похожей на шутку.
Жалость, жалость, сожаление: пробелы, пропуски,
проблески.

Кто сказал, что я — человек?

Кожа на запястьях тонка, от касаний остаются следы;
кожа на бедрах тоньше в разы — следы останутся от
выдохов.

Я рисую бисером, я играю — числами.

Темнота растекается по венам. Я знаю, что завтра бу-
дет ложью.

Пальцы скользят, пальцы скользки. Вместо лепестков
роз — кленовые листья: я не верю даже себе.

Три-четыре. Притворись моим другом.

Выход.

* * *

Нике

Она сидела у окна, обглаживая косточки моих
снов, и с закрытыми глазами пыталась сосчитать
пролетающих мимо птиц, а затем проводила пальца-
ми по теням, отбрасываемым липой на подоконник.

Звуки стекали по стенам, по ступеням, постоянно
возводили себя в степени, постепенно-поступа-
тельно стирали проступки из памятных дат.

Постой!

Осмелев, смыли с отмерей ладоней страницы
разговоров, и молчание золотыми слитками рассыпа-
лось под взъерошенным апрельским небом.

Мне бы — не быть на тебя похожей настолько.
Несколько поздно разбрасывать камни, как, впро-
чем, и собирать. Кликаю по пробелу, и пробелы в
недосказанном пробуют зацепиться, заполниться —
запомниться бы хоть в ком-нибудь стальными отбле-
сками и медными отзвуками.

А после — ты ведь помнишь — слова протяжен-
ностью в мили, в которых искренности — миллиме-
тры. Но теперь уж и правда не важна, правда ведь?

Все наперед просчитано, прочитано и забыто.

Прощай. Увидимся не позже послесловия.

* * *

День первый

Пустота, коей в сущности и была Джейн, пусто-
та, струящаяся по дверным откосам, имела занятное
свойство — заполнять собою пространство, и пусто-
та эта завораживала, захватывала. И пустота эта по-
рождала сны, а сны — страх, и Джейн искренне, до
отчаянья, боялась закатов, предпочитая разглядывать
их в глазах незнакомцев. И она дышала временем —
преимущественно чужим, и тогда дышалось легко, и
птицы в снах летели непременно к востоку, и роняли
в кленовые рожицы блестящие перья, и ссадины на
руках заживали быстрее обычного.

Ночное небо шумит громче, говорила она.

День второй

Расскажи мне сказку, если помнишь, с чего все
начиналось.

День третий

Shitday, Shitday, Shitday, Shitday, Friday evening,
Saturday, Sunday.

Говорить правду приятней. И проще, если забить
на возможные последствия.

Упрости жизнь до схемы, и тебе никогда не будет
больно. Разве что непривычно быстро растущая луна
слепит глаза по вечерам и намекает на смену сезонов.
Да к черту сезоны — ноябрь на удивление холоден, из-
за каждого угла мерещится предновогодняя суматоха.

И опять — срезая углы от выходных к выходным. И
опять — незнакомый французский голос из колонок —
о темноте, и опять — до тошноты красный свет на лест-
ничной площадке. И опять — закаты-закаты-закаты.

О да, детка, жизнь короче, чем кажется.

* * *

Если бы жизнь умела меняться,
она бы

перекрасила стены своего дома в малиновый
и больше никогда не опаздывала на встречи.

Если бы жизнь умела меняться,

она бы

раздала самые занятные случайности
самым обычным прохожим.

Если бы жизнь умела меняться,

она

перестала бы задавать риторические вопросы

и стряхивать на город тополиный пух,
когда лета толком еще и не началось.

Если бы жизнь умела меняться,

она наверняка стала бы чьей-то чужой.

Валерий ПАУК

* * *

Не важен опыта запас —
реальность неизменна:
в ней долог день, в ней вечен час,
а жизнь, увы, мгновенна.

ВСЕГДА ГОТОВ

Всегда готов развеять заблуждения,
(срываясь от банальности сего),
когда идиотизм чужого мнения,
не схож с идиотизмом моего.

ПЫТАЯСЬ НЕ ПОРВАТЬ

Учу дитя предельно осторожно,
пытаясь не порвать желаний нить.
Добиться послушания не сложно,
сложнее, добиваясь — не добить.

У ВСЕХ БЫВАЕТ

У всех в судьбе бывает опечатка.
Она шипит и вьется злобой дня.
Но нет полезней в жизни отпечатка,
чем тот, что от отцовского ремня.

ВЫБОР

Ты снова плачешь! Окна нараспашку.
Давай зажгу камин, сложу постель.
Зарёванную, милую мордашку,
не прячь в ладони. Несколько недель?!..

Прости, прости поэта и служаку,
за преданность к любви не по часам.
Мне сложно жить и плыть по зодиаку.
Мне нужно верить росам, голосам,

чудным приметам. Сбрось свою опалу.
Я здесь. Я снова здесь. Я снова твой.
Не злись, и выпьем..., выпьем по бокалу
любви, что пахнет мёдом и травой.

Бежать вперёд — на всё веление божье.
Спешу туда, где выстелена гать,
где пылкость освещает бездорожье.
А выбор за тобой:
«Понять»!
«Прогнать»!

ПУСТЬ

Я пишу на опавшей листве,
годовые отчёты и сметы.
Пусть не юность со мною в родстве и
не яркие годов самоцветы.

Пусть цвета унесла седина,
Пусть не часты семейные вече.
Плачет осень, но в сердце — весна и
до снега, надеюсь, далече.

ВНУТРИ — ОСЕНЬ

Кто я внутри, или что там внутри?
Мира отшельник? Удача, тревога?
Кто там вальсирует три раз, два три?
Кто там не верит и верует в Бога?

Осень листвой рассыпает слова.
Осень всё та же — багряного цвета.
Стала чуть больше болеть голова.
Стало чуть меньше идей для сюжета.

Злиться не надо. Оно не к чему.
Ливни. Ветра.... Оголенные нервы.
Хочешь, я крепко тебя обниму.
Буду не первым, зато самым верным.

Осень! Тобой наслаждаюсь вполне.
Даже листвой, покрывающей лужи.
Ты прорастаешь строфою во мне.
Грустью — внутри,
восхищеньем — снаружи.

ДАВАЙ С ТОБОЙ...

Давай с тобой дышать. Молчать, забыв слова.
Сбиваться, но идти на слабый счастья глас.
И жизнью наполнять пустые острова
привычек и морщин,
корнями вросших в нас.

Начнём, закрыв глаза, прощать друг другу сны,
в которых мы идём по разным берегам.
И пусть слова любви от времени скудны,
мы вместе сложим их
в заветы, по слогам.

Не верь, что есть финал, не верь, что есть края
у сказки в ту, что мы не верили подчас.
Она ещё жива. В ней мир, в ней ты и я.
Она терпела боль,
но выжила для нас.

Я вытру пустоту, я высушу углы.
Упрячу навсегда подарки бывших дам.
Накрою для тебя, соблазнами столы,
и всё, что было «до»
я прошлому отдам.

ШЕПЧЕТ ДОЖДЬ ВО МНЕ....

Не лечит время!
Росказни пустые.
Не льётся миррой в трещины судьбы.
А эти годы ржавые, густые мхи.
Ах, если б, да ка бЫ....

Да КА бы можно было крикнуть сильно
рогатым тварям, блеющим во мне,
что призираю их
и так обильно
полить их ядом,
и спалить в огне.

По пеплу,
по войне,
не видя суши,
бежал,... бежал,... спешил
и почему?
И почему топтал чужие души?
И Господу не верил, почему?

Пустую жизнь — засохшими губами....
Седой паук .
Уставшие ветра.
И только холод, странными клубами
окутывает «завтра» и «вчера».
И шепчет дождь.
И что-то давит шею.
Ошибся где?
Ошибся.
Почему?

К Всевышнему претензий не имею.
Не он мне должен жизнь, а я ему.

ДАВАЙ СОЙДЁМ С УМА...

Не ем. Не сплю. Теперь и бреюсь реже.
Нет у меня на всё, на это, сил.
Друзья?.. а, что друзья — пока, что те же.
Но без тебя,
я даже к ним, остыл.

Я не живу.
Я тлею, забывая
зачем мне жизнь дана,
и дальше, как!
О, Господи прости.... И ты родная
прости меня за то,
что я дурак.

За то, что слеп.
А хочешь выпью море!
А хочешь, здесь же, стану на карниз,
и просто,
у безумности в фаворе,
я смело сигану, куда-то вниз,

...в сугробы, в холод,
в глупость неземную.
Я не могу, когда не рядом ты.
Я так тебя люблю и так ревную,
и так устал от этой пустоты,

...от стен холодных. Душу обжигая
мне не согреться в замке ледяном.
Ты посмотри в глаза мои,
родная.
Давай сойдём с ума и
вновь рискнём.

ТЫ НЕ ЖЕНЩИНА....

Я в восторге, что ты мастерица,
преподать раскалённую статью.
Страстно выгнуться, сладко пролиться,...
рьяно душу мою отобрать.

Ты не женщина, ты вереница
ярких всплесков, покинувших клеть.
Ты позволила счастьем напиться,
и заставила тело кипеть.

Посвящаю своей жене.

МНЕ МАЛО ВЫЖИТЬ...

Усталость вдруг ударит по загривку.
Тревогою опустится на грудь.
Поспешно спрятав сладкую наливку — плеснёт сивухи....
Но не в этом суть.

Когда мозги, как тлеющие раны....
Когда блажен*, что страх ещё терпим —
так сложно откреститься от нирваны.
Так сложно,
просто быть собой самим.

...Проститься,
но вернуться непременно.
Запутавшись, порвать, унынья сеть.
Так сложно, в этот миг, самозабвенно,
иную душу нежностью согреть.

Мне мало выжить. Это очень скучно.
Мне нужно в кровь....
Об стену — кулаком.
Я не живу в залог, внахлёт, поштучно.
Я, так хочу,
чтоб вдоволь!.. Целиком!

Пускай иные бегают от Бога,
за рыжий блеск, на съеденных зубах.
Мне в жизни нужен: свет, любовь, дорога,...
и свежий ветер — птицей на устах.

**здесь — «счастлив».*

ХРУСТАЛЬНЫЙ ПЛАЧ

В тені
весенних,
таящих ночей,
стыдливо оголяются луга.
Искрится
пёрлом
ласковый ручей,
расплёскивая в небо
жемчуга.

Таёжной песней
льётся свиристель.
В рассветных бликах нежатся холмы.
Кругом слышна не вешняя капель,
а нежный плач...,
хрустальный плач
зимы.

Домашний портал

Наука в чистом виде у нас на флоте почему-то не задерживается. Особенно на военно-портальном. Не приспособлен к тяготам и лишениям. Прискачет перед самым отбытием какой-нибудь учёный, а люки уже опечатаны, нос лодки на четверть метра в междумирье, оркестр хором укладывает в чехол последнюю валторну, а адмирал, почёсываясь, мечтает о пенсии. Ну и что делать?

А у учёного с собой прибор, который должен пойти в автономку, а к нему – бумага с такими печатями, что адмиралу становится томно, нежно-трепетно ему становится от одного вида этих фамилий, чьи носители одобрили прибор, учёного и вообще развитие нашей науки, на глаза наворачиваются слёзы, а слова с губ, наоборот, не срываются. А ведь он мог бы сказать. О, если бы он мог, он бы сказал. Но мысли, мысли скачут, клокочут, образуя на выходе лишь лёгкое нецензурное шипение. Поэтому адмирал молчит. Вернее, потому он и адмирал, что молчит. И так же молча моргает портальной команде. И пока лодка окончательно не ушла, те в два счёта приваривают ей к корпусу стальной гробик – капсулу безопасности уровня 1612, в которую, не теряя времени, запикивают прибор, учёного и бумагу с печатями. А портальное окно идёт красными волнами, изгибается от нетерпения, и горят предохранители, и что-то с громким треском лопаются у электриков, и уже мичман Потапов, в обычное время – скромнейший человек, воем матерно, глядя на показатели энергоресурса, потому что знает, знает, на кого спишут непредвиденный перерасход, но вот уже приварили, запикивали, утрамбовали, уже спрыгнул с капсулы замполит, прижимая к груди пломбирователь – и портал всасывает в себя лодку.

Адмирал наконец-то выдыхает ароматно, складывает губы дудочкой и плавно погружается в мысли о пенсии. Выпихнули. Конечно, по прибытии выясняется, что впопыхах не туда подключили трубопроводы, что-то где-то недокрутили, и вместо воздуха подали учёному отработанный водород со второго аварийного, а от нашего ПДУ толку при температурах выше ста градусов ноль. И поэтому осиротевший прибор остаётся где-то на складе, задвинутый между ящиками с тушёной и запасными поршнями для пневмоскелетов, покрывается ржавчиной и грустно моргает единственной уцелевшей лампочкой. А Академия Наук в ответном письме сообщает с пригорьём, что безвременно почивший учёный единственный знал, для чего этот уникальный прибор вообще был нужен.

Не готова современная наука к нашему военно-портальному флоту. Не способна шагать в ногу и тем более соответствовать моменту. Поэтому и старается проехаться за чужой счёт. Андроиды, как известно, от портального излучения дохнут. Наноботы ввиду исключительно мелких размеров и общей нелюбви к дисциплине в автономке впадают в лютую депрессию и к употреблению непригодны. Остаются люди.

Поэтому на флоте и служат физики. Занимаются они в основном тем, что вызывают лютую ненависть командиров.

- Ходишшшшш? – злобно шипел Хохряков, потомственный старпом и многоженец, при виде штатного физика Лопатина, молодого тогда ещё лейтенанта. – Смотришшшшш? Уууу, я бы вас всех... к ногтю бы...

И штатный физик Лопатин, молодой тогда ещё лейтенант говорил «Есть» и отдавал честь по всем правилам, вытягиваясь во фронт, и тарачил глаза, глядя на ключья слюны, свисающие со старпомовского рта.

- Гамадрил, - тихонечко думал Лопатин. Он был ещё свеж, ещё подтянут и совсем недавно из училища, поэтому даже про себя ругался скромно и вежливо. – Вон как плюётся. Взбесился он, что ли? Не укусил бы...

Эти сценки они со старпомом разыгрывали регулярно. Лейтенант Лопатин, при всей своей принадлежности к физической службе, на самоуправление сдал, политически незрелых взглядов не придерживался, ну и уровень гравитации в отсеках соответствовал нормам. Конечно, всё это вместе взятое, а также нахальная молодость Лопатина, и бесило старпома, успевшего растерять в автономках остатки не только гуманности, но и некогда иссиня-чёрных волос.

Ещё большую ненависть вызывал в Хохрякове только доктор. При виде тоскливо бредущей фигуры в белом балахоне, он судорожно всхлипывал и изо всех сил вцеплялся в подлокотники кресла. Пару лет назад в районе Второго Трансгалактического это недоразумение от медицины крайне неудачно лишило старпома зуба, на целую неделю придав щеке сходство со спелой сливой.

А когда пути старпома и Лопатина не пересекались, лейтенант мог весь отдаться несению службы. Это была его вторая автономка, тот переломный момент, когда в дремлющий по случаю очередной тревоги организм приходят мысли. Вахта следует за вахтой, лодка куда-то неспешно летит без замечаний, и монотонность бытия прерывается только вспышками активности замполита и киносами, подборка которых не обновлялась добрый десяток лет.

Из такого дремотно-обморочного состояния может вывести только одно – хрип «Каштана».

- Лопатина на мостик, - говорит трансляция, и лейтенант, роняя приборы, уже мчится, задевая головой трубопроводы. Внезапные вызовы всегда действуют угнетающе – человек чувствует себя, словно выдернутая с грядки морковь – сейчас отряхнут, обмоют и подадут к столу.

Но уже шипит последняя переборка и лейтенант, приставив ладонь к козырьку, оглядывает центральный, выискивая старшего по званию. Во второй автономке такие заминки порой ещё случаются. И лейтенант, всё осознавая, продолжает отдавать честь вникуда, выискивая взглядом лицо командира, чтобы представиться по форме. Это страшная ошибка. Это даёт начальству время. И инициативу.

- Пришёл, - наконец говорит начальство, - Явился. Прибыли они, наукой вашу маму, - это старпом. Командир в этой автономке молчит. И почти не открывает глаз. Ему всё равно: приказ о списании с плавсостава уже подписан. На следующий день после того, как лодку выпихнули в междумирье. Поэтому командир только присутствует.

- Где ваше представление, лейтенант Лопатин? - начинает старпом, со вкусом и неспешно. – Почему вы молчите, вас что, некому научить? Вы! Где ваша бирка? Что за форма одежды? Немедленно! Где ваш кортик? Где? Вы лейтенант или трюмной? Всё. Ничего не знаю. Чтобы немедленно! Вы слышите? Немедленно! – но тут командир лениво шевелит веком и старпом почтительно умолкает.

- Идите за мной, - бросает он лейтенанту и выскакивает из центрального.

Лопатин от удивления делает глазами «Есть!» и послушно топает за старпомом, продолжая недоумевать всё больше и больше: каждый шаг приближает их к изолятору, в котором, как известно, обитает доктор. А к этому чуду природы старпом старается не подходить ближе, чем на десять метров.

- Вот что, - наконец подал голос старпом, держась за задрайку на двери отсека. – Ты, лейтенант, службу уже понял, вторая автономка. На самоуправление сдал, замечаний нет. – Лопатин насторожился. Как запел-то, как запел. Наверное надо что-нибудь. Неужели опять что-то списывать? А ведь он

так и остался в комиссии... Хотел же рапорт подать, но закрутился.

- Ты вообще знаешь, зачем мы в космос вышли?

Лейтенант замаялся. Зачем вообще лодка выходит в космос? Лет пять назад, ещё в училище, он бы ответил. Про защиту священных рубежей, наш ракетно-ядерный щит и развитие всех отраслей промышленности, науки и техники. А теперь, отстояв три месяца бессменным дежурным по Галактике (все ушли в отпуск и на базе остался только Лопатин и Толик Голованов, у которого карточка учёта взысканий читалась на одном дыхании, словно детективный роман), заступая через день – на ремень в пределах отдельно взятой космической лодки нашего родного военно-портального флота... Лейтенант уклончиво что-то промычал.

- Чтобы нерв почувствовали, понимаешь? – мечтательно говорил старпом. – Чтобы знали, гады. Чтобы помнили. – Лопатин выделил старпому половину уха и снова погрузился в мысли. Свои взгляды на флот Хохряков успел изложить ещё при первой встрече. Типичный реваншист. Родился в то героическое время Третьей Вселенской войны, когда ещё было неясно, то ли мы ещё корм, то ли уже победили. Неудавшийся герой. Военачальник. Командир чистых тумбочек. Личный состав от него воеет, мичманов гнобит нещадно – ни один больше двух лет не задерживается. И хронически труслив. Но рвётся. Стремится доказывать мощь человечества. А это очень непросто сделать, сидя в космической лодке.

Конечно, Земля даёт им с собой ракеты, термические бомбы даёт, протонные излучатели и ещё уйму всяческого добра, чтобы по пути было не страшно. Даёт – и запикивает в портал – летите, родимые. Но разве это всё богатство им разрешают тратить? У нас же сейчас мир. Вот и ходит лодка по кубу, уныло натываясь на межгалактические законы. И если что-то случается – всегда надо действовать с оглядкой, чтобы, тьфу-тьфу-тьфу, ничего дипломатического не нарушить.

Но душа старпома, преждевременно одряхлевшая от повышенной ответственности за всё, не склонна сдерживать романтические порывы.

Но в этот раз о романтике не было и речи. Лодка пошла в автономку с особо секретной боевой задачей. Надо было отыскать выходное окно конкретного портала, стреножить его, схватить, так сказать, за ноздрю, и приволочь домой, к маме.

- Ну, ты уже службу понял, - повторился старпом и рассказал.

Начальнику базы, престарелому орденоносному морщевому адмиралу, внуку героя, деду героя, присвоили очередное звание. И база, расстаравшись, сделала ему по такому поводу подарок от всей широкой флотской души – домашний портал. На стену повесить, в рамочку. Ну а что? Оригинально и в духе времени. К тому же красиво. Звёзды, корабли, всё сияет, крутится, в реальном времени – загляденье. Другой бы благодарил и радовался. Но старый хрен, трясая козлиной бородкой, закомандовал переместить выходное окно туда, где пейзаж более приятен глазу. Куда-то на Лазурный берег.

Ну что делать – посчитали, прикинули – и отправили лодку. Вот эту самую, на которой выпала честь служить лейтенанту Лопатину. Со своей задачей экипаж успешно справился – скрытность, безаварийность – всё как положено. Вчера поймали ментограмму про досрочное возвращение и вообще уже сутки как повернули в базу.

- Так что дело серьёзное, - напутствовал по-отечески старпом, заталкивая лейтенанта в изолятор. – Разберись тут по-тихому. И быстро. Всё. Потом доложишь. Я в центральном, - и ушёл.

Лопатин озадаченно почесал затылок и увидел доктора. Тот, измеюгая, рыдал, забравшись в кресло с ногами. Вместо приветствия медик сумел исторгнуть мощный восторженный всхлип и ткнуть рукой куда-то на пол. Лейтенант, ничего не

понимая, проследил направление взглядом – и остолбенел. На полу лежало, видимо, то самое выходное окно домашнего портала, а из него, как улитка из раковины, только веселее, торчал замполит.

- Анатолий Анатолиевич? – подошёл поближе Лопатин, чтобы рассмотреть в подробностях. – Товарищ командир второго ранга? Как вы себя чувствуете?

Замполит ответил ему мутным взглядом загнанного лося и попытался пошевелиться, что вызвало очередной приступ истерики у доктора.

- Трюмные, - наконец донеслось из кресла. – Пошутить хотели.

Лопатин пошёл вокруг замполита по часовой стрелке.

- В гальюне, - продолжал тем временем медик, захлёбываясь смехом. – В гальюне ему портал положили. Вместо доски. А он и сел. Говорит, спешил, некогда рассматривать было. Теперь портал схлопнуло, видишь, не отпуска-а-а-ет.

Лейтенант закончил круг и пошёл на второй.

- Тут его уже спасали, - заливался медик. – Старпом с бечепятым. За руки тянули, ой не могу, чуть не порвали. Старпом говорит: режь. А я ему: а вы его потом сошьёте? Фух! Ну вот они тебя и позвали. Ты ж физик.

Лейтенант кивнул. Он не мог говорить. Замполит очень спешил в гальюн. Прибежал и плюхнулся в портал таким образом, что наружу торчали ноги чуть ниже колен и торс, чуть выше пояса. Портал по причине быстрого проникновения замкнулся на трансляцию. Лейтенант отвернулся от замполита.

- Я сейчас, - простонал он и выскочил из изолятора. – Я за установкой, - донеслось из-за неприкрытой двери. – Сейчас достанем, - говорил он, наощупь пробираясь к своему отсеку. Там он нашёл индивидуальный гравитационный набор, ленту внешнеполостных батарей, а также двух корабельных мерзавцев – торпедиста и минёра, которых увлёк за собой загадочным «Что сейчас покажу...»

Через двадцать минут к изолятору выстроились в очередь все свободные от дежурства – чтобы выразить своё сожаление замполиту, конечно же. Старпом сражался с любопытными, как лев. А лейтенант Лопатин неспешно подключал к внешнему окну портала свежие батареи и слушал мерзкое хихиканье доктора – тот всё никак не мог успокоиться.

Слух о том, где в данный момент расположено входное окно, разлетелся по кораблю через час, и тогда все просто завывали от восторга. Всю неделю, до самого прихода в базу, народ ходил с глупыми лицами и просто подмигивал друг другу. Замполит, страдая от повышенного внимания к собственной персоне, из каюты не высовывался и по свидетельству очевидцев, в гальюн не ходил. Вообще.

Когда отшвартовались, в люк прыгнул орденоносный командующий лично. Он зарычал, обрызгав горячей слюной весь экипаж, и вернувшимся из небытия командирским басом рявкнул: «Где?».

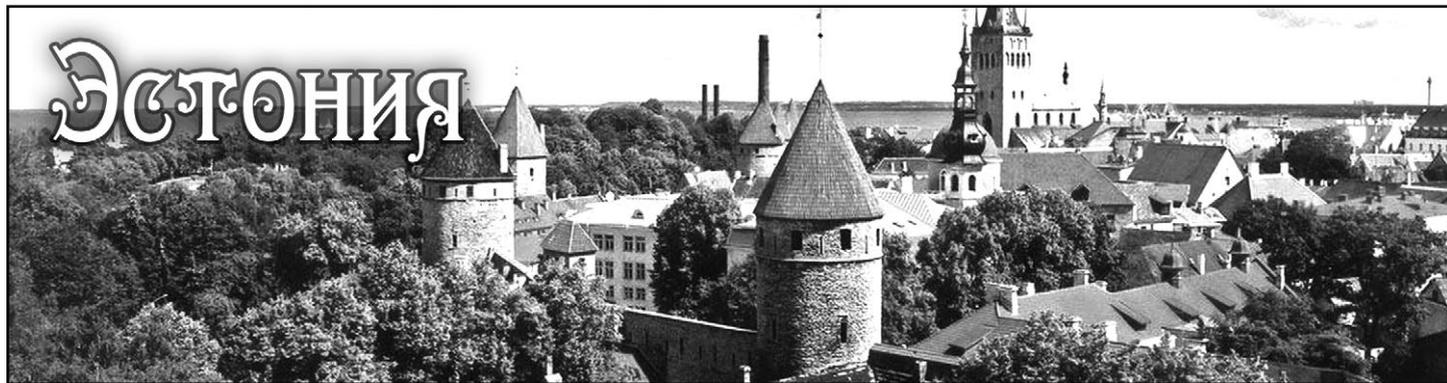
Когда ему подали замполита со старпомом, он вытащил их на причал и сплясал на них чечётку, прямо в багровых лучах транспортного портала. Натанцевавшись, приобнял этих двоих за шеи, словно любимых братьев, и долго-долго описывал их обозримое будущее.

А лейтенант Лопатин, начальник физической службы космической лодки, в тот же вечер вместе со штатными мерзавцами, торпедистом и минёром, оправившись в РКС (так у нас сокращают ресторан «Красный свет») и о домашнем портале командующего таким образом узнала уже вся база.

Портал он, кстати, подарил замполиту.

Вы можете сказать: «Вот же врёт! Вот же байки травит». А я вам скажу: «Не служили вы, уважаемые, на военно-портальном флоте!»

Антон МОСТОВОЙ.

Елена Ларина

Родилась в Дубне (есть такой город, «наукоград» в Подмосковье) в середине прошлого века... (как звучит!)

Первое образование - техническое (Днепропетровский Институт Инженеров Транспорта), второе - художественное (Евроуниверситет в Таллине, дизайн интерьера) дальше - массажная школа «Avitsenna», «Baltic Esthetic Institute» (массажист, косметолог), так что гуманитарным и уж, тем более, филологическим образованием я совершенно увы не тронута. Живу в Таллине, работаю косметологом. Я - член нашей таллинской Международной Ассоциации «Русская Культура», и ОРЛЭ (Общество Русских Литераторов Эстонии).

ПРОСТИ, РОДИМОЕ ПЯТНО...

Прости, родимое пятно на карте мира.
Задача сложена давно, да нет ответа,
В задачке сказано: дано - кусочек сыра,
Который нужно поделить на части света,

А их - четыре...Я не спорила с судьбою,
И мне уютно здесь, в не дальнем заграницье,
Хожу на запад проторённую тропюю,
А на тебя смотрю сквозь щёлочку, по-птичьи...

Слежу, как там живёт душа моя, блудница,
Что переехать наотрез не согласилась,
Как шепчет Волга берегам, что ей не спится
В переживаньях о послушнице России...

А я при чём? А что же мне-то нет покоя?
И этих контуров на карте нет дороже?
Я не прошу любви. Прошу, живи, родное,
Не сокращайся, как шагреневая кожа!...

МАЙДАН

Души без тела нЕмы.
Ни крика, ни даже плача,
И не зажмурить глаза
и не закрыть от удара лица.
Если бы пуля сумела
в полете остановиться!
Или хотя бы смогла
пролететь немного иначе...

Горе. Огромное чёрное горе
над площадью распростёрто.
Болью кремешное небо
с красной землёй перемешано в кашу.
-Где тут наши? - Наши?
- Какие тут «наши», к черту!

И пусть мне кто-нибудь объяснит
кто такие «НЕ наши»?...

Ангелы божьи сбились совсем
и с ног и с толку, бедняги,
Как им теперь сортировать вас
тут, у ворот небесных?
Что привело вас сюда, молодых,
агрессивных, неопытных, честных?
Жажда свободы? денег?
обман? или верность присяге?

Встанете об руку, рядом,
длинной шеренгой, пугающе белой.
Горлом пойдёт осознание страшной,
непоправимой утраты!
Что же ты, мальчик, бросил вниз
своё распростёртое тело?
Тот,кто стрелял в тебя, будет теперь твоим
новым небесным братом....

Видишь, как ваши безумные матери
бьются над вами в истерике?
Жизнь их, бескровная, стала теперь
ещё иллюзорней, чем ваша,
Как их отчаянье цивилизованно
делят Европа с Америкой,
Не забывая при этом хором
скандировать «Russia, Russia!»

Горе ВСЕМ, тянущим на себя
это кровавое одеяло!
Мечущим карты, кидаящим кости,
передвигающим фишки,
И допускающим некоторые...
ну, скажем, издержки и излишки,
Во имя «общечеловеческих...»,
которые «во что бы то ни стало...»!

Птица-война, распаяясь страданием,
 требует новой дани
 Те, кто кормили её до отвала
 вашими душами, живы
 И через колено ломают страну
 ну, конечно, не ради наживы,
 А ради свежеспечённых свобод,
 раздаваемых на Майдане!

Ночь горит на кострах
 под сатанинский проплаченный гомон
 Горьким бархатом копоги
 траурный саван её оторочен
 Кто тут против? Чей тут пропуск
 к Господу Богу просрочен?
 Жаль, что пуля всё-таки
 не смогла пролететь по-другому...

Души без тела немые.
 Ни крика, ни даже стона,
 И не зажмурить глаза
 и не закрыть от удара лица,
 Что остаётся вам, мальчики,
 здесь, по небесным законам?
 Только молиться...

УПАЛ НА ЗЕМЛЮ ЗВУК...

Упал на землю звук и свет,
 Переплетясь в тугие нити.
 И всё во мне, как по наитью,
 Затрепетало им вослед.

И, бросив свой причал земной,
 Душа рванула прочь от тела
 И понеслась, и полетела,
 Безумной схвачена волной.

Вся радость мира и вся суть,
 Что нам за век понять дается,
 Что нам по капле достается
 За что-нибудь, когда-нибудь,

Всё это было той волной
 И, закрутившись, как пружина,
 Она обрушилась лавиной
 И захлестнула с головой...

Я утонула наяву
 В каком-то странном измерении,
 Не в том, где попросту живут,
 А в том, где смотрят сновиденья,

Где я была водой ручья,
 Песком пусыни, горным эхом,
 Русалочьим зазывным смехом
 И где действительность – ничья...

Я поняла, что до поры,
 Пока душа не обнищала,
 Она вселенную вмещала
 И параллельные миры.

Я поняла зачем я здесь
 И что такое бесконечность
 И что гроша не стоит вечность,
 Когда хоть миг подобный есть

И счастья уровень такой,
 Что ни вопросов, ни эмоций...
 Что это было, боже мой?
 Бог улыбнулся, это – Моцарт.

Помнишь, Венеция...
 Помнишь, Венеция,
 смесь этих специй -
 Роскоши с хворью, от пришлых скрываемой?

Лодки скольжение
 Каждым движением
 Юбку волны задирало над сваями

И раскалённое солнце растаяло
 В небе, захваленном птичьими стаями...
 В воду канала
 Монетка упала,

ПОМНИШЬ, ВЕНЕЦИЯ?...

Помнишь, как ты золотыми витринами
 Хвасталась, словно цыганка монистами?
 Мачо там ласковы по-магазинному,
 Маски печальны, а цены неистовы.

Кто-то, торгуясь тогда до победного
 маску купил, хоть и самую бедную,
 Помнишь, Венеция?...

Помнишь, гондолы рядами, как клавиши,
 Ветром готическим перебираемы?
 Музыка времени - с нею не справишься,
 Все мы ей ноты и все мы играемы.

Помнишь, тогда, на коленях причала
 лишняя нотка одна прозвучала?
 Помнишь, Венеция?...

К ночи слабее земли притяжение.
 Чёрное чёрному же продолжение,
 В центре луна ли? фонарь на гондоле ли?
 Плещется песня ли?..., небо ли?..., море ли?...

Я ли? Спала ли? С ума ли сходила? -
 Тёплых мостов целовала перила.
 Помнишь, Венеция?...

ЛОНДОН

Добрый день, мистер Лондон, я к Вам не надолго. Рады?
 За улыбку спасибо, но что-то я Вам не верю...
 С электронным радушием мне распахнулись двери
 В Ваши улицы, парки и чопорные парады.

У синьоры Венеции только лицо под маской,
 А душа - нагишом, нараспашку печаль и радость,
 Вы ж, напротив, открыты и, будто бы, вне маскарадов,
 Но эмоции в сейфе и не подлежат огласке.

Вы меняетесь, сэр, Вы заметно помолодели,
 И всё новые в Ваших домах языки и лица,
 Только Ваш многослойный коктейль, господин Столица,
 Никогда не смешается в неоднородном теле.

Отстранённо глядя на безвкусицу и галантность
 И на горы грязи у мраморных парапетов,
 Вы вполне убедительно всем объяснили, что это
 Несомненно и есть демократия и толерантность.

Вы признали равно своими дворцы и трущобы,
 И Вам нравится как, выдавая себя осанкой,
 Отражаются в окнах хай-тэковских небоскребов
 Тени призраков Ваших викторианских замков.

Вы не “старый и добрый”, Вы - вечный! И Вы – бесстрастны,
 Вас не портит ничто, всё к лицу Вам и всё по чину.
 В чем причина не знаю, да нужно ль искать причину?
 Я Вас просто люблю, мистер Лондон, ведь Вы – прекрасны!

Алёна Воля

Поэт. Окончила Волгоградский Технический университет, по профессии инженер-механик сварочного производства. Финалист Второго 2013/2014 гг. и Третьего 2014/2015 гг. Конкурсов поэтов-эмигрантов «Эмигрантская лира» Номинант премий «Поэт года 2015» и «Наследие 2015». Публикации: «Поэт года 2012» 24 том. , «Современная поэзия» 2013г. 5 том, «Наследие 2013» 4 том., «Дебют 2015». Живёт в Таллине.

ВИДЕНИЕ

Упала ложка...

Зима, быть может.

В краю из множества чайных ложек
и дух – коричный, и воздух - пряный,
в мажоре - утро, в миноре – пряник.
Упала резко и зазвенела...

По камертоновым переделам
шумели волны, бросались прямо
на берег в камни, дробясь упрямо.

Пока молчала – протяжно, долго,
по стенам зябкость сползала, волгла,
из чашки пар поднимался стайей,
минуты мирно часами стали,
знакомым - профиль под мезонином.
Ночник, оплавленный стеарином,
дрожал за стёклами – обтекаем,
и таял мерно, безмерно таял.

Карминный столик в полосках света
от языковых - огня и лета,
берёг в коробке слова и ленты,
подчас, - ненужные сантименты.
Тепло вбирали металл и камни.
Надёжно срубленные руками
поленья, веру камину дали,
потом обуглились, пеплом стали.

Она молчала. Поэмой Листа
летели звуки на берег мглистый,
на лица тех, кто просил пощады -
они прощались, но не прощали,
спускаясь, медленно возносились.
Сухие русла воды просили.
Истошным скрипом струна звучала.
На волны падали крики чаек.

ВАСИЛЁК

С эстонцами жить можно,
они работающие.
Вот, у вас - настоящее солнце, а у них
ненастоящее -
редко выходящее и мало
греющее,
и ласточки на бредущем
чирикают что-то своё, хлопчут –
тоже тепла хотят, солнышка чуть-чуть.

Палку в каменистую землю воткнёшь,
не растёт,
дождь, град её сечёт, муравей бежит и
грызёт,
червь, сочную мякоть ствола точит,
парша съедает,
трудная доля на плечи эстонцев
выпадает.

Грызуны плодятся – падаль
по земле бежит,
серые, юркие - то здесь, то там, а то и
тут -
зубы острые, лапки цепкие,
глазки вострые,
их утопишь, а они спасут
ся на острове
Саарема или Айгвиду,
или том,
который ты имеешь ввиду.

А эстонцы песни поют,
хороводы водят,
как раз в аккурат - тогда и там,
где солнце восходит.
Подумает эстонец немного, наехав на камень,
и скажет:
- Василёк, словно небо, хорош.
Да, и Бог со всеми ними
и нами.

А СНАРУЖИ МЕНЯ

а снаружи меня метель замела все подходы в дом
днём зевая уходит в тень ночью снова приходит сном
учит гаммы долбит бит тащит в мысли металлолом
хлам и в браузер площадей добавляет problem.com

только дом не её мой
мне не страшен сирен вой
добавляю в строку рой
выпускаю пчелу пой
выбегаю на луг в степь
про себя напишу реп
мне бы солнца воды мне б
сарафана цветной креп

и снаружи меня метель льдистый остов сухих вьюг
ты однажды мне был тем, кем не станешь уже вдруг.

Страница памяти

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ЯКОВА КОВАЛЕНКО

(21.10.1917 - 02.07.2007)

ЧАСТЬ 1.

**БИОГРАФИЯ, СЛУЖБА
В КРАСНОЙ АРМИИ,
НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В одной из многолетних и бедных крестьянских семей в период бурных исторических дней 1917 г. я и родился.

Отец мой — Коваленко Яков Петрович имел четырех братьев и одну сестру. Двое из братьев Григорий и Иван погибли от рук махновцев в 1920 году в районе Кучугурова (сейчас это один из развитых индустриальных районов Украины). Мой отец после женитьбы на матери Ульяне Захаровне, круглой сироте, воспитывавшейся в приюте и затем в многодетной семье моего деда Захара. Кроме нее дед взял на воспитание еще четверых ребят вдобавок к своим двоим родным дочерям. Таким образом моя мать жила в очень бедной и большой семье, состоящей из 9 человек и существующей в основном на пособие, которое они получали за содержание пятерых приютских детей! Вот из этой семьи в возрасте 18 лет и вышла замуж моя мама. Жили все вместе в одной тесной избе, даже когда у них было двое своих детей, а я по воле судьбы должен был появиться третьим ребенком. В этот момент отец решил отделиться, купил по соседству хату-мазанку за 40 рублей и два пуда зерна. Я там и появился на свет 21 октября 2017 года. После установления Советской власти отец получил две десятины земли в разных местах на расстоянии 10 километров друг от друга. Сейчас на их месте завод прессов и институт кукурузы. Конечно это были не самые лучшие наделы, но позволяющие вести крестьянское хозяйство и кормить семью. К сожалению у моего отца не было средств и возможностей для обработки земли и он вынужден был пойти в работники к богатому кулаку по кличке «Гусак», где трудился на его лошадах всю зиму, заготавливая для морозильников города Екатеринослава речной лёд. Денег не платили, но за эту работу кулак давал отцу лошадей для обработки своего земельного надела. Так продолжалось несколько лет, пока отец не купил свою лошадь. Одежка у меня была плохонькая.

В 1925 году, когда наступил период новой экономической политики (НЭП), мне исполнилось 8 лет и пора бы пойти в школу, но из-за отсутствия одежды и обуви я не пошел. Только через год меня кое-как одели и с богом отправили набираться ума-разума в школу колхозной молодежи. Посадили за одну парту с пацаном Ваней Казенцом (впоследствии после войны с Германией он стал министром черной металлургии СССР).

В 1929 году у нас появился еще один брат и в семье стало пятеро детей. По возвращении со знаменитой стройки отец стал работать на местной мельнице грузчиком, где и проработал до конца дней своих. Пролетело время в трудах и учебе, наступил год 1933, который стал страшным из-за неурожая хлебных культур. Наступил голод, а кулачество прятало или уничтожало все съестное и тем самым способствовало ухудшению ситуации. Именно тот неурожай и вредительство унесло много жизней и особенно детских. Мы выжили только благодаря отцу, который каждый день в сапогах приносил с мельницы по два стакана кукурузной муки. В эти тяжелые времена проходила моя учеба в школе, где нас -детей немного подкармливали «затирухой», похой на мучную жижу, но тем не менее не дающей пухнуть с голода. Я поступил в фабзауч, окончил его и стал работать на 9-й обувной фабрике. Работа мне нравилась, зарплата по тем

временам была хорошей и конечно я стал огромным подспорьем отцу для нашей семьи. В 1934 году наоборот был выращен большой урожай и все люди сразу ожили, повеселели, а вечерами уже посылались песни.

Шла вторая пятилетка, появилось стахановское движение и я в 1935 году становлюсь в ряд стахановцев. Это был почет, уважение и конечно более высокий заработок. Если отец в ту пору получал 600 рублей, то я уже 1200. В семье появился достаток, купили корову, стали держать свиней.

Шло время в заботах и трудах и я даже начал подумывать о женитьбе. Дружил я с девушкой из детского дома, которая как и я закончила фабзауч и работала со мной на одном производстве. Звали ее Шура, жила она в общежитии. Но когда я осторожно затронул с отцом о моей женитьбе, он изумленно на меня посмотрел и ответил мне уже как взрослому мужчине: «Вот так и закончилась моя по тому времени беззаботная юношеская жизнь, пришла пора исполнить свой гражданский долг и отслужить в армии. Я с нетерпением это ждал и 26 сентября 1938 года меня всем селом проводили большим и богатым засто-

льем. Утром отвезли на машине в Областной военкомат в Дне-пропетровск. Оттуда я отправился в свое новое неизведанное будущее солдатской жизни. Направили меня в танковую школу, а сама танковая часть располагалась в 15 километрах от города Минск в так называемом Красном Урочище. Для меня это была двойная радость, потому что я попал в тот род войск, о котором мечтал. Во-вторых после карантина и принятия присяги меня зачислили в танковую школу в группу механиков-водителей. Это было здорово! Будучи курсантом при первой же возможности сфотографировался в полной экипировке танкиста и выслал фотографии всем друзьям и родным. Занимался я усердно, старался детально изучить материальную часть танков, которых в то время уже было пять моделей (Т-26, Т-27, Т-28, БТ-5 и БТ-7). По окончании школы с оценкой «отлично» мне присвоили звание помощник командира взвода с тремя треугольниками на петлицах и прикомандировали водителем-механиком самого нового по тем временам танка БТ-7. Моей радости не было предела. Ко мне приехал в часть отец и лично поздравил. Долго ему погостить у меня не пришлось, т. к. время уже было тревожное, в Европе разгоралась новая мировая война. Гитлер уже оккупировал Чехословакию, захватил Польшу и продвигался к нашим западным границам со стороны Украинской и Белорусской ССР. Мой командир был опытным военным, уже воювал в Испании и был награжден звездой Героя Советского союза. События в приграничной зоне разворачивались довольно стремительно, как и приближение немецких войск к нашей границе. Вторая мировая война уже шла полным ходом. Войскам был выдан приказ занять все территории западной Украины и Белоруссии, испокон веков принадлежавших ранее России и одновременно не дать немцам близко подойти к нашим границам. Так состоялось моё боевое крещение. Конечно было страшновато, потому что Польская армия встретила нас не с распростертыми объятиями, а огнем из всех видов оружия в том числе и артиллерии. Но наши танковые части, наступающие на большом участке границы быстро смяли пограничный укрепленный район и в течение одного часа вырвались на широкий простор, обойдя непроходимые для наших боевых машин места. Первым заданием было уничтожение линий телефонной и телеграфной связи в приграничных районах Польши. Это было несложно и мы быстро с этим справились. Там же состоялась первая встреча с нашими земляками из освобожденных сел. Люди бежали навстречу нашим танкам с букетами цветов и забрасывали ими боевые машины. При кратких остановках были объятия, сплошное общее ликование. Но это было в первые часы, а спустя некоторое время поляки перегруппировались и стали после артподготовки наступать кавалерией. Забегая немного вперед я хочу отметить поляков как очень высокопрофессиональных наездников особенно в лесистой местности. Когда мы проходили один заболоченный участок через наспех созданный саперами проход на нас с гиганьем и выстрелами прискакали поляки. Мы развернулись и приняли боевой порядок и двинулись на конницу. К большому нашему изумлению они не ударили, а наоборот, стремительно лавируя между деревьями, наступали на нас. Конечно нам с нашими возможностями не стоило большого труда смять их ряды, но они стреляли по танкам, притом храбрым упорством из своих карабинов и рубили броню саблями. Потом из слов пленных мы узнали в чем было дело. Выяснилось, что при военной подготовке их солдатам и офицерам внушали, что у русских танки сделаны из фанеры и их можно легко разрубить, а пиками переколоть экипажи.

А вот на второй день нашему экипажу было не до смеха. При движении колонны танков на одном из болотистых участков одна машина сползла с дороги и стала проваливаться в трясины. Наш экипаж получил команду сдать назад, подцепить тонущий танк на буксир и вытащить на твердую дорогу. Мы это выполнили, но случилась беда. Нужно было снять буксирный строп с вытасченного танка и башенный стрелок Петя Акимов, которому по регламенту полагалось выполнение этой работы, вылез из танка, нагнулся к буксирной цепи и в этот же момент был сражен пулей вражеского снайпера. Я сидел в танке при работающем двигателе и выстрела не слышал, но зная что на эту операцию дано мало времени, дал звуковой сигнал. Петя на него не ответил. Выскочив из машины и сзади увидел экипаж вытасченной из болота машины, который поднял на руки моего убитого пулей в голову боевого друга. С этой минуты я начал понимать, что война - это не прогулка. Так наша танковая семья потеряла одного человека, а такие потери боевых друзей не забываются никогда.

И это было только начало...

Дальнейший наш путь освобождения проходил в направлении города Барановичи-Волковицы-Гродно-Белосток и многих других городов и поселений, названия которых и не запомнил вовсе. Карты западной Белоруссии у меня нет я пишу только то, что помню. Таким образом путь нашей шестой танковой бригады проходил скоротечно по указанному маршруту. Конечно были боестолкновения но к нашей радости с малыми человеческими жертвами. По тем временам танк БТ 7 являлся высокоскоростной машиной, позволяющей при необходимости за несколько минут снять гусеницы и перейти на колесный ход. Скорость на ровной, твердой дороге при этом достигала 85 километров в час. За счет такой мобильности наши марш-броски были стремительными и эффективными. Международной обстановки разумеется мы не знали. Но приказы командиров выполняли умело. При приближении к городу Гродно, к которому мы подъехали на исходе дня (дату не помню), наша колонна была остановлена на проверку материальной части танков и запасов топлива. Каждой машине было выдано направление движения и район дислокации и действий. И вот мы оказались на центральной улице крупного города Гродно. Колонна танков остановилась. И что я увидел? На противоположной стороне центральной улицы стояли фашистская боевая техника и солдаты германского вермахта в грузовиках. Так в первый раз увидел фашистов. Стояли мы довольно долго и даже вышли из танков. Немцы на нас тоже не обращали внимания, солдаты спокойно и не таясь грабили магазины, вынося и складывая в грузовики все что попадало им в руки ценное. Мне запомнилось как один фашист согнувшись, нес швейную машинку на станине. Она очевидно была очень тяжелая и он кое-как загрузил ее сам в грузовик. После разграбления торговых площадей колонна немцев уехала в западном направлении. Спустя некоторое время мы освободили и этот город. Опять люди радовались, несли и забрасывали нас цветами. Это было здорово и вспоминать об этом всегда приятно. Все скандировали: «Герман ушёл! Герман ушёл! Герман вишко забрав и удрав!». Так я, Ваш покорный слуга, описал случай о подлинных событиях того времени, в которых участвовал лично.

Так закончился освободительный поход в западную Белоруссию и начались в основном мирные солдатские будни в городе Белосток, которые продолжались недолго. Дело в том, что фашистская Германия хотя и имела с нами мирный договор, но тем не менее постоянно прощупывала побережье Балтийского моря ближе к нашим границам и откровенно имела в своих планах захват прибалтийских государств Литвы, Латвии и Эстонии, где в то время почти легально функционировали нацистские партии и свободно чувствовали себя фашисты. На политзанятиях нам постоянно это рассказывали. Так наступила вторая половина октября 1939 года. В один из обычных дней нас построили на площади воинской части, выдали новое кожаное обмундирование и продовольственный паёк «НЗ», а также отменили увольнения в город. Через три дня в ночное время всех подняли по тревоге, организовали погрузку танков и другой материальной части на платформы и отправили в путь. Никто разумеется кроме командиров не знал куда мы направляемся. И только на вторые сутки командир и комиссар батальона довели до солдат, что мы едем в одну из прибалтийских стран. Запрещено было даже выбрасывать по дороге мусор, чтобы иметь высокий уровень секретности операции. Через несколько дней состав на подходе к портовому городу Лиеная остановился и был разгружен в местечке Прискуле (Латвия), где я продолжил свою службу уже в составе 75 отдельного танкового батальона в должности механика-водителя и звании старшина.

Декабрь 1939 и январь 1940 годов были морозными с обильными снегопадами и метелями. Так в один из январских дней 1940 года нас подняли по тревоге, после небольшого марш-броска погрузили на железно-дорожные платформы и отправили в путь ближе к финской границе, где уже шли активные боевые действия с участием наших сухопутных частей и авиации. Был и такой случай, когда мы с Гришей Шевченко (парнем из Кривоного Рага), зашли недалеко в лес и вдруг услышали выстрелы. Пули пролетели рядом с нами. Мы конечно залегли, попробовали на палке приподнять шлемофон, который тут же был прострелен. Но мы определили направление огня и увидели сидящего вдалеке на дереве финского снайпера. Оружия у нас не было и мы решили использовать в качестве его свой танк, который быстро завели, я подъехал к этому дереву и лобовой частью брони силь-

но наклонил его. Снайпер прыгнул в снег, а мы его пленили. К большому нашему сожалению он оказался девушкой лет 20. Был и другой забавный случай. При штурме укреплений линии Маннергейма, которую сами белофины и строившие укрепленный район немецкие инженеры, считали неприступной крепостью, наше командование дало приказ лобовой атакой взять часть укреплений. Но пехотная атака захлебнулась из-за больших потерь и решено было направить в бой танковый взвод из трех машин. Мы быстро преодолели зону прямого артогня и приблизились к Дзоту. Танкисты конечно не знали, что под слоем снега были замаскированы глубокие рвы с полузамерзшей водой. Первый танк хотел подъехать прямо к амбразуре дзота и заехал в один из рвов, сразу провалился, наклонился вниз пушкой, заглох и встал, не имея возможности выехать задним ходом. Все вдруг замело, экипаж этого танка молчал, огонь со стороны финнов прекратился. Через некоторое время с финской стороны появился тягач, наш танк зацепили на трос и попробовали вытащить. Не получилось. Спустя несколько минут подъехал еще один тягач и вдвоем они вытащили из рва машину (танк КВ) и потянули ее в сторону своих позиций. Была дана команда на поражение огнем танковых пушек, но в этот миг экипаж сумел завести двигатель танка и утащил эти два тягача на нашу сторону. Было море смеха и об этом случае была заметка в фронтовой газете того времени. Впоследствии мне довелось побывать в этих дотах и дзотах, построенных в гранитных скалах с шикарными подземными казематами, хранилищами для боеприпасов и казармами. В огневых точках стояли дальнобойные орудия, крупнокалиберные пулеметы. И сколько же они положили наших солдат и техники — вспоминать страшно. Но все равно мы остались невредимыми, а их отодвинули как и опасность грядущей войны от наших границ и колыбели Революции-города Ленинграда. Это произошло в марте 1940 года. Перед отъездом весь наш экипаж побрился, сидя на башне танка, и эту процедуру снял какой-то военный фото-корреспондент. В конце марта мы вернулись на свою позицию в г. Прискуле. В самом конце финской войны все распевали перефразированную песню на тему «Раскинулось море широко...». А слова ее были такие:

*Раскинулись ели широки
В снегу как в халатах стоят
Залег на опушке глубокой
В снегу белофинский отряд...*

В конечном результате при наличии огромных потерь с обеих воюющих сторон и при явном превосходстве русского оружия финская белогвардейщина, видя свой неизбежный крах, заключила с Советским союзом договор о перемирии. Город Выборг навеки стал Советским. И вновь эта завоеванная безопасностью границ оказалась временной.

В середине февраля 1940 года меня вызвали в штаб полка и сообщили радостную новость. За хорошо проведенное испытание танка Т-34 и по ходатайству конструкторского бюро завода на имя командира полка пришло письмо, в котором просили объявить мне благодарность и предоставить краткосрочный отпуск с 1 по 18 марта. Быстрые сборы и я в пути в поезде Белосток-Минск-Днепропетровск, а 3 марта после долгой разлуки я дома. Родня, друзья, знакомые — некогда было скучать и 16 марта я, попрощавшись с родителями, направился в обратный путь. На поезд меня провожал друг детства Гриша Захарченко. Стоя на подножке вагона, мы обнялись, пожали друг другу руки и расстались навсегда. (он погиб в 1943 году). Не знал я и того, что надолго покидаю свой родной город, что через два месяца начнется самая тяжелая и кровопролитная война с Германским фашизмом. 19 июня 1945 г. наш батальон заступил в гарнизонный наряд. В основном мы выполняли роль военной автоинспекции и вели патрулирование улиц. Спокойно прошли сутки, а 20 июня в 18-00 нас сменили. Я и капитан Волков зашли в магазин, купили бутылку польской водки, селедку и баранок, т. к. хлеба не было. В одном из городских парков посидели на лавочке, покушали, немного выпили и направились в часть. По городу тут и там сновали военные машины и мотоциклы. В разговоре мы обсудили это и пришли к мысли, что такое активное движение техники-присутствие в Белостоке командующего Белорусским особым военным округом генерала Павлова, который в эти дни проводил совещания с высшим командным составом. Вернувшись в часть увидели, что солдаты соседнего батальона активно готовят машины, снимают брезент, заправляют баки топливом

и снарядами. Спросили в чем дело? Выяснилось, что это инициатива их командиров, приказавших подготовить все как для боя. Ночь 22 июня 1941 года мы уже провели без сна, т.к в час ночи по боевому приказу выехали в заданный район сосредоточения. В два часа ночи колонна танков остановилась и маршрут движения танкового полка был скорректирован, потому что при движении тяжелых танков КВ соседнего полка рухнул деревянный мост через небольшую, но болотистую речку. Возможно это была заранее запланированная вражеская диверсия. На место сосредоточения прибыли в три часа ночи, расположились в лесу и каждый из нас считал, что идут тактические учения, которые вероятно приказал провести командующий округом генерал Павлов. В очередной раз это было не так. В 4 часа ночи, сидя у танков, мы услышали сплошной гул самолетов, а спустя 5 минут сильнейшие взрывы авиационных бомб. В просветах облаков видны были огромные эскадрильи немецких бомбардировщиков, которые в первую очередь отбомбились с пикированием и воем сирен на аэродроме города Белосток. С горящего аэродрома поднялись в небо всего три истребителя, вступивших в неравный бой и успевших сбить по одному бомбардировщику немцев. Они рухнули недалеко от нас. Затем видимо у них закончился боезапас и все они улетели на восток.

Итак! Без объявления войны началось вероломное вторжение фашистской армии на нашу Советскую страну. Началась Великая Отечественная война, которая на долгие годы стала страшным испытанием для меня и моей Родины!

ЧАСТЬ 2. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941 -1945 гг И МОЯ СУДЬБА.

Мне было 23 года, я старослужащий в звании старшина на должности помпотех батальона. Командир нашего полка полковник Панов, который был умным аналитиком, смелым и решительным командиром и как мы потом поняли и оценили, — с хорошим чутьем опытного военного начальника. Именно ему и командиру шестого механизированного корпуса, в который входил наш полк, мы обязаны жизнью в первый день войны, которые отдал приказ о передислокации войск. Гарнизон, который мы покинули, был в одночасье сметен с лица земли бомбовой авиационной атакой немцев. Непоправимая утрата постигла оставшийся там восьмой танковый полк. А мы, как и большинство советских людей, услышав в 4 часа ночи гул самолетных армид и грохот взрывов, думали совсем не о войне. Рассуждали что идут плановые учения, а мы стоим на исходном рубеже. Но когда в просветах облаков увидели немецкие бомбардировщики и сопровождавших их истребителей, разрисованных черными крестами, в устах солдат прозвучало страшное слово война!

Спустя 10 минут везде до горизонта запыльхали пожары, рвались бомбы и город Белосток окутал черный дым, горел и наш военный аэродром. Но с него три советских истребителя все же взлетели и подбив три бомбардировщика улетели в тыл. Мы тоже пытались им помочь, открыв огонь из станковых пулеметов, установленных на башнях танков. Через некоторое время по приказу двинулись навстречу наступающему по земле врагу. Такой эпизод. Проезжая по одному населенному пункту мы встретили отступающую хозяйственную часть. Но, заметив наши танки идущие колонной, вдруг остановились и стали ящички заносить обратно. Нам было радостно, что люди поверили в нашу силу. Около 12 часов дня наша дивизия еще не вступила в бой и подошла к реке Нарев. Один полк передислоцировался по мосту на противоположную сторону реки и замаскировался в лесу. Остальные подразделения рассредоточились на этом берегу. Командир полка Панов по радио сказал: «Товарищи танкисты! По дороге на Белосток, на которой мы стоим, в нашу сторону движется крупная механизированная вражеская дивизия и мы её встретим как подобает советским танкистам. Они идут к нам с обнаженным мечом. Впереди у нас река, по которой течет прозрачная вода, но она станет красной от вражеской крови». В своих предсказаниях он не ошибся и дело было так! Зная по информации разведки, что в нашу сторону движется большая моторизованная часть с приданной артиллерией, переправившийся танковый полк расположился скрытно вдоль дороги на достаточно большом промежутке. Через час-полтора на большой скорости к мосту проскочили три мотоцикла, все осмотре-

ли и скрылись. Потом подъехала немецкая разведывательная бронемашина с радиостанцией. Мы тихо ожидали. Наконец на горизонте появилась колонна танков, бронемашин с пехотой, автомобилей с пушками на прицепах. Ехали как у себя на параде. Главная часть колонны проехала мост и в этот момент в небо взлетела красная ракета-предусмотренный условный знак начала атаки. Наши танковые батальоны выскочили из засады и ударили в хвост немецкой колонны, заперев возможность ее продвижения назад. Смяв ее направились в сторону моста по дороге тараня боевую технику и живую силу врагов, сея у них страшную панику. Мы стреляли прямой наводкой по голове колонны, также дезорганизуя и деморализуя немцев. Они стали в панике разворачиваться, но увидели, что и там им навстречу мчатся наши танки. При попытке переправится через реку их тяжелая техника глохла и тонула в воде, а мы на полном ходу стреляли из пушек и пулеметов и давили гусеницами их пехоту на подводах и легких бронемашинах. Бой был недолгим, зато вода в реке долго еще была красной от крови врагов, которые незванно пришли на нашу землю. Немецкая дивизия как боевая единица была практически уничтожена и рассеяна в лесу, а наши потери были незначительными. Так закончился первый жестокий бой с фашистами. Они рассчитывали, что их авиация уничтожит нас прямо в гарнизонах и они без сопротивления промаршируют по нашей земле. Нет! Не так у них везде получилось! Для меня это было первое по настоящему боевое испытание и крещение на танке Т-34. Окрыленные первой победой мы радовались и гордились ею как дети.

Быстро привели материальную часть танков и себя лично в порядок, собрали кое-какие трофеи в виде стрелкового оружия и боеприпасов и по команде двинулись колонной по этой же дороге, вдоль которой валялась уничтоженная вражеская техника. Было относительно тихо и казалось, что враг про нас уже забыл. Иногда на большой высоте пролетали самолеты, но нас не трогали. Пройдя местечко Василькув нас догнала небольшая группа заправочных машин ЗИС 5, мы остановились на привал и дозправили доверху все топливные баки. О еде никто не думал. Не могу до сих пор понять почему и как это произошло, что наш батальон расположился на открытой местности на ржаном поле. Рожь в это время цвела. Моя машина стояла ближе к лесу, где стояли заправщики и начали заливку топлива. Не прошло и двадцати минут как в небе над нами снова появились немецкие истребители, а за ними бомбардировщики и группами по три самолета пикируя стали нас бомбить. Я не успев закончить заправку, запоз под свой танк. И в это время недалеко прогремел взрыв, в котором на наших глазах погиб командир батальона капитан Волков. Казалось, что бомбежке не будет конца. По команде все целые машины устремились под прикрытие леса. Сложность заключалась еще и в том, что пыльца от цветущей ржи стояла в воздухе как облако и забивала глаза. Танк пришлось вести вслепую по танковой радиосвязи. В это время командир находился с открытым люком на башне и сильно рисковал быть убитым разлетающимися осколками от бомб. И вот в наушники шлемофона услышал команду ехать зигзагами, потому что на нас пикирует бомбардировщик. Я это выполнил даже с кратковременной остановкой, но падающая бомба все равно упала перед танком, раздался взрыв огромной силы, машину подбросило в воздух и швырнуло обратно на землю. Объем башни заполнился гарью и пылью. Открыл передний люк механика-водителя и ахнул от изумления, потому что метрах в пяти от машины была огромная воронка, в которую легко могли бы поместиться два танка. Экипажу тоже стало не по себе и мы поняли, что родились в рубашках. Доехали до леса и пока самолеты не подлетели заправили танк горючим и вместе с другими машинами по азимуту на карте выдвинулись через лес в направлении местечка Сукульки. Это был последний городок, где мы вели наступательные и оборонительные бои в районе города Белосток и затем начали отступать в сторону города Гродно. Позже узнали, что нам грозило полное окружение. Шоссеиные дороги контролировались немецкой авиацией и поэтому шли проселками и грунтовыми трассами. Большинство местности в этих краях заболочена и для тяжелых танков оказалась непроходимой. Начались потери. Самолеты немцев безнаказанно расстреливали наши войска и господствовали в воздухе. Как это было обидно и горько, что мы ничего им не можем противопоставить и особенно смотреть в глаза беззащитных пожилых людей и детей, остающихся в оккупации, которые ждали защиты. Так вот и было в первые дни войны, героизм и неожиданная трагедия для народа.

При отступлении весь световой день переживали в лесу, хоронили убитых солдат и только поздним вечером на закате солнца двинулись в путь. В тоже самое время в бинокли заметили на горизонте движущуюся в нашем направлении немецкую воинскую часть с артиллерийским обозом и автомашинами. Ничего не оставалось делать как занять боевую позицию и ждать, что будет дальше. По всем танкам был доведен приказ: «Без команды не открывать огонь, не двигаться». Снарядов и патронов было совсем мало. Готовых к бою танков у нас насчитывалось 22 единицы. Медленно шли минуты томительного ожидания и нервного напряжения. Немцы ничего не подозревая, заняли окраину лесного массива и начали располагаться на ночлег. Как у себя дома, они рядами парковали автомашины, распрягали лошадей. В общем готовились к отдыху, занимая палатками большую территорию леса, в котором не очень далеко заняли свои боевые позиции и мы. Командир объяснил всем экипажам задачу предстоящего наступления. Как только немцы, располагаясь в лесу, приблизятся к нам, будет заведен двигатель командирского танка, что будет сигналом начала атаки идти развернутым строем, чтобы максимально охватить и прорунжить технику и живой силы противника. И вот это сигнал дан. В одно мгновение рев моторов и скрежет гусениц обрушился на собравшихся поужинать фрицев. В считанные минуты было раздавлено и уничтожено все, что стояло на пути танков Т34. Это была им частичная плата за то зло, которое совсем недавно пережили мы на переправе. Мы проехали через расположение немцев без единого выстрела. Когда они опомнились, сосредоточились и пришли в себя, стреляя из пушек, вреда нам они уже причинить не могли из-за большого расстояния. Так мы случайно и без потерь по воле военной судьбы очередной дали жесткий урок фашистам, что на нашей земле их всегда будет ждать такая участь и опасность. Остатки боеприпасов пригодились позднее. И всегда я восхищаюсь нашим боевым командиром Пановым, который умел организовать такое дерзкое наступление в казалось бы сложнейших условиях, находившихся на грани.

Мой дорогой Т34, который ни разу не был подбит, который сотни раз выручал нас в бою, грома ненавистных врагов, остановился все же навсегда подбитым на поле и помочь ему мы ничем не могли. С этой минуты закончилась навсегда моя профессия танкиста, механика-водителя любимой всем экипажем машины. Эти танки по прошествии времени успешно громили врагов и закончили войну победой в главном фашистском логове — Берлине. А мы направились на встречу своей судьбе, взяв личное оружие и боевые гранаты, которые тоже входили в боекомплект танка.

Село стояло недалеко от станции Лесная, местный колхозник нас не прогнал и оставил дома на отдых. Примерно через час после наступления темноты в дом зашел другой житель хутора под видом взять соломы. Мы договорились с ним о хлебе-соли и картошке, за это я расслаптался своими именными часами, которыми был награжден за штабные учения. Он часть продуктов принес, чем мы и покушали, а на утро пообещал принести остальное. Но, он оказался предателем и на рассвете 15 июля 1941 года привел немцев с автоматами и те взяли нас сонных и обесиленных в плен. Так как я не мог самостоятельно передвигаться меня бросили в повозку и повезли на станцию Лесная, где уже стоял эшелон с десятками тысяч наших военнопленных. Погрузили в товарные вагоны «битком под завязку», где можно было только стоять и отправили через Брестский мост на другую сторону реки Буг в лагерь, огороженный двумя рядами колючей проволоки с о смотровыми вышками и без единого барака на голой песчаной местности. Фашисты это умели делать быстро. Нас держали без еды и пищи больше трех дней. В этот период активно умирали раненые бойцы, которых хоронили прямо на месте стоянки сами пленные. На четвертый день нам выдали по 200 граммовой коробочке перловой каши кому в пилотку, а кому и прямо в руки, потому что котелки все были давно отобраны. Так без практически пищи воды нас держали под открытым небом больше 20 дней. Я оказался сильнее многих солдат и выжил. Дальше были страшные годы испытаний, оскорблений и унижений в фашистских концлагерях по всей Европе, о которых мне и сейчас вспоминать больно. Я несколько раз совершал побег из фашистских концлагерей и вновь попадал в другие. Освобождение тоже не было радостным, т.к нас снова посадили в лагерь но только Советские, но мы были реабилитированы и восстановлены в правах. При этом я лично на это не обижен на Советскую власть. Такое было время, где и в лагерях были особые предатели.

Поэт Чингиз Айтматов написал про наше поколение так:

*«Давно все эти люди стали дымом
И хоть с тех пор летел за годом год
И нынче мука их неугасимым горит огнем
И нашу совесть жжёт...»*

Яков Коваленко 2001 год:

*Не грусти друг солдат
Сними с сердца печаль
Не далек уж твой путь
И вдали твой привал*

Часть третья МНЕ 80 ЛЕТ

*А жизнь ведь прожита не зря
Родились внуки - якоря
Немножко с грустью улыбнемся
Делами новыми займемся*

Вот такие слова родились во мне с горечи, от той жизни в старости, которую мы, защитники Отечества, никак не заслужили. Прошли годы перестройки, распада Советского Союза, переоценки ценностей, появились снова господа, олигархи. Большая часть народа живет плохо, еле сводя концы с концами, появились националисты и бандеровцы. Что это? Возврат в прошлое или сон? Нет! Это реальность. Но виновником этой драмы я себя не считаю!

Мы жили в послевоенное время не так как современное поколение, детских садов не было. Квартиру дал мне трест №17. Она была просторной и светлой. Это был отдельный домик с мансардой с небольшим земельным участком в самом центре Днепрпетровска на улице. Одоевского. Я посадил на нем фруктовый сад и любил ухаживать за ним. Часто, приходя с работы, допоздна играл с дочками, катая их летом на тележке, а зимой на санках

Сыграли две свадьбы, даже с размахом, не с шиком, но прилично!

*Играли свадьбы по три дня
Собралась в доме вся родня
Здоровья, счастья пожелали
Все веселились, танцевали*

*И наконец ушли все гости,
А мы остались на помосте
Одни подсчитывать долги
Кому отдать сейчас должны*

*Но это вовсе не беда
Полегче жизнь была тогда
Хотя судьба не баловала
Но кое что и нам давала*

Бежало время, росли внуки, окончив школы, один закончил медицинский институт, второй — горный

В то время я уже развелся со своей первой женой, построил себе новый дом и женился на Ирине, которая была меня младше на двадцать лет. Возраст и тяжелая жизнь брала свое. У меня развилась стенокардия и всяческие болезни старого человека. Появилось какое-то чувство вины перед всеми. За что-не знаю. Все делал для семьи, детей и внуков.

А почему слог мой такой унылый и грустный. Да жаль, что идеалы, за которые легли в землю десятки миллионов славян, растоптаны. Вновь денежный червь внедрился в сознание людей. Материальные блага стали приоритетом, а духовность - делать естественно добрые дела, ушла на второй план.

ПОЛЫНЬ ТЫ ГОРЬКАЯ МОЯ

(июль 2001 г.)

**Полынь, полынь-трава степная
На плечи Родины легла
А ты, родная Украина!
Сберечь то братство не смогла**

**Мы все ведь вместе победили
На поле брани и в труде**

**И как-то быстро позабыли
Как мы трудились на земле**

**Квартиры новые сдавали
И всех бесплатно заселяли
Но без комфорта, как могли
С надеждой к лучшему мы шли**

**Врачи лечили нас бесплатно
И всё поверьте было ладно
Медикаменты за гроши
Все было просто, от души**

**Конечно не было рекламы
Продукты пробовали сами
На вкус, на цвет и по карману
Все было просто, без обмана**

**Цена на все была стабильна
А за обман — статья обильна
За качество обиды были
Виновны сроки получили**

**За труд хороший отмечали
И по заслугам награждали
И про солдат не забывали
И ветеранов вспоминали**

**Поют романс на новый лад
Могу поспорить под заклад
Грабят народ как проходимцы
Потом на отдых едут в Ниццу**

**И что нас больше удивляет
За «те труды» их награждают
Кто больше с Родины украл
Тот выше орден получал**

**И вдруг все стали патриоты
Твердят об этом до икоты
Но нет родного языка
Вся речь с чужого языка**

**Про стариков, про тех бабушек
За жизнь их сказать боюсь
Они то, братцы, воевали
Страну не раз уж поднимали**

**Начнут в долги их загонять
Чтобы дешевле торговать
И заберут его пшеницу
Продать быстрее за границу**

**Займитесь добрыми делами
Кончайте склоки между вами
Найдите верные пути
Как к лучшей жизни нам придти**

**Чтоб порешить на раз с ворами
И рассчитаться нам с долгами
Вернуть те деньги с заграницы
Не продавать жульню пшеницу**

**А по хозяйски всё собрать
И пуще глаза сохранять
Не дать Европе нас учить
Как хлеб нам печь и борщ варить**

Мне совсем не хочется писать о грустном, но нас захлестывает нужда. Мы почти не едим мясо, а покупаем только сахарные косточки и лытки. Причем нам не нужна одежда, а жалкой пенсии не хватает ни на что.

**Смотреть мне больно на старушку
Что ест «объедки» с стола
Она рекламная игрушка
Для тех, кто ныне господа**

ПАМЯТИ ДОБРЫХ ДРУЗЕЙ

(12 октября 2002 г)

**А я живу и не сгибаюсь
Сию с друзьями, улыбаюсь
Порой бывает и взгрустну
С больною раной не усну**

**Мы дружно сядем за столом
Бокалы все нальём вином
И вспомним битву за страну
Солдат погибших в ту войну**

РОВЕСНИК СТРАНЫ

(декабрь 2002 г)

**Мы рождены в начале века
Совместно с Родиной моей
Куранты точно отбивают
Года, прожиты вместе с ней**

**Для вас, о милые потомки!
Для наших внуков и детей
Для жизни вашей в путь далекий
Для ваших жизненных идей**

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СКАЗАННОМУ И НАПИСАННОМУ

Вспоминая о тяжести времени, которое выпало на наше измученное и многострадальное поколение, с болью в сердце хочется еще раз мысленно прошагать по своему жизненному пути и напомнить молодому поколению о его вечном долге перед теми, кто родился и жил в начале века до восьмидесятых годов нашего ужасного двадцатого века. Это наше поколение пережило революцию, гражданскую войну, голод 1921 года, коллективизацию, разруху, голод, гонения и наконец самое страшное нашествие - вторую мировую войну. Она началась в 1938 году и продолжалась по май 1945 года. Эта война унесла много десятков миллионов молодых человеческих жизней, жизней, которые не познали любви и что такое жизнь вообще. Война принесла невиданную разруху, разрушила сотни наших городов и тыся-

чи населенных пунктов. На плечи нашего народа вновь упали голод, холод и террор. Война требовала оружия, хлеба, одежды. Мы были на фронте, а женщины, старики и дети работали до изнурения и спали на рабочих местах. Мы теперь знаем, что они ели в глубоком тылу. Страшное происходило и на оккупированных территориях Белоруссии и Украины. Это было унижение, оскорбление, насилие, расстрелы и грабежи, угон в Германию на принудительные работы и концлагеря смерти.

В мае 1945 года Великая Отечественная война, (так она называется для советского народа) закончилась. Победители, израненные и измученные, возвратились домой в разбитые и сожженные города, села - на свои пепелища. И опять голод, холод, болезни. Но необходимо было жить дальше, восстанавливать разрушенное и строить новое. Все это легло на плечи все того же поколения.

Прошли годы, зажили раны, утихла боль и страдания, появилось на свет новое поколение, уже не знавшее войны и страданий - это наши дети, которым мы по мере сил старались создать лучшие условия жизни, чтобы они не знали того горя и нищеты как мы, с большой надеждой на благодарность в будущем и на нашу счастливую старость.

Но увы и к большому сожалению для многих из нас это осталось в фантазиях. Мы их вырастили, выучили, старались по мере возможности облегчить их жизнь в суровой действительности, но упустили тот момент, когда некоторые внутри страны предали такие принципы как доброта, уважение к старшим, уважения к немощным старикам и инвалидам и всем тем, благодаря кому они появились на свет!

Где же причина и кто виноват в этом? Простите за нескромность задаваемого вопроса: «Кто так бурно подыграл плану американского ястреба Алена Даллеса и развил этот процесс до критического состояния, а именно до распада Великого Государства? Кто создал совершенно иную систему ценностей, как не противники предыдущей?»

Народ потерял веру в будущее, произошла переоценка ценностей, а отсутствие национальной идеи — означает крах любой системы. Простите, если я кого - то обидел.

Послесловие: Яков Яковлевич Коваленко умер 2 августа 2007 года на 90-м году жизни. Его жена Ирина Петровна ушла из жизни в 2013г. на 86-й год. Оба похоронены рядом в городе Днепропетровске.

Записки воспоминаний были завещаны мне-Галезнику Анатолию Борисовичу, сыну ветерана Великой Отечественной войны - Галезника Бориса Ивановича, прошедшего весь боевой путь с июня 1941 по апрель 1945 г, принявшего участие в Параде Победы на Красной площади г. Москва 23 июня 1945 года.